ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1983

Этнокультурные процессы в Западной Сибири: Сб. статей/Отв. ред. Матющенко В. И.— Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983.— 10,7 — 1 р. 60 к. 500 экз., 0507000000.

Сборник подготовлен кафедрой всеобщей истории Омского государственного университета. Ученые Омска, Томска, Москвы, Ленинграда и ряда других городов на материалах археологии, этнографии, архивных документах прослеживают многообразные культурные этнические процессы, протекавшие на территории Западной Сибири в разные исторические эпохи.

Сборник рассчитан на археологов, этнографов, историков и краеведов.

Рецензент — Ю. В. Балакин

Редакционная коллегия: доцент И. В. Захарова, профессор В. И. Матющенко (отв. редактор), доцент Н. А. Томилов

Э $\frac{0507000000}{177(012)-83}$ 19—82

© Издательство Томского университета, 1983 г.

И. Г. ГЛУШКОВ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В АРХЕОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20 — НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ

В последнее время усилился интерес к теории археологии. Этим объясняется появление многочисленных публикаций, посвященных различным методологическим вопросам науки. Но, к сожалению, до сих пор никто не уделил должного внимания истории теоретической мысли в археологии, особенно в советское время.

Наиболее мощным был «всплеск» теоретических разработок в 20 — начале 30-х гг. Развитие теории археологии в тот период во многом отражало ситуацию, сложившуюся в общественных науках. В 1926 г. в МГУ и ЛГУ началось так называемое «выдвиженство», когда наиболее способных студентов готовили к поступлению в аспирантуру. В. А. Городцов выдвинул своих учеников: А. Я. Брюсова, С. В. Киселева, А. В. Арциховского, А. П. Смирнова.

Первые выпускники археологического отделения исторического факультета МГУ — молодые ученые — были воспитаны на идеях марксизма в социологии, но вместе с тем они очень многое восприняли и от своего учителя. Период их обучения в Московском университете (с 1923 по 1926 гг.) совпал с периодом, когда обществоведение становится предметом преподавания в средней школе и в высших учебных заведениях, вытесняя оттуда историю. В связи с этим у молодых ученых появились работы, страдающие социологическим схематизмом, например, ранние аспирантские работы А. Я. Брюсова, А. В. Арциховского, А. П. Смирнова и др.[1] И хотя эти исследования отражали вульгарное, прямолинейное понимание марксизма, тем не менее они содержали первые опыты применения марксистского метода в археологии[2].

---

[1] Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки. М., 1968, с. 47.

[2] См. Брюсов А. Я. Восстановление общественно-экономических

В это время в советской археологической науке начали складываться две школы: московская и ленинградская. Москвичи уделяли большое внимание вещам, источниковедческому анализу. Так, много лет спустя А. В. Арциховский говорил, что в археологии он считает себя прежде всего «вещеведом»[3]. Скрупулезный источниковедческий анализ пропагандировал также профессор Б. С. Жуков[4]. В Ленинграде коллектив археологов сложился в ГАИМК. Большим влиянием в академии пользовался Н. Я. Марр. Лингвист по образованию, он занимался надстроечными явлениями на теоретическом уровне и призывал использовать комплексный метод при подходе к любой проблеме, а также обращал внимание историков первобытного общества на огромные возможности реконструкции по лингвистическому материалу. Эту мысль развивали его ученики и последователи. Поэтому в Ленинграде большое внимание уделялось анализу надстроечных явлений как основы исторических реконструкций. Соперничество этих двух школ наложило отпечаток на развитие советской археологии.

В 1928 г. группа молодых московских археологов (А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев) выступила с докладом «Новые методы в археологии» в Обществе историков-марксистов[5]. Их выступление явилось новой вехой в развитии теоретических основ советской археологии и знаменовало начало марксистской археологической науки. Доклад был продолжением методологических работ, опубликованных ранее. По словам авторов, «археология имеет право на существование лишь в том случае, если ее задачей является восстановление по памятникам материальной культуры общественно-экономических формаций... Археология есть наука са-

---

формаций в культурах неолитического типа.— Труды секции теории и методологии (социологической) РАНИОН, М., 1928; Он же. Жилища: История жилища с социально-экономической точки зрения. М., 1926; Арциховский А. В. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий.— Труды социологической секции РАНИОН. М., 1927; Киселев С. В. Поселение: Социологический очерк.— Труды секции теории методологии РАНИОН. М., 1928; Смирнов А. П. Социально-экономический строй восточных финнов IX—XIII вв. н. э.— Там же.

[3] См.: Авдусин В. А. А. В. Арциховский как археолог.— Вестник МГУ, 1978, № 6, с. 7.

[4] См.: Формозов А. А. Очерки истории русской археологии. М., 1961, с. 120.

[5] Арциховский А. В. Новые методы в археологии.— Историк-марксист, 1929, т. 14.

мостоятельная, обладающая достаточным материалом для социологических построений... Задача археологии состоит в том, чтобы на основании изучения памятников материальной культуры, главным образом, орудий труда, восстановить возможно всесторонне и полнее жизнь исчезнувших общественно-экономических формаций»[6]. Итак, предметом археологии является общественно-экономическая формация, которую можно восстановить на основании орудий труда, «этих основных определяющих производительных сил»[7]. Как известно, предмет обусловливает метод. Для того, чтобы раскрыть предмет, авторы предлагали пользоваться методом «восхождения», который был предложен впервые А. В. Арциховским в 1927 г.[8] Суть этого метода заключалась в следующем: «...мы можем восстановить по археологическим материалам древнюю систему производительных сил. Но если так, то отсюда мы можем восходить к системе производственных отношений, поскольку зависимость производительных сил и производственных отношений установлена марксизмом»[9]. В 1930 г. подобную мысль высказывал и В. А. Городцов: «В настоящее время археология, изучая орудия труда как рычаги развития, выяснила, что определенным типам орудий должны закономерно и неизбежно соответствовать те или другие общественные формации»[10]. Из всех этих определений остается непонятным, что же понимали авторы под общественно-экономической формацией. Необходимо сказать, что четкого понимания категории «формация» в советской исторической науке 20—30-х гг. не было. В работах большинства ученых под формацией понимались «общественная форма» (П. И. Кушнер, А. А. Богданов), «хозяйственная форма», «эпоха» (Н. А. Рожков) [11].

Следовательно, в разбираемых работах речь шла либо о

---

[6] Там же, с. 137—140; Смирнов А. П. Указ. соч., с. 63.

[7] Арциховский А. В. Новые методы археологии, с. 140.

[8] См.: Арциховский А. В. Социологическое значение эволюции.., с. 124.

[9] Арциховский А. В. Новые методы археологии, с. 137—138.

[10] Городцов В. А. Значение изучения древней техники в археологии.— В кн.: Техника обработки камня и металла. Труды секции археологии РАНИОН, 1930, т. 6, с. 10.

[11] См.: Кушнер П. И. Очерк развития общественных форм. М., 1929; Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. М., 1920; Алексеева Г. Д. Из истории разработки теоретических проблем в советской исторической науке (20-е — начало 30-х годов XX в.).— В кн.: История и историки. М., 1937, с. 11.

быте, либо о хозяйственном строе, а не о философской абстракции. Метод «восхождения», с помощью которого предполагалось осуществить реконструкцию общественно-экономической формации, был основан, как писали авторы, на том, что «зависимость производительных сил и производственных отношений установлена марксизмом»[12]. Этот факт действительно установлен марксизмом, но марксистская социология не дает ответа на то, как связаны производительные силы и производственные отношения. И здесь авторы обращаются к лекциям Н. И. Бухарина по историческому материализму: «Все мы слушали в университете блестящие по форме лекции Н. И. Бухарина и сквозь призму его взглядов невольно воспринимали многое и при чтении трудов самих основоположников марксизма-ленинизма»[13].

Очень подробно разбирал метод «восхождения» в 1930—1931 гг. В. И. Равдоникас[14]. Он писал: «По А. В. Арциховскому, экономический фундамент покоится на техническом фундаменте (суженном у него до одних только голых орудий труда). По Н. И. Бухарину: «Если нам нужно социологическое определение производительных сил, мы можем взять техническую систему общества, активный переменный фактор общественного развития ...первичным элементом являются средства производства». Их он выделяет как «активную часть производства, а именно орудия труда, техническую систему общества». Далее, по Н. И. Бухарину, «вещественные и личные элементы производства связаны друг с другом по совершенно определенному типу и в совершенно определенной пропорции», «сочетание орудий труда, общественная техника определяет собой общественную экономику»[15] Но не только «Теория исторического материализма» Н. И. Бухарина легла в основу этого метода. Чувствуется сильное влияние законов В. А. Городцова. Это отметил в свое время и В. И. Равдоникас[16]. Однако в чем конкретно проявилось его влияние на

---

[12] Арциховский А. В. Новые методы археологии, с. 138.

[13] Арциховский А. В., Смирнов А. П., Киселев С. В. Возникновение, развитие и исчезновение марксистской археологии. — СГАИМК, 1932, № 1—2, с. 47.

[14] См. Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры. Л., 1930; Он же. О применении метода диамата к истории доклассового общества.— СГАИМК, 1931, № 9—10.

[15] Равдоникас В. И. О применении метода диамата.., с. 11.

[16] Равдоникас В. И. За марксистскую историю.., с. 77.

метод «восхождения», В. И. Равдоникас, к сожалению, не смог объяснить, так как подход в 30-е гг. к личности В. А. Городцова был очень тенденциозен. Между тем методом «восхождения» можно было пользоваться только на основании закона индустриальной причинности, причем именно в трактовке Городцова. Метод «восхождения» предполагал не только прямую связь орудия труда — общественно-экономическая формация, но и наоборот, общественно-экономическая формация — орудия труда. Это нашло отражение в работе А. Я. Брюсова. «Положение, что общественно-экономические формации зависят в конечном счете от развития и состояния производительных сил, не исключает,— и именно в силу этой связи,— диалектического заключения от следствия к причине» [17]. По В. А. Городцову, «закон индустриальной причинности, как и мировой закон, дает возможность заключать от следствия к причине и от причины к следствию» [18]. Следовательно, пользуясь законом индустриальной причинности, А. Я. Брюсов понимал его как «жесткую» детерминацию, на основе которой и был создан метод «восхождения».

Становится совершенно очевидным, что молодые археологи пытались совместить марксистскую социологию и «философию археологии» В. А. Городцова. Это было первым опытом переосмысления наследия ученых начала XX в. и создания теоретических основ советской археологии. В принципе верное определение предмета археологии нашло неверное отражение в методах реконструкции. Так, тезис о самостоятельности археологии был абсолютизирован и принижал, даже сводил на нет значение этнографии как источника для реконструкции первобытного общества.

С. В. Киселев, полемизируя с Дмитриевым, говорил: «Что же касается примеров из этнографии, на которых Дмитриев так настаивает, то они для нас могут быть лишь гипотетическими иллюстрациями... Мы считаем, что должно быть перенесено лишь самое общее, и тем самым обращаемся к посредничеству социологии, а не этнографии» [19]. Археология, таким образом, ставилась в прямую зависимость от развития социологии. Это объективно вело к голому социологизированию. Образцом такой работы явилась более поздняя книга

---

[17] Брюсов А. Я. Восстановление общественно-экономических формаций.., с. 12.

[18] Городцов В. А. Археология, Пг., 1921, т. 1, с. 8.

[19] Арциховский А. В. Новые методы археологии, с. 146.

С. В. Киселева «Разложение рода и феодализм на Енисее»[20]. Эта работа написана с использованием метода «восхождения», когда археологический материал трактовался с помощью социологии. Подобными ошибками грешат и ранние работы В. И. Равдоникаса. В одной из своих работ автор пишет о необходимости изучать средства труда не сами по себе, а по средствам труда восстанавливать исчезнувшие общественно-экономические формации[21]. В другой работе В. И. Равдоникас отмечает, что «материальная культура развивается по собственным законам, лишь переплетаясь с развитием общества, общественно-экономических формаций. <...> В общественной материальной культуре, в вещном мире общества мы имеем ту объективно особую форму движения, в которой, по Ф. Энгельсу, нужно искать критерий для разграничения наук»[22]. Критикуя А. В. Арциховского и других, В. И. Равдоникас сам допускает ошибки. Материальная культура сводится лишь к вещному миру общества, который развивается по своим особым законам, лишь «переплетаясь» с законами развития общественных формаций. Тем самым «вещный мир» наделяется особыми законами, отличными от законов общественной формы движения материи. Но законы материальной культуры как вещного мира могут быть лишь отражением общественно-исторических законов. Наделять вещный мир особыми свойствами, которые превращают материальную культуру в «особую форму движения»,— ошибка, которую сейчас повторяют и некоторые советские археологи.[23]. В свое время многие слабые стороны работы В. И. Равдоникаса отмечал И. И. Смирнов, но он также не смог до конца проанализировать позиции В. И. Равдоникаса, хотя и отмечал, что «категория общественно-экономической формации превращается в фон, в котором развивается особый мир вещей. Поэтому в своих дальнейших выводах В. И. Равдоникас оказался в плену у вещеведения»[24].

---

[20] См.: Киселев С. В. Разложение рода и феодализм на Енисее. Л., 1933.

[21] Равдоникас В. И. К вопросу о социологической периодизации палеолита в связи с взглядами Маркса и Энгельса на первобытное общество.— ИГАИМК, 1931, т. 9, вып. 2.

[22] Равдоникас В. И. За марксистскую историю.., с. 14.

[23] Григорьев Г. П. Совершенствование методики изучения палеолита в СССР.— В кн.: Теоретические основы советской археологии. Л., 1969, с. 13.

[24] Смирнов И. И. Возможна ли «марксистская история материальной культуры».— СГАИМК, 1932, № 1—2, с. 39.

Таким образом, В. И. Равдоникас пользовался теми же механистическими установками, что и А. В. Арциховский, С. В. Киселев, А. Я. Брюсов. Рассматриваемая концепция теории археологии сводилась к изучению археологического материала с точки зрения общесоциологических закономерностей, т. е. с позиции законов функционирования общества. Но жесткое ограничение содержания основных методов только археологией, с одной стороны, и только социологией — с другой, без привлечения данных других наук, делает этот метод порочным, что было замечено археологами из ГАИМК. В пылу полемики был отменен не только метод, но и те верные принципы, исходя из которых за археологией признавалась самостоятельность среди других исторических наук, отмечалась и основная задача археологии как науки, предметом которой является реконструкция древнего общества [25].

Дальнейшее развитие археологической теории в первой половине 30-х гг. шло в русле развития советской философии и истории. Как и историческая наука, археология также отличалась крайним социологизированием. В известной мере социологизирование представляет собой реакцию на старую буржуазную археологию.

Представители последней уклонялись от решения кардинальных вопросов, уходили в эмпиризм и описательность. Но, по свидетельству Н. К. Андреева, социологизаторство имеет связь не только с кризисом буржуазной исторической науки в целом, но и вытекает из логики развития самой науки, когда описательность сменяется исканием законов как своей противоположностью.

Следовательно, социологизация гражданской истории была закономерным процессом усвоения стройной, единой, последовательной марксистской концепции. Историки-марксисты ставили задачей иллюстрировать историческими фактами методологические принципы материалистического понимания истории [26].

Важным звеном в понимании соотношения истории и социологии в этот период служат результаты дискуссии «механистов» с «диалектиками» (1922—1929 гг.). Требование применения диалектического метода в исследовании конкретных проблем привело к тому, что диалектика превращалась в ча-

---

[25] См.: Быковский С. М. О классовых корнях старой археологии.— СГАИМК, 1931, № 9—10.

[26] См.: Алексеева Г. Д. Указ. соч., с. 6.

стную методологию наук[27]. Это также послужило базой для построения общих схем, отражающих одни диалектические закономерности, проиллюстрированные конкретным материалом. Но первобытная история и археология имели и специфические причины, обусловливающие социологизаторство.

Марксизм проникал в эти области науки через учение академика Н. Я. Марра. Оно получило название «теория стадиальности». Суть теории стадиальности заключается в прямолинейном, схематически «чистом» использовании принципов производственного детерминизма, универсальности законов, принципа историзма для построения социологических реконструкций на археологическом материале[28]. Поэтому ошибки были неизбежны.

М. Н. Покровский очень метко определил яфетическую теорию как методологию «стихийного исторического материализма»[29].

К научной деятельности Н. Я. Марра мы вернемся несколько позднее, а сейчас хотелось бы отметить еще одну крайность, характерную для того периода в целом и также нашедшую отражение в работах по первобытной истории и археологии. Это политический характер критики, в основе которого лежит дух эпохи — начало складывания культа личности Сталина, атмосфера общей подозрительности и политических проработок.

Неумение порой объяснить с позиций марксизма какое-либо явление вело к навязыванию определенной доктрины почти насильно. Так, С. Н. Быковский писал: «Для тех, кто марксистски мыслить не может, должны быть применены методы воздействия более сильные, чем разъяснение и убеждение»[30].

Письмо И. В. Сталина, опубликованное в журнале «Пролетарская революция», резко усилило атмосферу подозрительности. Многие археологи были репрессированы: С. А. Теплоухов, С. И. Руденко и др. Особенно сильным нападкам подвергся В. А. Городцов. «Методологические установки

---

[27] См.: Ксенофонтов В. И. Ленинские идеи в советской философской науке 20-х годов. Л., 1975, с. 58—60.

[28] См.: Клейн Л. С. К оценке эмпиризма в современной археологии.— В кн.: Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977, вып. 1, с. 14.

[29] Аптекарь В. А. Рец. на кн.: Мещанинов И. И. Палеоэтнология и Homo sapiens.— ИГ, 1930, т. 6, вып. 7. Историк-марксист, 1931, т. 21.

[30] Быковский С. Н. Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями.— СГАИМК, 1931, № 4—5, с. 21.

В. А. Городцова так ясны... чтобы судить об их антимарксистской сущности»,— писал о нем С. Н. Быковский. Е. Ю. Кричевский весомо добавлял: «В. А. Городцов — типичный представитель буржуазной археологии» [31]. Была отвергнута не только методология В. А. Городцова, но и все положительные методы, которые он внедрял. «Критика» доходила до абсурда. Отметая все «буржуазные» и «антимарксистские» методы, некоторые археологи предлагали, например, следующие способы датировок: «При установлении хронологических дат в основу берутся чрезмерно переоцененные формальные признаки...— писал И. И. Мещанинов,— взамен одностороннего, формально-типологического определения должен быть выдвинут анализ формы и содержания в связи с социальным развитием... Следовательно, упор должен делаться на период, границы которого определяются резкими изменениями скачкообразного, диалектического развития в начале исторического периода и в конце его» [32]. М. Г. Худяков указывал, что «...определение принадлежности к той или иной стадии, той или иной социально-экономической формации является качественно отличным от формальной датировки тем или иным столетием какой-нибудь эры» [33]. Такие датировки были в духе социологизаторского подхода к источнику.

Отвергался также формально-типологический метод. С. Н. Быковский писал: «...формально-типологический метод, взятый сам по себе, стоит в идеологической связи с общественным сознанием мелкого буржуа. Он соответствует общественному сознанию нэпмана и кулака» [34]. Только Т. С. Пассек в тот период дала наиболее конструктивную критику этого метода [35].

Ликвидация всех частнонаучных методов, как уже говорилось выше, была обусловлена развитием крайней тенденции в философской науке. Некоторые философы («диалектики») полагали, что структуру любой научной дисциплины, ее

---

[31] Быковский С. Н. Указ. соч., с. 21; Кричевский Е. Ю. Буржуазная археология в советском музее.— СГАИМК, 1931, № 9—10, с. 65.

[32] Мещанинов И. И. К вопросу о датировке археологических памятников.— СГАИМК, 1932, № 5—6, с. 24—26.

[33] Худяков М. Г. К вопросу о датировке археологических памятников.— Там же, с. 22.

[34] Быковский С. Н. О классовых корнях старой археологии.— СГАИМК, 1931, № 9—10, с. 4.

[35] См.: Пассек Т. С. К вопросу о приеме сравнения в истории материальной культуры.— Л., 1933.

предмет и метод можно вывести из общих принципов диалектического и исторического материализма. В трудах классиков марксизма-ленинизма часто встречаются определения диалектико-материалистического метода как единственно правильного и единственно научного. В таких определениях он, как правило, противопоставляется философским методам либо метафизического материализма, либо идеалистической диалектики. Однако высказывания классиков истолковывались так, что единственно научным оказывался диалектический метод [36]. Это не могло не повлечь за собой если не прямое отрицание, то фактическое умаление роли методов частных наук. В археологии это проявилось в ликвидации всех частнонаучных методов (типологического, историко-сравнительного, метода датировок и др.) и в признании диалектического метода единственно научным [37].

Таким образом, тот фон, на котором развивалась теория советской археологии, определял и пути, по которым это развитие шло. Но несмотря на все ошибки, которые были вызваны скорее той атмосферой, в которой развивалась археологическая теория, чем логикой развития самой науки, методологическая проблематика переживала большой подъем.

Необходимость пересмотра методологии археологии назрела после критики методологических установок московских археологов со стороны ленинградцев. В археологии в этот период доминирующее положение получила ленинградская школа, которая находилась под сильным влиянием Н. Я. Марра, неустанно пропагандирующего комплексный метод при подходе к древнему обществу. «Он все время стремился... пробудить в них (исследовательских коллективах.— *И. Г.*) интерес к вопросам общеметодологического значения, которые он совершенно правильно рассматривал как необходимое условие нормального роста учреждения (Академии.— *И. Г.*)»,— пишет в воспоминаниях о нем П. П. Ефименко. «С этой целью, в частности, Н. Я. Марром была создана работавшая под его непосредственным руководством особая методологическая ячейка» [38]. Н. Я. Марр впервые пришел к мысли о создании комплексной экспедиции, которая и была осуществлена в Чувашской АССР в 1925—1926 гг.

---

[36] См.: Ксенофонтов В. И. Указ. соч., с. 56, 57.

[37] См.: Смирнов И. И. Указ. соч.; Равдоникас В. И. О применении метода диамата к истории доклассового общества.

[38] Ефименко П. П. Из воспоминаний о Н. Я. Марре.— ПИДО, 1935. № 3—4, с. 156.

Роль Н. Я. Марра в становлении марксистской методологии первобытной истории и археологии велика, несмотря на все его ошибки. Требование создания реконструкции первобытного общества с позиции комплексного подхода явилось основной директивой для ленинградских археологов. Это было особенностью ленинградской школы и немало способствовало в дальнейшем развитию истории материальной культуры.

Появление истории материальной культуры было тесно связано с проблемой применения различных источников для изучения первобытности, в первую очередь этнографических.

Еще в 1928 г. В. И. Равдоникас писал о необходимости привлечения этнографических и других материалов. «Сближение археологии с этнографией следует понимать не в смысле этнологизирования археологии, что является ошибочным руководящим принципом современной палеоэтнологии, но в смысле социологизирования. Дело совсем не в том, чтобы давать этнические определения тем или иным комплексам археологических находок, а в следующем. Если между элементами общества, например, между его производительным базисом и надстройкой, существует закономерная связь, то, установив конкретные формы этой связи путем изучения жизни современных отсталых обществ, мы можем отправляться от тех или иных найденных археологических элементов, особенно таких важных, как орудия труда, как техника производства, восстанавливать в главных чертах всю древнюю общественно-экономическую формацию»[39]. Мы привели отрывок из рассуждений В. И. Равдоникаса для его подробного анализа. Отвлекаясь от тех механистических ошибок, которые он допустил (переход от орудий труда к общественно-экономическим формациям), постараемся сравнить его позицию с построениями А. В. Арциховского и других археологов. А. В. Арциховский, С. В. Киселев, А. Я. Брюсов, опираясь на концепцию своего учителя — В. А. Городцова, почти отрицали значение этнографии. Так, еще В. А. Городцов писал: «На основании сходства некоторых культурных явлений нельзя сравнивать общественную структуру современных австралийцев и неолитических суммерийцев и египтян, так как первые, по-видимому, никогда не вели человечество к развитию, а вторые стояли во главе этого развития и вели че-

[39] Равдоникас В. И. К вопросу о социологической периодизации, с. 6.

ловечество на путь высших цивилизаций»[40]. В данном случае автор выступал против наложения этнографических материалов на археологические, вскрывая, как он полагал, основное отличие археологических и этнографических источников. Но при этом он ставил под сомнение и даже отвергал саму возможность использования этнографии в археологических интерпретациях. Еще дальше пошли его ученики, отвергнув вообще этнографические параллели для археологических исследований, сделав их лишь иллюстрацией. Взамен этнографии они вводили социологию. В. И. Равдоникас, в отличие от них, предлагал строить социологическую или историческую реконструкцию, основываясь на закономерностях, вскрытых этнографией для отсталых обществ. Такой подход конкретизирует социологическую реконструкцию, так как интерпретация археологических комплексов происходит, с одной стороны, на основе знания общих социологических закономерностей, с другой — на основе закономерностей, установленных этнографией для конкретных обществ. Эта мысль очень продуктивна для современной археологической теории. Она не сводит историческую реконструкцию к выявлению этнических свойств и этнической окраски археологических структур, как это принято сейчас делать, а следовательно, не ограничивает археолого-этнографические исследования. В. И. Равдоникас в своих работах предлагал даже способ взаимодействия археологии и этнографии — сравнение конкретных эволюций (археологических и этнографических)[41]. Такое решение очень интересно и оригинально, оно вытекает из методологического обоснования им связи археологии и этнографии.

К необходимости использования этнографических материалов в археологических исследованиях пришел также И. И. Мещанинов. По некоторым вопросам он пошел дальше В. И. Равдоникаса. Так, характеризуя этнографический материал, И. И. Мещанинов писал «...мы должны смотреть на современные нам проявления культуротворчества не как на отдельные цельные в своей основе факты, а как на застигнутую нами часть общего движения жизненного начала, не в отдельный только момент проявившегося, а длительно развивающегося... Мы сейчас нашими этнографическими наблюдениями только режем по горизонтальной плоскости... этнографический

[40] Городцов В. А. Значение изучения древней техники в археологии.— В кн.: Техника обработки камня. Труды секции археологии РАНИОН, 1930, т. 5, с. 11.

[41] См.: Равдоникас В. И. О применении метода диамата.., с. 14.

облик создан не в какой-либо точно фиксируемый момент, он сам является сложнейшим сочетанием различных элементов в процессе напластования культурных наслоений. В вечном процессе скрещивания живет человеческое культуротворчество, и прослеживание такового процесса возможно только палеонтологическим путем»[42].

Таким образом, по крайней мере два момента отмечал автор: 1) этнографическая современность — результат развития во времени; 2) этнографическая современность — результат скрещивания и напластований в процессе этого развития. Палеонтологическим методом И. И. Мещанинов предлагал не столько сравнение археологического и этнографического материала, сколько обнаружение более древних пластов в этнографической культуре, строя постепенно «семантические переходы» и взаимодополняя отдельные звенья, которые дает этнография и археология. Ученый, по сути, раскрыл принцип В. И. Равдоникаса о сравнении эволюций в применении к археолого-этнографическому исследованию. К сожалению, это серьезное методологическое открытие до сих пор осталось неоцененным в советской археологии. На наш взгляд, его построения могут лечь в основу теории будущих археолого-этнографических исследований.

Позднее, уже в начале 30-х гг., советскими археологами были открыты методические принципы сопоставления археологического и этнографического материала.

Так, А. В. Шмидт предлагал привлекать этнографические материалы, «относящиеся к той же стадии развития», что и археологические. Вторым критерием для сопоставления он называл природные условия[43]. Т. С. Пассек, отвергнув формальное «сравнение отдельных, произвольно вырванных из общего контекста, образцов», предлагала сравнивать процессы, комплексы[44].

Оценивая разработки тех лет с современных позиций, следует отметить, что уже в конце 20 — начале 30-х гг. советские археологи предложили критерии для сравнения археологического и этнографического материала, которые позднее были обобщены в один получивший название «культурно-хо-

---

[42] Мещанинов И. И. Об использовании этнографических материалов при археологических работах.— ИООИАЗ, Баку, 1928, № 5, с. 5.

[43] Шмидт А. В. Об использовании этнографических материалов в работах по истории материальной культуры.— СГАИМК, 1932, № 1—2, с. 13—15.

[44] См.: Пассек Т. С. Указ. соч., с. 339—341.

зяйственный тип»[45]. Однако многие плодотворные идеи еще не нашли своего воплощения в теоретико-методологических исследованиях до сих пор.

В это время понимание того, что на одних археологических источниках невозможно построить изучение истории первобытного общества, обусловило потребность в новой науке, которая была бы построена на синтетических источниках, а не на жестко детерминированных. Таким образом, новая наука была необходима для изучения первобытной эпохи. Название, которое она получила, соответствовало тогдашнему пониманию её предмета (речь об этом пойдет дальше). Несомненно, что создание науки о первобытном обществе, построенной на синтетических источниках и, следовательно, наиболее объективно отражающей древнюю эпоху, было шагом вперед по сравнению с восстановлением общественно-экономических формаций методом «восхождения». Последний был основан только на археологических источниках с использованием социологической схемы. В этом смысле нам кажется неполной оценка В. М. Массоном появления материальной культуры, как «реакции на фетишистское вещеведение»[46]. Становление новой науки — истории материальной культуры — явилось более высоким уровнем осмысления тех задач и возможностей, которые стояли перед учеными в воссоздании древнейшей истории.

В 30-х гг. судьбы археологии всецело зависели от истории материальной культуры, так как, по мнению тогдашних лидеров археологии, «археологию должна заменить история материальной культуры»[47]. А С. Н. Быковский предлагал ликвидировать археологию не только как самостоятельную, но даже как вспомогательную науку. В своем стремлении уничтожить археологию как самостоятельную науку он, естественно, впадал в крайность, но было в его рассуждениях и рациональное зерно, а именно: требование рассматривать термин «материальный» как философский. Под культурой он понимал «область производительных сил в диалектическом единстве с производственными отношениями. Культуру нель-

---

[45] Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.— Сов. этнография, 1955, № 4, с. 4.

[46] Массон В. М. Развитие теоретических основ советской археологии.— В кн.: Теоретические основы советской археологии. Л., 1969, с. 23.

[47] Быковский С. Н. О предмете истории материальной культуры.— СГАИМК, 1932, № 1—2, с. 4.

зя смешивать с ее вещественными остатками»[48]. Поэтому С. Н. Быковский не признавал археологической культуры, которой, по его рассуждениям, не было места среди исторических, философских понятий.

В современной археологии проблема археологической культуры также не решена до конца[49], но нам кажется, что С. Н. Быковский во многом был прав в своих рассуждениях: археологическая культура действительно несовместима с историческим уровнем осмысления памятников материальной культуры. Это основное классификационное понятие археологического источниковедения, дальнейшая разработка понятия «материальная культура» открыла бы новые возможности в интерпретации археологической культуры. С. Н. Быковский ограничился лишь постановкой этой проблемы, не попытавшись ее решить.

Какими же принципами руководствовался он и другие археологи, пытавшиеся провести реорганизацию наук, изучающих первобытное общество?

При ответе на этот вопрос следует исходить из двух аспектов: общефилософского и общеисторического.

Все общественные науки должны изучать общественную форму движения, другими словами, объектом их изучения следует признать общество. Между тем, объектом изучения археологии являются вещественные остатки, следовательно, она не может относиться к общественным наукам, не может она относиться также и ни к каким другим наукам. Самостоятельной науки археологии не может быть потому, что не существует вещной формы движения материи. Археология полностью выпадает из энгельсовской классификации наук и обрекается на уничтожение. Если следовать логике С. Н. Быковского, то пришлось бы упразднить очень многие науки как самостоятельные. В своих рассуждениях С. Н. Быковский подменял более узкую классификацию наук по предмету и источникам более широкой по объекту, совершив тем самым

---

[48] Быковский С. Н. К пересмотру археологической терминологии.— ПИМК, 1933, № 5—6, с. 10—11.

[49] См.: Клейн Л. С., Миняев С. С., Пиотровский Ю. Ю., Хейфец О. И. Дискуссия о понятии «археологическая культура» в «Проблемном археологическом семинаре» Ленинградского университета.— Сов. археология, 1970, № 2; Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация.— Там же; Клейн Л. С. Проблема определения археологической культуры.— Там же; Захарук Ю. Н. Ленинское теоретическое наследие и некоторые вопросы развития археологической науки.— Там же.

ту же логическую ошибку, которую в свое время сделали А. А. Спицын и В. А. Городцов, не сумевшие связать непосредственный объект археологии (материальные остатки) с ее конечным объектом (обществом). Поэтому проблема взаимодействия археологии и истории материальной культуры решалась в рамках соотношения общенаучной методологии с частнонаучной: вторая подменялась первой. В связи с этим возникает второй аспект проблемы — общеисторический. В 1928 г. В. К. Никольский при обсуждении доклада «Новые методы в археологии» заметил, что у истории и археологии совершенно одинаковые задачи, но разные источники[50]. Этот тезис был подхвачен и развит в начале 30-х гг. Основываясь на том, что К. Маркс признавал одну науку — историю, А. В. Шмидт сделал вывод: «Марксистско-ленинское учение знает только единую науку, объединенную единым методом, методом диалектического материализма. Марксизм не может иметь две истории общества: одну, строящуюся на этнографических материалах, другую — на археологических»[51]. Следовательно, для истории безразличен характер источника, так как история по различным источникам должна изучать общество, общественные отношения. Тогда «частные деления исторической науки на отделы могут быть основаны только на различии общественных отношений,— история материального производства, история классовой борьбы, история религии и т. д.»[52]. «Предметом истории материальной культуры является область материального производства на разных ступенях развития,— писал С. Н. Быковский.— В этом смысле история материальной культуры будет частью единой исторической науки»[53]. Следовательно, у истории и истории материальной культуры один объект — общество, поэтому история материальной культуры — наука общественная. Археология же имеет объектом своего изучения преимущественно вещественный материал. Однако вещи не интересны историку материальной культуры. «Вещи важны для нас не сами по себе,— писал В. И. Равдоникас,— но только как знаки общественных отношений»[54]. А поскольку, как считал С. Н. Быков-

---

[50] См.: Арциховский А. В. Новые методы археологии, с. 152.

[51] Шмидт А. В. Об использовании этнографических материалов, с. 13.

[52] Быковский С. Н. Методика исторического исследования.., с. 77.

[53] Быковский С. Н. О предмете истории материальной культуры, с. 4.

[54] Равдоникас В. И. За марксистскую историю.., с. 21.

ский, исторический процесс отражается в различных источниках независимо от их качества, то любой историк может извлечь из них сведения об общественных отношениях, будь то специалист по классовой борьбе или специалист по религии, и для этого не надо никакой особой науки археологии. Как совершенно справедливо заметил Л. С. Клейн, С. Н. Быковский не оговорил, как и насколько отражается исторический процесс в различных источниках[55]. Отсюда вытекает ошибка двоякого рода: с одной стороны, исчезает специфика археологического (вещественного) источника, а следовательно, ослабевает интерес к методике археологического источниковедения, с другой — логически завершенная концепция С. Н. Быковского диктует полную никчемность и ненужность археологии как науки среди самостоятельных и вспомогательных дисциплин.

К сожалению, С. Н. Быковский был не одинок в своих настроениях. И. И. Смирнов, например, предлагал ликвидировать археологию и создать вместо нее критическую историю техники[56]. В. И. Равдоникас считал, что археологию следует оставить как вспомогательную науку для истории. В задачи ее будет входить «добывание и оформление археологического материала для последующего исторического синтеза»[57]. Московские археологи А. В. Арциховский, С. В. Киселев и А. П. Смирнов предлагали ликвидировать археологию. Они писали: «При диалектико-материалистическом понимании исторических источников археология теряет право на существование как самостоятельная наука и даже как вспомогательная наука»[58]. Взамен археологии, по их мнению, следовало бы создать историю материального производства.

Все эти вопросы стояли на 1-м археолого-этнографическом совещании 7—11 мая 1932 г. С докладом о реорганизации археологии выступил С. Н. Быковский. После его доклада разгорелись споры относительно дальнейшей судьбы археологии. Некоторые историки (например, В. К. Никольский) призывали разрушить археологию так, чтобы от нее не осталось «камня на камне»[59]. Однако в резолюциях совещания было

[55] См.: Клейн Л. С. Археологические источники. Л., 1978, с. 40—41.
[56] См.: Смирнов И. И. Возможна ли «марксистская история материальной культуры», с. 46.
[57] Равдоникас В. И. О применении метода диамата.., с. 11.
[58] Арциховский А. В., Киселев С. В., Смирнов А. П. Возникновение, развитие и исчезновение марксистской археологии, с. 48.
[59] См.: Быковский С. Н. К итогам Всероссийского археолого-этнографического совещания.— СГАИМК, 1932, № 11—12, с. 10.

записано, что археология, «играя роль вспомогательной исторической дисциплины, имеет своей задачей разработку вопросов методики и техники добывания и первичной обработки вещественного материала» [60].

Таким образом, несмотря на все крайности в развитии исторической науки того времени, археология не была ликвидирована, но предмет и задачи ее значительно сузились.

Общая тенденция в развитии методологических вопросов археологии, в осмыслении ее предмета и объекта, начиная с рубежа 20—30-х гг., пошла по нисходящей линии, но конечной своей точки — эмпиризма в исследованиях — она еще не достигла.

---

[60] Резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания 7—11 мая 1932 г.— СГАИМК, 1932, № 5—6, с. 90.

А. И. ПЕТРОВ

СТОЯНКА КРАПИВКА I

Благодаря обширным археологическим работам на территории Среднего Прииртышья за последнее десятилетие выявлено около 30 памятников эпохи неолита и ранней бронзы. Археологическое изучение их заставляет желать лучшего. Материалы большинства из них представлены разведочными сборами, в лучшем случае шурфовкой. Небольшие раскопки проведены лишь на отдельных стоянках и могильниках[1]. Необходимо отметить также, что неолитические памятники встречаются гораздо реже памятников эпохи ранней бронзы. Поэтому большой интерес вызывают материалы новой неолитической стоянки, обнаруженной в Тарском районе Омской области у д. Крапивка. (рис. 1, *1*).

Стоянка Крапивка расположена в нижнем течении р. Уй (правого притока Иртыша) на песчаной первой надпойменной террасе р. Иртыш, отстоящей от него на 15 км (рис. 1, *1, 2*). В этом месте р. Уй выходит на широкую иртышскую пойму. Памятник расположен на небольшом мысу, образованном поворотом террасы, высота которой 6—7 м. Поверхность памятника хорошо задернована и залесена. Южная часть его ранее постоянно распахивалась. Культурный слой стоянки частично уничтожен двумя дорогами, прорезавшими террасу (рис. 1, *2*).

Археологические памятники в районе д. Крапивка известны с конца 30-х гг. благодаря поискам старого тарского краеведа А. В. Ваганова[2]. Здесь известно несколько городищ эпохи железа. Неолитическая стоянка открыта разведочной

[1] Могильники Хутор Бор IV, Окунево, Усть-Куренга; стоянки Екатерининская I и II, Хутор Бор I, Ямсыса VI, VIII и XII, Бичили I, Шалтов I и II, Александровка I и III, Тюрмитяки.

[2] См.: Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омской области (в печати).

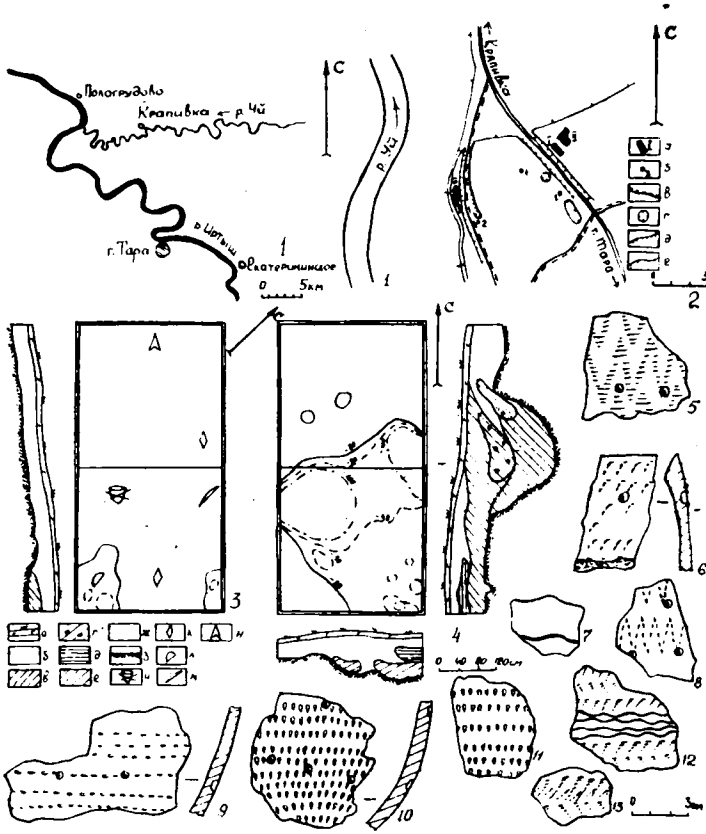

Рис. 1. *1.* Карта-схема расположения стоянки Крапивка I. *2.* План стоянки Крапивка I. Горизонтали проведены через 3 м. Условные обозначения: *а* — раскоп I, *б* — шурф № 3, *в* — грунтовая дорога, *г* — современные впадины, *д* — обрыв с горизонтали. *3.* План раскопа III, разрез южной и восточной стенок раскопа. Условные обозначения: *а* — дерн, черный гумус, *б* — культурный слой (серовато-желтый гумусированный песок), *в* — заполнение полуземлянки (гумусированный песок серого цвета), *г* — заполнение ямы II (черный гумус), *д* — прокал (песок красноватого цвета), *е* — аллювиальный песок желтого цвета с тонкими прослойками черного гумуса, *ж* — желтый песок, *з* — материк (желтый песок), *и* — развал сосуда, *к* — отщеп, *л* — скребок, *м* — нож, *н* — наконечник стрелы. *4.* План раскопа I, разрез юго-западной стенки раскопа. *5—13* — керамика

группой И. Г. Глушкова в 1978 г. В следующем году отряд Среднеиртышской археологической экспедиции Омского университета провел детальное обследование памятника. Зачистка обнажений террасы, обнажений в бортах дороги, а также шурфы, заложенные в четырех пунктах, показали распространение культурных остатков на большой части мыса. Общая площадь стоянки составляет около 2000 кв. м. (рис. 1, *2*). Шурфы № 1 и 2 фиксируют южную окраину стоянки. В местах наибольшего скопления находок заложены 3 небольших раскопа общей площадью 60 кв. м. Выборка культурного слоя стоянки проводилась условными горизонтами мощностью 10 см, на глубину 20 см выбирался лишь первый горизонт, представленный дерновым слоем.

Раскоп 1 расположен в северо-восточной части памятника, рядом с дорогой г. Тара — д. Крапивка (рис. 1, *3*). Его площадь 18 кв. м. Ориентирован по линии северо-запад-восток. Стратиграфия очень проста: под дерном мощностью 8—12 см залегает культурный слой — слегка гумусированный песок серого цвета. Его мощность 32—44 см. Подстилающий слой — желтый песок. В южной части раскопа на глубине 50 см выявлено две ямы, заполненных сильно гумусированным песком темно-серого цвета. Наибольшее количество находок встречено в южной части раскопа в районе ямы № 1.

Раскоп 2 был заложен в 3 м на северо-восток от раскопа 1. Сильная залесенность участка не дала возможности объединить эти два раскопа в один. Выявленная стратиграфия в целом аналогична вышеописанной. Находки керамики единичны (около 40 экз.). Вероятно, в районе раскопа 2 находится периферийная часть стоянки.

Раскоп 3 заложен рядом с шурфом № 3 на узком участке стоянки, ограниченной с запада террасой, а с востока дорогой, прорезавшей культурный слой памятника. Площадь раскопа 18 кв. м (рис. 1, *4*). Под дерном залегает слой гумусированного песка серовато-желтого цвета. В нижней части его, в юго-восточном углу раскопа выявлена линза прокала. Заполнение жилища представлено более гумусированным песком серого цвета. Жилище сохранилось не полностью. Его юго-восточная часть уничтожена грунтовой дорогой.

Впервые жилище было зафиксировано на глубине 40 см в виде прямоугольного сооружения, которое было окаймлено полосой темно-серого песка и хорошо выделялось на фоне культурного слоя, представленного серовато-желтым песком. Основная масса находок сделана по краям жилища, у стен.

Таблица 1

Стоянка Крапивка I. Распределение типов керамики по слоям

Тип керамики	Жилище								Культурный слой за пределами жилища					
	Слой, см								Слой, см					
	0—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—80	80—90	Кострище	0—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—80
Волнисто-гребенчатая	4	12	2	8	1	2	10	3	4	5	13	2	2	—
Гребенчато-ямочная	5	17	2	10	2	1	—	—	11	10	20	1	6	1

Таблица 2

Каменные орудия стоянки Крапивка I

Материал	Ножевидные пластины					Отщепы		Шлифованные изделия	Всего
	пластины без ретуши	пластины с крутой ретушью	проколка	наконечник стрелы	скребки	скребки	ножи	ножи	
Кремень	1	1	1	1	2	—	—	2	8
Кварцит	—	1	—	1	—	1	3	—	6

В центре сооружения выявлено кострище мощностью до 30 см, содержащее волнисто-гребенчатую керамику и венчик с треугольным наплывом на внутренней стороне (рис. 1, *6*, *7*). Сооружение, найденное на стоянке Крапивка I, является прямоугольной полуземлянкой, стенки котлована отвесные, их высота 50 см. Ширина сооружения около 4 м. Котлован имеет относительно ровное дно, лишь в северо-западной части полуземлянки выявлена канавка, в двух концах которой находятся 2 ямы. Яма 1 находится в западном углу полуземлянки, заполнена серым гумусированным песком. Ее глубина от пола жилища 50 см: яма 2 находится в северном углу жилища, глубина — 30 см. Ее заполнение представлено черным сильногумусированным песком с обильным содержанием угля. Обе ямы имели, вероятно, хозяйственное значение. Обнаружено несколько столбовых ямок: две из них расположены к северо-западу от котлована, имеют наклон в сторону полуземлянки. Три ямки находятся в центре сооружения, столбы в них стояли вертикально, поддерживая каркас жилища. Прямоугольные полуземлянки с относительно малыми размерами характерны для восточноуральской культуры в эпоху развитого неолита[3], подобные жилища встречены на стоянках Козлов мыс I[4], Полуденка I[5], Кокуй I[6].

В керамическом материале отчетливо выделяются 2 основных типа: волнисто-гребенчатая и керамика екатерининского типа. Тот и другой тип керамики встречены в первом и третьем раскопах. Распределение керамики в культурном слое показало, что оба типа равномерно залегают в верхних и нижних горизонтах (табл. I). Полуземлянка на раскопе 3 перекрывает культурный слой, содержащий как волнисто-гребенчатую керамику, так и керамику екатерининского типа. В заполнении полуземлянки найдена также керамика обоих типов, но екатерининская керамика преобладала в верхних горизонтах заполнения (табл. I), на полу жилища и в кострище встречена только волнисто-гребенчатая керамика.

Волнисто-гребенчатая керамика на стоянке Крапивка I представлена полуяйцевидными сосудами со слегка раздутым

---

[3] См.: Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980, с. 169—172.

[4] См.: Юровская В. Т. Неолитическое жилище на стоянке Козлов мыс I.— ВАУ. Свердловск, 1975, вып. 13, с. 86—88.

[5] См.: Бадер О. Н. Новый тип неолитического поселения на Урале.— СЭ, 1949, № 2.

[6] См.: Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Поселение Кокуй I.— ВАУ. Свердловск, 1969, вып. 8, с. 31, табл. 3.

туловом (рис. 2, *2—4, 7*). Они имеют закрытую форму с округлым днищем. Преобладают крупные сосуды с диаметром 25—35 см, посуда меньших размеров встречена в одиночных экземплярах. Характерны прямые венчики — 64%; вогнутые венчики составляют 36%; венчики, отогнутые наружу, не встречены; симметричные и асимметричные венчики встречены поровну: соответственно 55% и 45%. Многие венчики

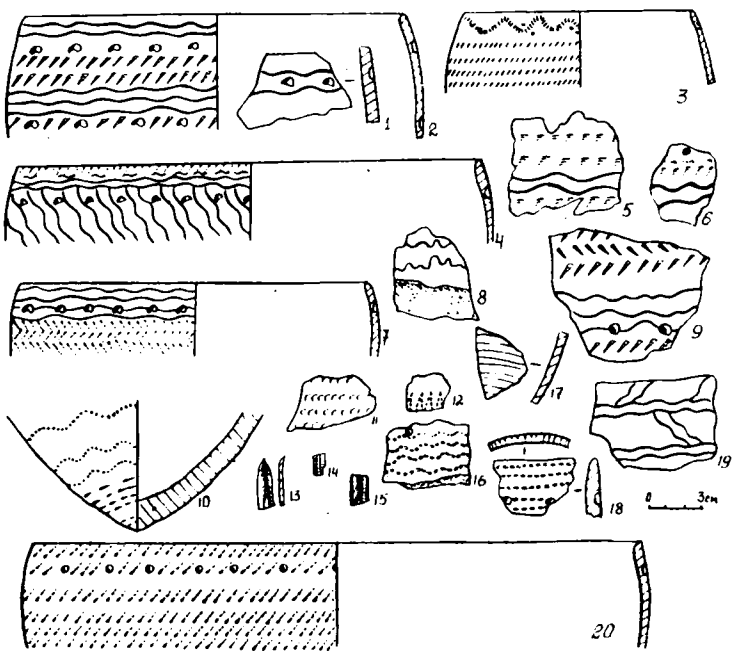

Рис. 2. Керамика *(1—12, 16—20)* и каменный инвентарь *(13—15)* стоянки Крапивка I *(1—9, 16—20)* и могильника Усть-Куренга *(10—15)*

имеют пологие, незначительно выпуклые наплывы, на внутренней стороне превышающие толщину стенок на 1—2 мм (рис. 2, *2, 4*). Массивный наплыв треугольной формы выявлен лишь в одном случае (рис. 1, *6*). В глиняном тесте хорошо различимы примеси песка и шамота. Преобладают фрагменты серовато-желтого цвета. Поверхность сосудов заглажена мягким предметом. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосуда, частью заходя на срез венчика, который

иногда украшался насечками и наколами (рис. 2, *18*). Характерна горизонтальная зональность узора, которая подчеркивается разделительными поясками, поясами ямок, а также горизонтальной направленностью основного узора. К основным приемам нанесения узора следует отнести: прочерченные линии, нанесенные тонкой или утолщенной палочкой (рис. 1, *12*; 2, *1, 2, 4—9, 19*), и отступающую палочку (рис. 1, *9*,; 2, *16, 18*). Узоры также не отличаются большим разнообразием — характерны волна и горизонтальная прямая линия, реже встречены наклонные волнистые линии. На одном фрагменте имеется более сложный узор (рис. 2, *19*). Волнистые узоры, выполненные техникой прочерчивания, более разреженны, чем узоры, нанесенные отступающей палочкой. Разделительные пояски чаще всего выполнены оттисками 3—5-зубого гребенчатого штампа, образующего горизонтальные пояса «елочки», или косопоставленного штампа (рис. 1, *12*; 2—*2, 5—7, 9*).

Обнаружено 6 фрагментов с протащенной двузубой гребенкой, образующей прямые горизонтальные линии. Этот элемент характерен лишь для эпохи развитого неолита восточноуральской культуры [7].

Для эпохи развитого неолита свойственно употребление шагающей гребенки с широкими зубцами (рис. 1, *5*), а также небольших прямоугольных оттисков гладкого штампа, образующего волнистые и горизонтальные линии (рис. 2, *3*) [8].

Обращают на себя внимание несколько фрагментов придонной части, украшенных горизонтальными поясками овального гладкого штампа (рис. 1, *10, 11*) [9].

Несмотря на то, что ямка нигде не играет самостоятельной роли, тем не менее она достаточно характерна для комплекса волнисто-гребенчатой керамики стоянки Крапивка I. Горизонтальные пояса ямок встречены не только под венчиком, они покрывают тулово и придонную часть сосуда. Ямки на сосудах различны по форме, что является наиболее характерной чертой керамики эпохи неолита и бронзы Среднего Прииртышья (рис. 1, *5, 9, 10*; 2, *2, 6, 9*). Ямки на сосудах различны по форме: круглые и неправильной формы — сегментовидные и «подкововидные».

Полуяйцевидная форма посуды с волнисто-гребенчатой орнаментацией сближает эту группу сосудов с екатеринин-

[7] См.: Старков В. Ф. Указ. раб., с. 96.
[8] Старков В. Ф. Указ. раб., рис. IX—10; X—10, 13; XV—1, 2.
[9] Старков В. Ф. Указ. раб., рис. XIII—4; XIV—14.

ским типом керамики эпохи позднего неолита[10] (рис. 1, *8, 13;* 2, *20*; 3, *1—5*; 4, *1—5*). Для нее также характерна преимущественно закрытая форма сосуда и округлое днище, примесь песка и шамота в тесте, заглаженность мягким предметом. Прямые венчики встречаются чаще вогнутых. Типичны крупные сосуды с диаметром от 25 до 45 см. Основной прием орнаментации — гребенчатый штамп (рис. 1, *8, 13*; 2, *20;* 3 *2—5;* 4, *1*) количество зубцов которого колеблется от 2 до 12. Наиболее характерен штамп с 4—8 зубцами с длиной оттиска 5—12 мм и шириной 1—2,5 мм. Встречены различные формы оттисков. Наиболее характерны подтреугольные отпечатки, образовавшиеся в результате нажима на верхний или (очень редко) — на нижний конец штампа; при равномерном нажиме образовывался узкий оттиск с одинаковыми зубцами. Среди других приемов орнаментации гребенчатым штампом следует отметить гребенку с «хвостиком» (рис. 1, *13*) и «шагающую» гребенку с узкими зубцами (рис. 1, *8*). Другой прием орнаментации — гладкий штамп — представлен в основном техникой насечки, форма оттиска которой также зависела от нажима на угол штампа и степени протащенности штампа, который иногда образовывал отступающую лопаточку (рис. 3, *1*; 4, *2—5*).

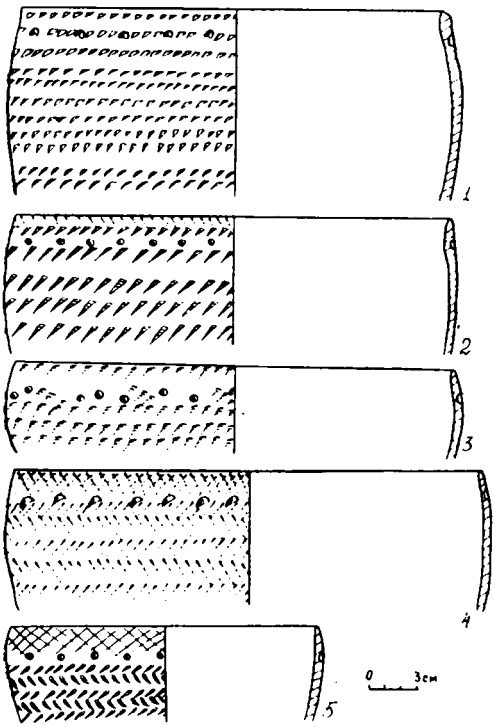

Рис. 3. Керамика стоянки Крапивка I

[10] Петров А. И. Екатерининский тип керамики на памятниках среднего Прииртышья.— В сб.: Археология Прииртышья. Томск: Изд-во ТГУ (в печати).

Основным элементом узора являются горизонтальные пояса косопоставленного штампа (рис. 2, *20*; 3, *1—3*; 4, *1—5*), реже встречаются горизонтальная «елочка» (рис. 3, *2*, *4*, *5*; 4, *5*), сетка (рис. 3, *4*, *5*; 4, *1*) и наклонные пояски (рис. 3, *3*). Ряды ямок равномерно покрывают все тело сосуда, расчленяя его на широкие горизонтальные зоны.

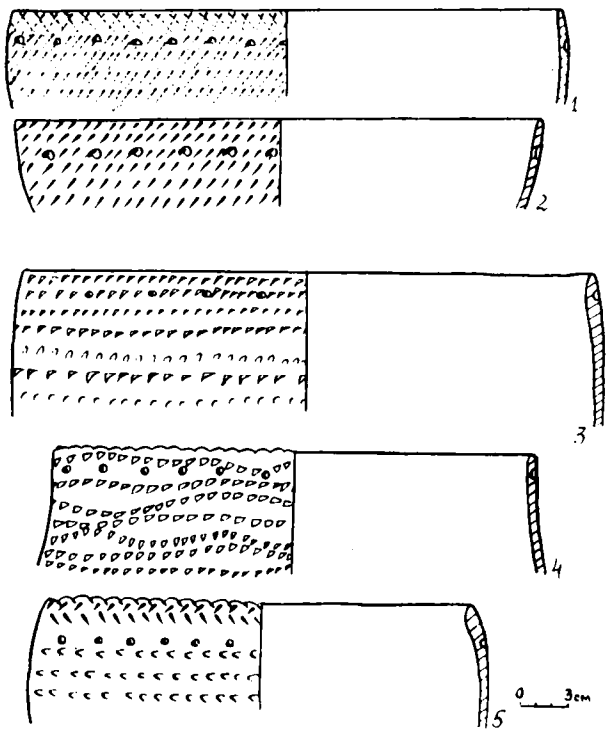

Рис. 4. Керамика стоянки Крапивка I

Каменный инвентарь в коллекции представлен всего 18 экземплярами. Почти не обнаружено продуктов первичной обработки камня — чешуек, отщепов без ретуши, нуклеусов.

Большинство орудий изготовлено на ножевидных пластинках из кремнистой породы (табл. 2). Преобладают пластины правильных форм и очертаний, неправильная пластина встречена в единственном экземпляре без ретуши (рис. 5, *2*). Это пластины с шириной 12—14 мм, длина некоторых из них до-

стигает 45 мм. Обращают на себя внимание 2 пластины, обработанные двусторонней притупляющей ретушью по спинке. Вероятно, это боковые скребки (рис. 5, *5, 9*). Концевые скребки изготовлены на сечениях ножевидных пластин длиною не более 1,5 см, имеют округлый рабочий край, обработанный крутой ретушью (рис. 5, *3, 6*). Интересна клювовидная проколка, обработанная по краю пластинки отжимной ретушью (рис. 5, *1*). Наконечники стрел представлены 2 орудиями различных типов: 1. Подтреугольный наконечник с выемкой в основании. Частичная краевая ретушь по спинке покрывает жало и насад изделия. 2. Обломанный листовидный наконечник стрелы, ретушированный двусторонней уплощающей ретушью (рис. 5, *7, 8*).

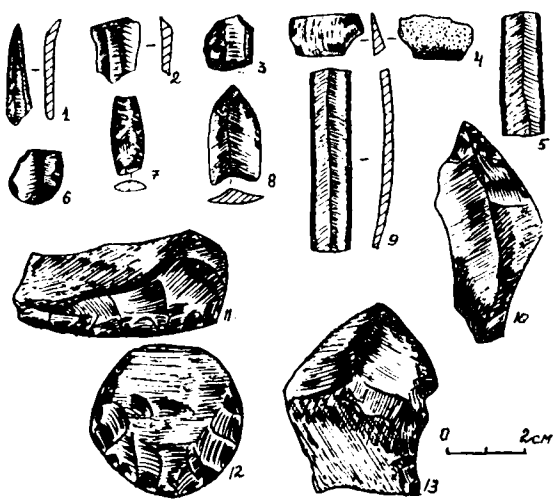

Рис. 5. Каменный инвентарь стоянки Крапивка I

Орудия на отщепах отличаются массивностью. Все они изготовлены из кварцита. Типологически можно выделить ножи, обработанные двусторонней приостряющей ретушью (рис. 5, *10, 11, 13*), и округлый скребок, рабочий край которого обработан крупной крутой ретушью (рис. 5, *12*).

В коллекции присутствуют 2 шлифованных изделия из зеленоватого кремнистого сланца, вероятно, это ножи с лезвием, пришлифованным с двух сторон под углом 45° (рис. 5, *4*).

Полученный немногочисленный каменный инвентарь трудно отнести к какому-либо из описанных керамических комплексов. В целом его можно увязать с волнисто-гребенчатым комплексом эпохи развитого неолита восточноуральской культуры, для которой характерно сочетание техники пластины с техникой отщепа и появление шлифованных орудий. Так, на Юрвинской стоянке все изделия на отщепах отличаются массивностью. Типичны ножевидные пластинки с притупляющей ретушью по спинке, наконечники стрел с частичной краевой ретушью [11]. Некоторые изделия могут быть характерны и для второго комплекса — екатерининской керамики. Это шлифованные ножи с углом лезвия более 30°, листовидный наконечник стрелы, некоторые предметы из пластин и отщепов. Подобные орудия были встречены на Екатерининской стоянке» [12].

Равномерное распределение обоих типов керамики в культурном слое стоянки, сходная технология их изготовления, близкие формы сосудов, горизонтальная зональность узоров, одинаковые формы штампов и ямочных вдавлений сближают волнисто-гребенчатую и екатерининскую керамику на стоянке Крапивка I и не исключают возможности их совместного бытования. (Необходимо отметить, что единственный фрагмент с треугольным наплывом также украшен оттисками гребенчатого штампа.) Этому не противоречит и однородный характер каменного инвентаря.

Стоянка Крапивка I, вероятно, может быть датирована началом эпохи позднего неолита. Косвенным свидетельством этого может являться и топографическое расположение памятника на террасе, высота которой 6—7 м. Памятники эпохи развитого неолита (восточноуральская культура) находятся на низких террасах высотой 2—4 м [13], памятники позднего неолита в Среднем Прииртышье чаще всего находятся на высоких террасах высотой 6—10 м. Разведочный характер раскопок на стоянке позволяет сделать лишь предварительные выводы. Стоянка Крапивка I является одним из наиболее восточных пунктов распространения керамики волнисто-гребенчатого типа. Подобная керамика встречена нами в 1979 г.

---

[11] См.: Старков В. Ф. Указ. раб., с. 112—123.

[12] См.: Чернецов В. Н. Результаты археологической разведки в Омской области.— КСИИМК. М., 1947, вып. XVII. Матющенко В. И., Петров А. И., Ротермель Л. Р. Раскопки Екатерининской стоянки.— АО 1978 года. М., 1979, с. 251.

[13] См.: Старков В. Ф. Указ. раб., с. 92.

при обследовании известного в литературе могильника у бывшей деревни Усть-Куренга [14] в верховьях реки Шиш на границе с Васюганьем. Обнаружено несколько фрагментов неолитической керамики: острое днище сосуда, украшенного волнистыми и концентрическими узорами, выполненными гребенкой и отступающей палочкой (рис. 2, *10*); некоторые фрагменты украшены горизонтальными поясами из отступающей лопаточки (рис. 2, *11*) или шагающей гребенки (рис. 2, *12*). Каменный инвентарь представлен орудиями на ножевидных пластинках: клювовидная проколка (рис. 2, *13*), аналогичная найденной на стоянке Крапивка I (рис. 5, *1*), пластинки ретушированные крутой и приостряющей ретушью по спинке (рис. 2, *14*, *15*) и пластинки без ретуши. Возможно, подобные вещи найдены в Усть-Куренге не впервые [15]. Наиболее вероятно, что колхозники, обнаружившие могильник, передали в Тарский районный музей только наиболее крупные и ценные, на их взгляд, находки: череп, каменный топор, головки животных и т. д., не заметив или не посчитав нужным собрать здесь черепки глиняной посуды и мелкие пластинки.

Единичные фрагменты с волнисто-гребенчатой керамикой найдены и на других пунктах: Лавровская стоянка [16], стоянка Екатериновка II [17], местонахождение у д. Петрово. На стоянке Бичили I раскопано жилище восточноуральской культуры [18].

Таким образом, в эпоху развитого неолита на территории Среднего Прииртышья были распространены памятники двух типов: 1) гребенчато-ямочной керамики — Кокуй I [19]; 2) волнисто-гребенчатой керамики восточноуральской неолитической культуры. Памятники с керамикой екатерининского типа, вероятно, возникают в результате развития и взаимодействия населения, оставившего памятники с керамикой гребенчато-ямочного и волнисто-гребенчатого типа.

---

[14] См.: Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья.— МИА, 1953, № 35.

[15] Позднее, в 1956 г., материалы могильника Усть-Куренга были переданы в Омский областной краеведческий музей.

[16] См.: Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974, с. 54—55.

[17] См.: Петров А. И. Работы в таежном Прииртышье.— АО 1977 г. М., 1978, с. 268.

[18] См.: Старков В. Ф. Новые данные о среднеиртышской культуре.— В сб.: История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.

[19] См.: Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Указ. раб.

В. И. МАТЮЩЕНКО

ОКУНЕВСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НА ПОСЕЛЕНИИ САМУСЬ IV

В литературе значительный интерес вызвал вопрос о соотношении окуневских и самусьских комплексов как в хронологическом, так и в территориальном аспектах. Известное поселение Самусь IV давало до 1971 г. некоторые незначительные материалы, которые можно было отнести к окуневскому кругу. Однако в 1971 г. нам удалось открыть здесь комплексы, которые доказывают, что на территории Приобья окуневцы присутствовали. Дадим описание этих комплексов.

Это были ямы, хорошо прослеженные на глубине 60 см от поверхности. Яма в кв. 183—184 (рис. 1) — в виде овального пятна гумусированной земли. Размеры 220×235 см, глубина от поверхности 95 см. Заполнена яма темно-серой супесью, иногда встречаются камни и их осколки. В яме найдены: глиняный сосуд баночной формы, орнаментированный оттисками ромбического штампа и концентрическими прочерченными линиями по дну (рис. 1, *1*; *2*, *1*), воронкообразный сосуд без орнамента (рис. 1, *2*; 2, *2*), два обломка крупных каменных подвесок (грузил) (рис. 1, *3*, *4*; 2, *10*), обломок литейной шишки (рис. 1, *5*; *2*, *8*), обломок точила (рис. 1, *6*), каменный отщеп (рис. 1, *7*), каменный отбойник (рис. 1, *8*), грузило (рис. 1, *9*). Кроме того, в заполнении собраны в разных местах фрагменты сосудов, покрытых обычным самусьским орнаментом, в том числе антропоморфным (рис. 2, *4—7*, *19*, *11*).

Яма в кв. 188—189 (рис. 3, *1*) представляла собой округлое в плане углубление, заполненное темно-серой супесью, ко дну интенсивно гумусированное. Иногда в заполнении встречались угольки и обожженные кусочки глины. Размеры ямы 250×265 см, глубина от поверхности 80 см. На дне ямы открылось скопление камней, между которыми находятся и фрагменты керамики. Основная часть находок со-

средоточена в северо-северо-восточной половине ямы. Их составляли: небольшой обломок бронзового изделия (рис. 3, *1.1*), обломки тиглей (рис. 2, *1.2*; *3*), четыре кремневых отщепа (рис. 3, *1.3*), два обломка каменных грузил (рис. 3, *1.4*, *11*, *13*), пять каменных отбойников (рис. 3, *1.5—9*), обломок точила (рис. 3, *1.10*), обломок каменного орудия неизвестного назначения (рис. 3, *1.12*), пластины глинистого сланца (рис. 3, *1.14*). Кроме того, собрано около 80 фрагментов

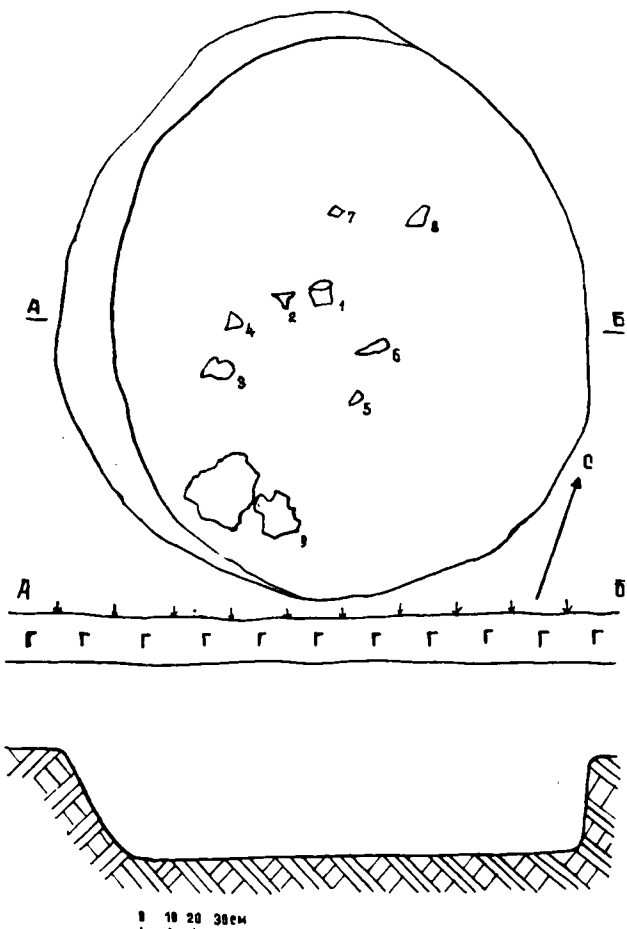

Рис. 1. План и разрез ямы в кв. 183—184

самусьской керамики, а в северо-западной части поднят сосуд, орнаментированный отступающей палочкой и каннелюрами (рис. 3, *2; 1.15*).

Яма в кв. 170—171 (рис. 4, *1*) прослежена после выборки третьего штыка в виде гумусированного пятна. Заполнена темно-серой гумусированной землей, иногда встречаются угли и прокаленная земля. Размеры 320×170 см, глубина от поверхности 105 см.

Рис. 2. Инвентарь ямы в кв. 183—184

В заполнении собраны двадцать два фрагмента самусьской керамики (рис. 4, *4, 5, 6*), обломок литейной формы и два хорошо сохранившихся сосуда (рис. 4, *1.1, 2*). Оба одинаковой баночной формы, покрыты луночными оттисками, образующими треугольные фигуры в сочетании с каннелю-

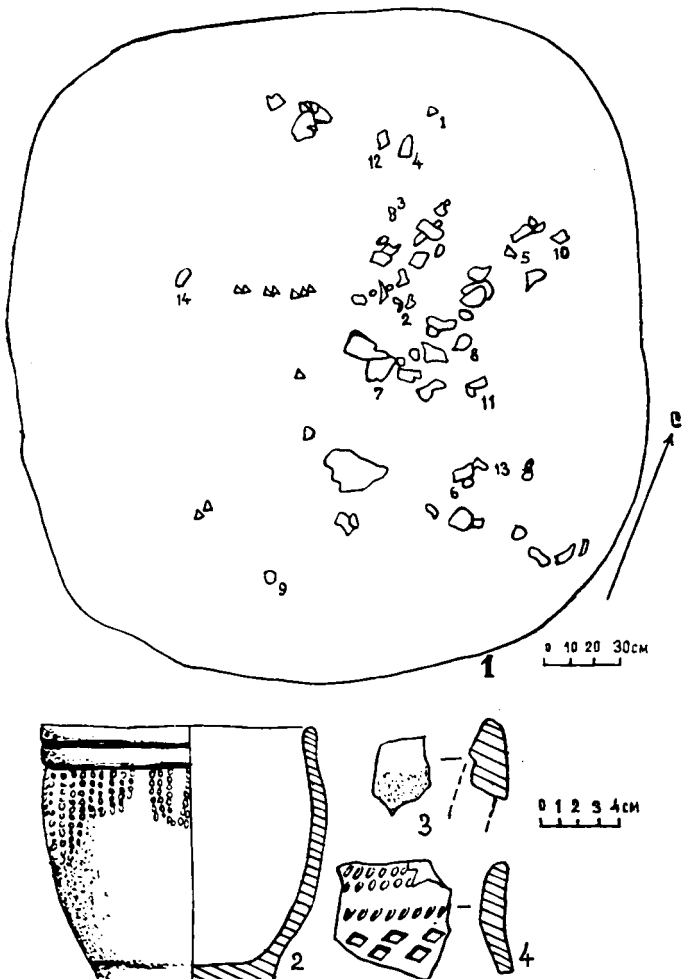

Рис. 3. План и инвентарь ямы в кв. 188—189

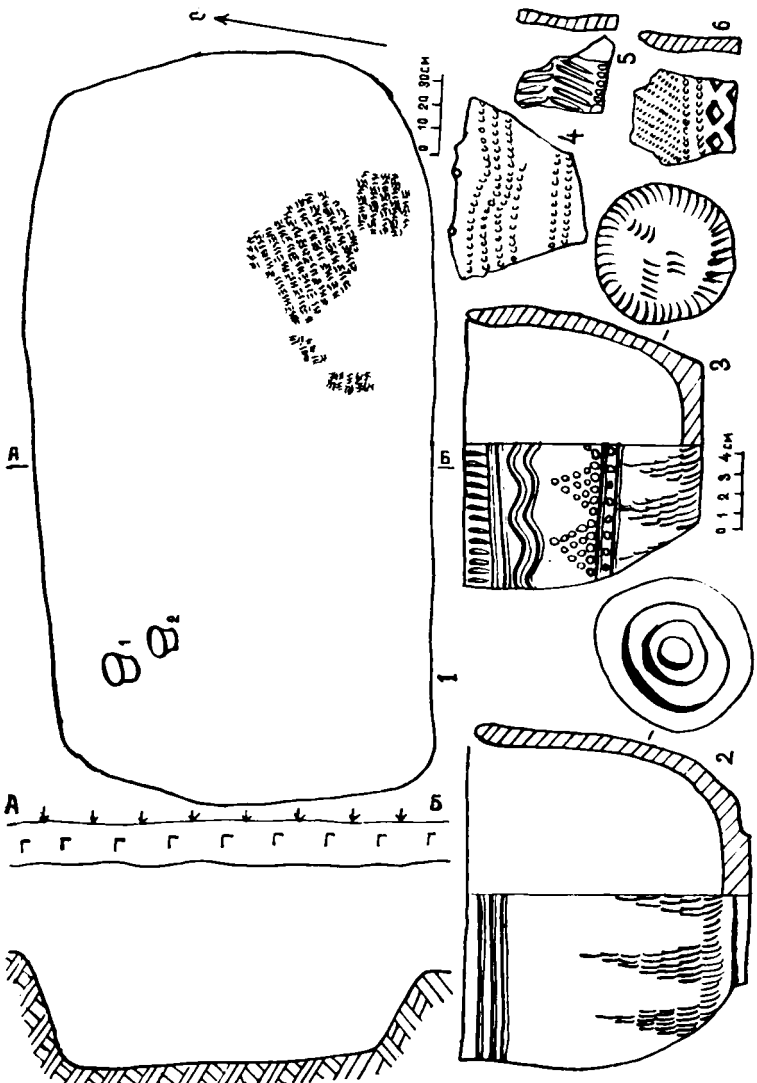

Рис. 4. План, разрез и инвентарь ямы в кв. 170—171

рами и волнистыми линиями. У одного дно орнаментировано окружностью из лунок, а у другого — концентрическими каннелюрами (рис. 4, *2, 3*). Облик ям, характер находок в них дают возможность считать их погребениями.

Не вызывают сомнения следующие наблюдения, вытекающие из этих фактов. Все три комплекса однородны и близки как по наличию сходных целых сосудов, так и по другому материалу, состоящему из фрагментов самусьских сосудов и других предметов, встречающихся в культурном слое Самусь IV. Учитывая положение описанных комплексов, врытых в культурный слой поселения, можно сказать, что комплексы ям позднее или одновременны периоду функционирования поселения Самусь IV.

Большая близость целых сосудов окуневской керамике очевидна. Вместе с тем сосуды из ям нельзя считать безоговорочно окуневскими. На всех четырех сосудах имеются элементы самусьской орнаментации (ромбический штамп, волнистые прочерченные линии, желобки отступающей палочки и др.), фактура сосудов (глина, ее цвет, обжиг, примеси) ничем не отличается от самусьской. Это заставляет нас быть осторожными при отнесении описанных сосудов к окуневским.

Нам думается, что эти материалы, пока еще не использованные в печати, могут в значительной степени пролить свет на проблему окуневского присутствия в Приобье.

В свое время уже было обращено внимание на эту проблему ряда исследователей[1]. Было отмечено, что на территории Новосибирско-Бийского Приобья обнаруживаются в керамике свидетельства более отчетливой близости памятников этого района окуневской культуре. Позднее В. И. Молодин выделил не очень четкий комплекс керамики в Новосибирском Приобье, который попробовал расположить между кротовской и самусьской культурами, указав на известную ее близость окуневской[2]. Не будем сейчас решать вопрос о сущности культурной принадлежности памятников, которые В. И. Молодин объединяет понятием кротовской культуры. Это

---

[1] См.: Максименков Г. А. Окуневская культура и ее окружение.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970; Он же. О культурах эпохи бронзы южной части Сибири.— Там же: Матющенко В. И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2. Самусьская культура. Томск, 1973 и др.

[2] См.: Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977, с. 68—74, табл. LXIII—LXVII, LXXIII.

вопрос особый, требующий тщательного рассмотрения. Сейчас же отметим, что описанные В. И. Молодиным типы керамики, отличные от самусьских и кротовских, не имеют почти ничего общего с нашими. Эти последние, добытые на поселении Самусь IV, на наш взгляд, обнаруживают исключительно большую близость именно окуневским при наличии безусловного своеобразия их в сравнении с окуневскими.

Наш материал приобретает интерес и еще с одной стороны. В. А. Дремов в одной из последних работ[3] отметил очень сложный характер формирования неолитического антропологического типа населения Верхней Оби. В ходе этого формирования сложились своеобразные черты в антропологическом облике этого населения: присутствие ряда европеоидных элементов, большое сходство с палеомонголоидными сериями черепов Прибайкалья и некоторые параллели с окуневскими черепами. По мнению В. А. Дремова, эта сложность физического типа населения Иткуля и Усть-Ишима объясняется тем, что в районе Приобья, вероятно, происходили наиболее активные процессы смешения монголоидов и европеоидов в эпоху неолита. Наши материалы, датируемые серединой II тыс. до н. э., свидетельствуют, что эти процессы имели место здесь и позднее. Антропологического материала этого времени мы не имеем, но можно не сомневаться, что он подтвердит эту же мысль, а именно в самусьское время в Верхнем Приобье жило население, по антропологической характеристике мало отличающееся от предшествующего неолитического.

Материалы с Самусь IV свидетельствуют об обитании окуневского населения в районе Томска в период функционирования поселения самусьцев или чуть позже.

---

[3] См.: Дремов В. А. Антропологические материалы из могильников Усть-Ишима и Иткуль.— ПАХСО — антропология Сибири. М., 1980.

Е. А. ВАСИЛЬЕВ

ХРОНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА В БАССЕЙНЕ СЕВЕРНОЙ СОСЬВЫ

Исследования памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы имеют давнюю историю. Разведочные работы в этом районе проводили известные геологи и краеведы К. Д. Носилов, Д. Иловайский, С. Г. Боч, А. Ф. Палашенков, ограничившиеся, правда, лишь описанием памятников и найденных древностей. Культурно-хронологическая интерпретация всех собранных к середине века материалов была предложена В. Н. Чернецовым [1]. Однако качество источников, чрезвычайно фрагментарных, представленных немногочисленными собранными с поверхности коллекциями каменных орудий и керамики в известной степени предопределило некоторую схематичность культурной характеристики и ошибочность в определении относительной хронологии ряда памятников.

Предпринятые в 1979 г. раскопки поселения Сартынья I дали представительные по количеству материала комплексы эпох неолита, энеолита и бронзы. Введение в научный оборот новых материалов позволяет, на наш взгляд, пересмотреть все известные в бассейне Северной Сосьвы памятники в плане их сопоставления со стратиграфически разделенными комплексами многослойного поселения Сартынья I с последующей их привязкой к определенной культурной группе или хронологическому этапу. В данной работе попытаемся классифицировать сартыньинские комплексы эпох энеолита и бронзы, сопоставить их с уже имеющимися памятниками и выделить культурно-хронологические этапы эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы.

Поселение Сартынья I и возведенное на его территории в

[1] См.: Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья.— МИА, 35. М., 1953.

эпоху железа городище находятся на западной окраине поселка Сартынья (Березовский район Тюменской области). Поселение расположено на первой надпойменной террасе левого берега Северной Сосьвы в среднем ее течении, на мысу, образованном впадающим в Северную Сосьву ручьем (рис. 1). Памятник открыт В. Н. Чернецовым, который на основании сборов керамики и каменного инвентаря квалифицировал его как поздненеолитическую стоянку, перекрытую слоем городища эпохи раннего железа [2].

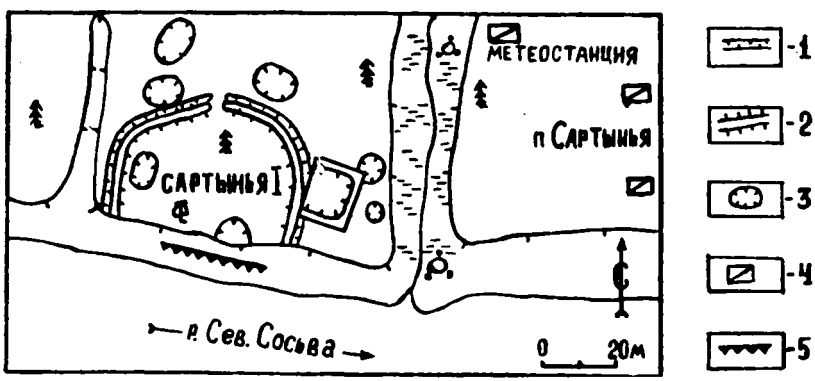

Рис. 1. Ситуационный план поселения и городища Сартынья I. Горизонтали проведены через 10 м. Условные обозначения: *1* — ров, *2* — вал, *3* — западина, *4* — современные постройки, *5* — обрыв

Прямоугольный раскоп площадью 2224 кв. м был заложен за пределами городища на мысу, где культурный слой достигал наибольшей мощности (150—160 см). Полностью вскрыто жилище № 1 площадью около 145 кв. м (12×12 м) и несколько менее крупных объектов (рис. 2).

Стратиграфия памятника достаточно сложна. Культурные отложения сформированы из однородной по составу супеси, но цветовые различия, связанные с особенностями накопления культурных напластований в различные эпохи, позволяют выделить 5 слоев (рис. 2). Верхние 2 слоя, сложенные из серой и темной гумусированной супеси, насыщены керамикой эпохи железа. Третий (желто-серая супесь) и четвертый (серая супесь) слои содержат преимущественно находки эпо-

[2] См.: Чернецов В. Н. Указ. соч., с. 14, 63—64.

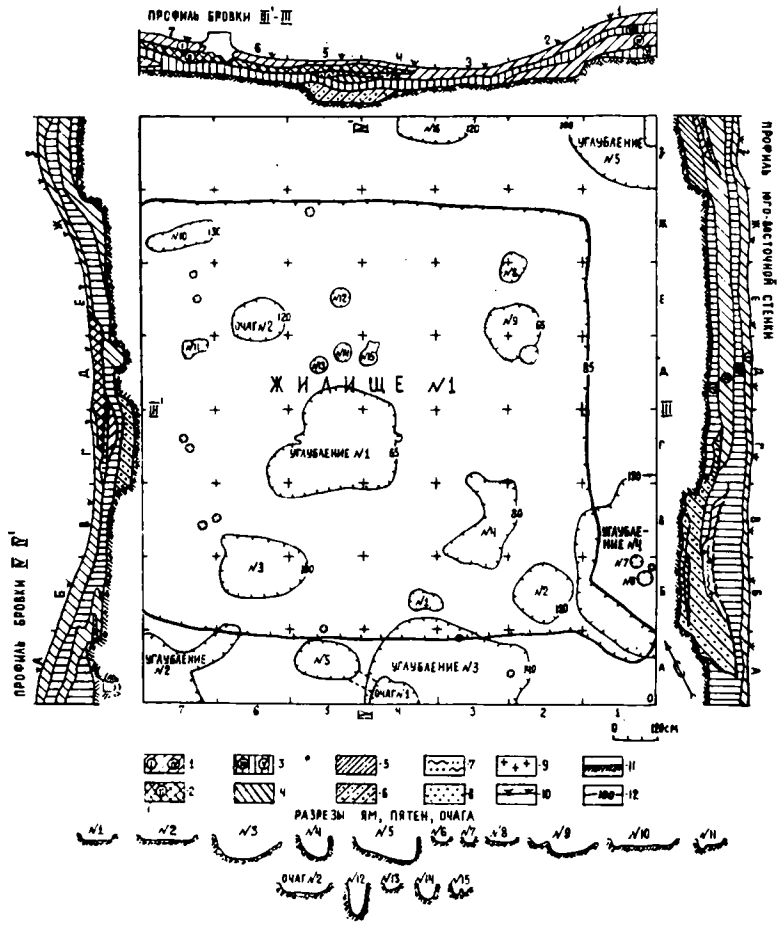

Рис. 2. Поселение Сартынья I. План раскопа, профили стенки и бровок. Условные обозначения: *1* — серая супесь (первый и четвертый стратифицированные слои), *2* — темная гумусированная супесь (второй стратифицированный слой); *3* — желто-серая супесь (третий и пятый стратифицированные слои), *4* — обожженная супесь; *5* — темная углистая супесь; *6* — серая супесь с частичками угля; *7* — золотистая супесь; *8* — желтый песок; *9* — охра; *10* — дерн; *11* — материк; *12* — глубина объектов от современной поверхности в см

хи раннего металла. В пятом, сформированном из супеси желто-серого цвета, залегали обломки энеолитических и неолитических сосудов. В центральной части раскопа слои еще в древности (в эпоху железа) были деформированы.

Интересующий нас материал эпохи раннего металла, типологически легко отделяясь от неолитического (кошкинского типа) и существующего в эпоху железа, в то же время достаточно единообразен как в керамике, так и в каменном инвентаре. Для культурно-хронологического членения керамики по устойчивым сочетаниям двух основных для нее признаков (форме и орнаменту) был довольно широко использован применяемый в археологии усложненный алгоритм классификации [3].

В качестве одного признака учтены характер оформления (наличие ямок вдоль венчика или характерных треугольных вдавлений на закраине) и форма венчика, в значительной степени определяющая форму сосуда. В качестве другого — орнаментальная зона по венчику, состоящая из 1—2 мотивов и отражающая (как часть целого) общий тип орнаментации сосуда. В обработку включены только крупные фрагменты венчиков и реставрированные сосуды (77 единиц).

В корреляционной таблице (рис. 3) четко выделились 3 группы керамики с сильными внутренними связями. Стратиграфические наблюдения и сопоставление с датированными памятниками смежных территорий позволяют интерпретировать их как хронологические.

Первая группа. Представлена обломками 17—20 сосудов. Форма их довольно надежно реконструируется по крупным фрагментам венчиков и придонных частей. Это круглодонные сосуды высоких пропорций (отношение диаметра венчиков к высоте сосуда 0,65—0,75) с вогнутыми в большинстве случаев венчиками.

Визуально устанавливаемые технологические особенности едины для всей керамики этой группы. Сосуды изготовлены из хорошо отмученного глиняного теста с обязательной примесью песка. В качестве дополнительной минеральной примеси в нескольких случаях отмечена слюда. Формовка сосуда осуществлялась путем наращивания широких лент. Одинаковый светло-коричневый цвет черепков, по всей видимости, предопределен единым режимом обжига.

[3] См.: Шер Я. А. Интуиция и логика в археологическом исследовании.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 17—23.

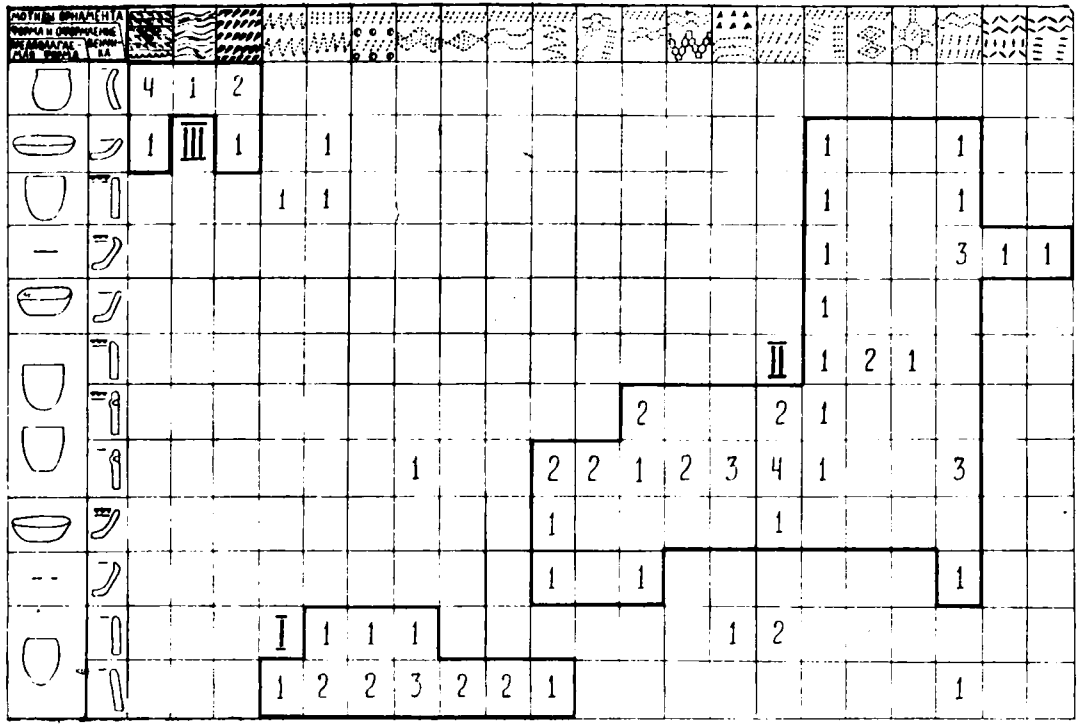

Рис. 3. Корреляция формы и орнаменты керамики эпохи раннего металла поселения Сартынья I

При минимальных вариациях в форме и технологии изготовления керамика первой группы по устойчивым сочетаниям орнаментальных мотивов делится на 3 типа.

К первому типу относится керамика с геометрическим орнаментом (рис. 4, *1—4*). Наиболее часто употребляются следующие мотивы: простые зигзаги, штрихованные зигзагообразные пояса, штрихованные ромбы, ромбическая сетка. Геометрические мотивы композиционно выделены разделяющими их рядами гребенки и очень редко поясами шагающей гребенки. Керамика этого типа довольно многочисленна (9—10 сосудов).

Второй тип (рис. 4, *5—7*) объединяет посуду, украшенную шагающей гребенкой. Орнамент однообразен, композиция отдельного сосуда состоит из одного (пояса шагающей гребенки) или двух (пояса шагающей гребенки, чередующиеся с рядами гребенчатых отпечатков) мотивов. При преобладании горизонтальной зональности в нескольких случаях отмечено вертикальное расположение поясов шагающей гребенки. Ко второму типу относятся фрагменты 5—6 сосудов.

Третий тип (рис. 4, *9—10*) — это гребенчато-ямочная керамика в ее самом простом варианте. Декоративная схема едина: ряды короткого гребенчатого штампа чередуются по вертикали с поясами глубоких круглых ямок. Варьируется только количество гребенчатых рядов и наклон штампов. Гребенчато-ямочная керамика немногочисленна, она представлена обломками трех-четырех сосудов.

Стратиграфическая позиция рассмотренной керамики достаточно определенна. Присутствуя в незначительном количестве з верхних раскопочных слоях (горизонтах), она in situ залегает в пятом и шестом горизонтах, где смешивается только с неолитической керамикой. Непотревоженный комплекс связывается с пятым стратифицированным слоем. Таким образом, и статистически (рис. 5) и стратиграфически керамика первой группы залегает ниже керамики эпохи бронзы. От позднеолитической посуды, известной в бассейне Северной Сосьвы (Чэс-тый-яг, Сартынья I), она отличается наличием таких мотивов (штрихованные геометрические фигуры, ромбическая сетка), которые в урало-сибирском регионе характерны главным образом для переходного от камня к бронзе периоду. Все это позволяет датировать керамику первой группы энеолитическим временем.

К этой же эпохе, по всей видимости, относятся и несколько небольших круглодонных чаш, украшенных в той же ма-

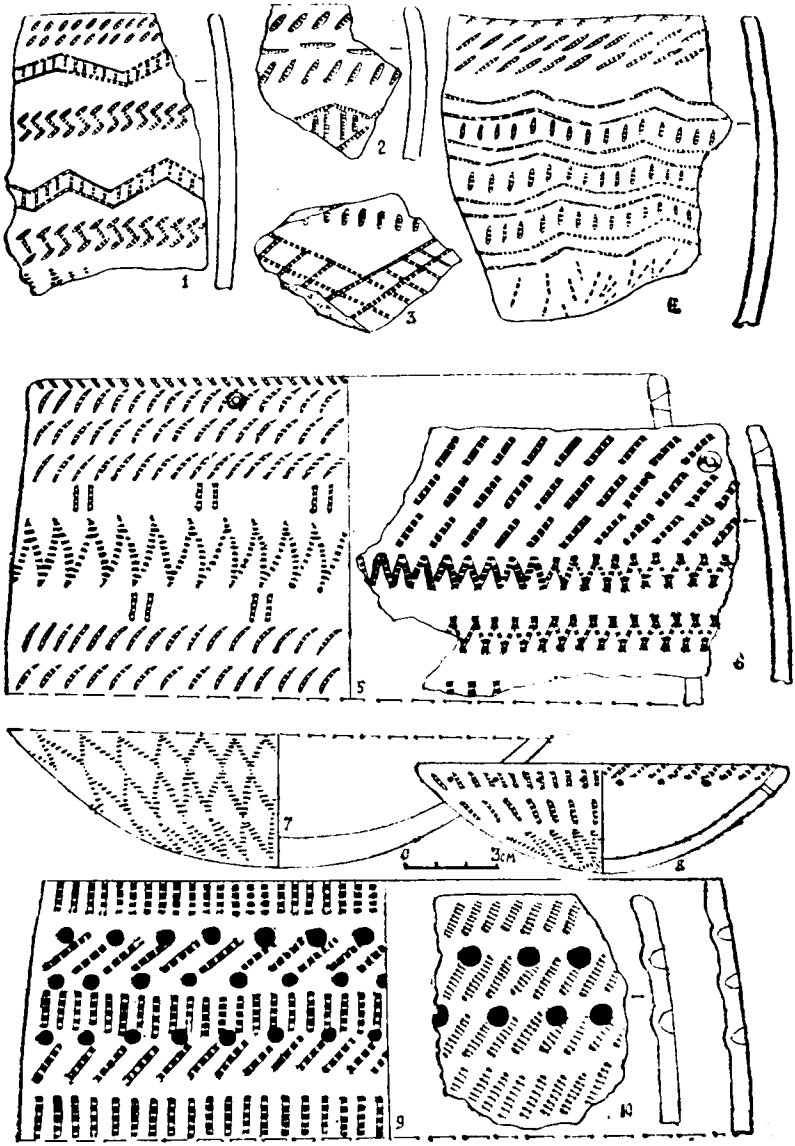

Рис. 4. Поселение Сартынья I. Типы энеолитической керамики

нере, что и энеолитическая керамика второго типа (рис. 4, *8*).

Вторая группа корреляционной таблицы (рис. 3), насчитывающая более 40 сосудов, объединяет посуду эпохи ранней бронзы. Технология ее изготовления по сравнению с энеолитическим временем не претерпела принципиальных изменений ни в способе формовки, ни в составе глиняного теста. Отсутствие строгой связи между определенным орнаментом и вариантами формы предопределило проведение типологии по одному признаку — орнаменту, по устойчивым сочетаниям декоративных мотивов. Выделяющиеся два основных типа керамики существуют, как мы убедимся позднее, в широком хронологическом диапазоне. Поэтому внутри них естественны различия, но только эволюционного характера.

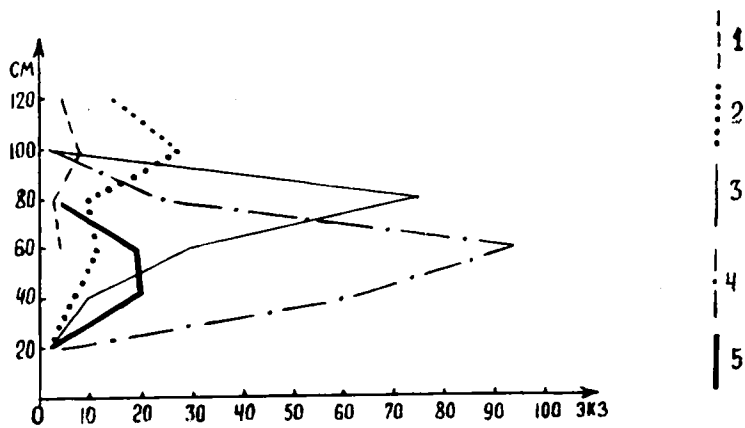

Рис. 5. Диаграмма залегания разновременной керамики поселения Сартынья I. Условные обозначения: *1* — неолитическая (кошкинская керамика); *2* — энеолитическая керамика; *3* — керамика эпохи ранней бронзы (первый этап); *4* — керамика эпохи ранней бронзы (второй этап); *5* — керамика эпохи поздней бронзы.

Первый тип. Ранний вариант (рис. 6, *5—9*) представлен слегка закрытыми сосудами с округлым или уплощенным дном. Закраина венчика почти всегда декорирована треугольными вдавлениями. Орнамент геометрический. Ведущий мотив — многорядный гребенчатый зигзаг. По существу, и все остальные геометрические мотивы представляют собой его усложненные модификации. Геометрические мотивы обязательно сопровождаются рядами прямо поставленных отпечатков короткого гребенчатого штампа.

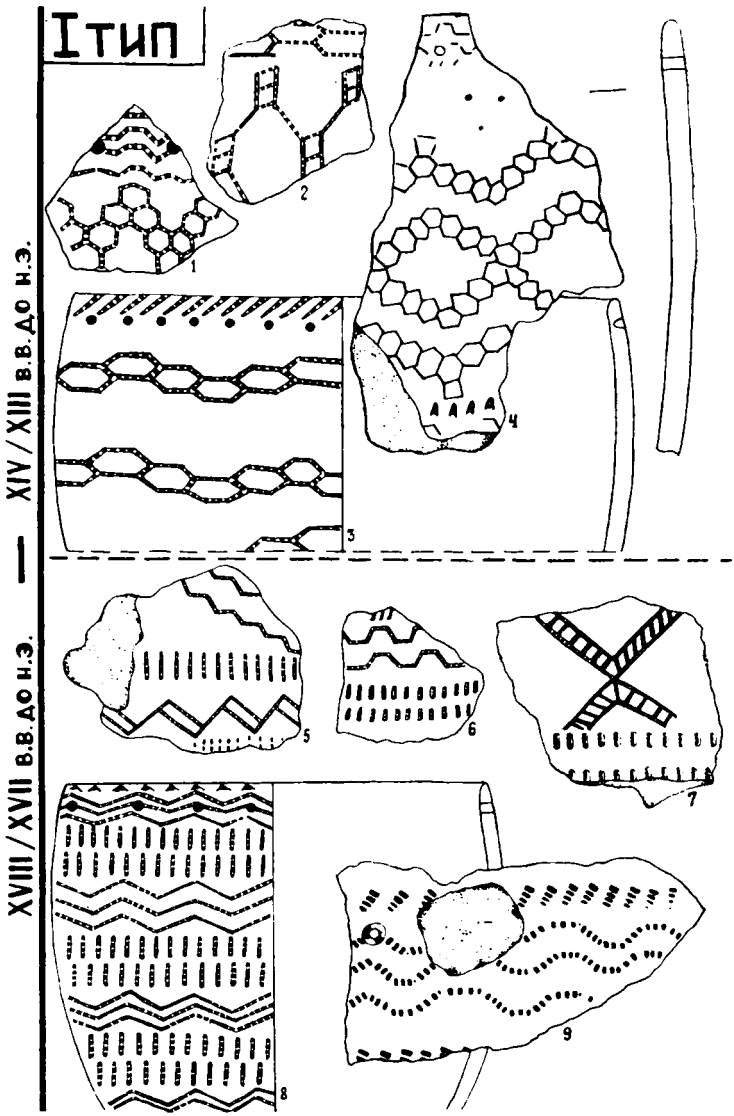

Рис. 6а. Типы керамики эпохи ранней бронзы поселения Сартынья I

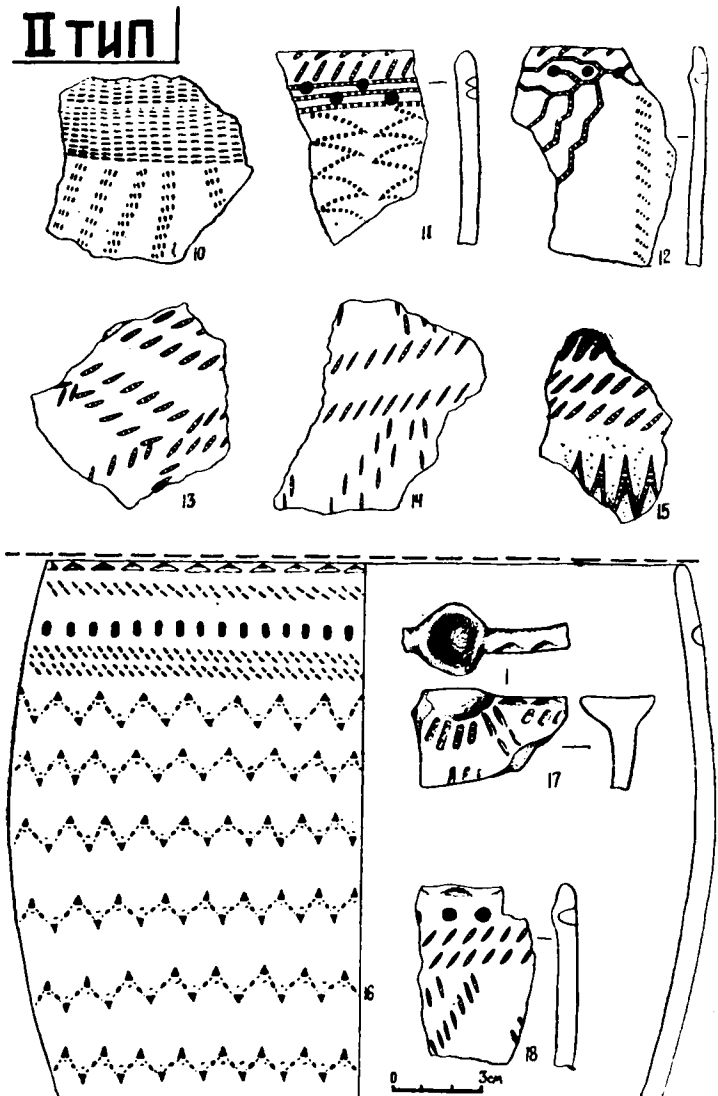

Рис. 66. Типы керамики эпохи ранней бронзы поселения Сартынья I

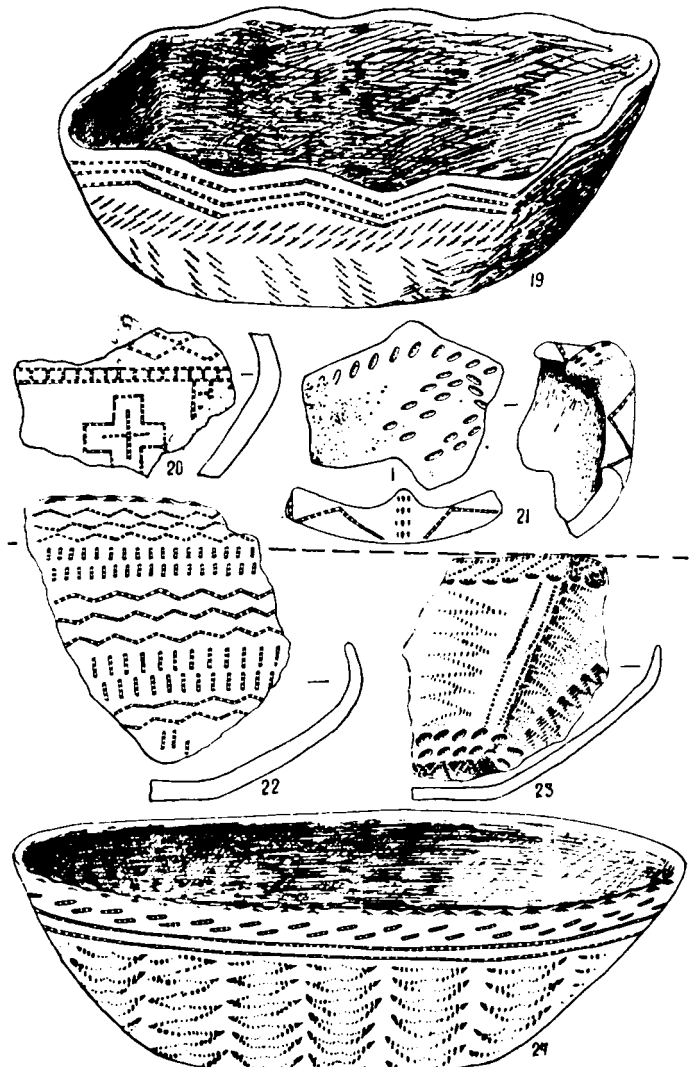

Рис. 6в. Типы керамики эпохи ранней бронзы поселения Сартынья I

Поздний вариант (рис. 6, *1—4*) — это сосуды с прямым или слегка вогнутым венчиком и уплощенным дном. Плоскодонные сосуды единичны. Основными элементами орнамента становятся различные по размерам и пропорциям шестиугольники, нанесенные гребенчатым или гладким штампом. Эти шестиугольники, получившие название сот, образуют горизонтальные пояса ромбов и зигзагов. Генетическая связь сотового орнамента с предшествующим ему по времени зигзаговым на сартыньинской керамике ярче всего проявляется в том, что при замене основного элемента ни композиция, ни мотивы (в данном случае как способ расположения элементов) не претерпели никаких существенных изменений.

Другими важными признаками, определяющими типологическую однородность керамики и геометрического орнамента, являются печатная техника нанесения узора и его строгая горизонтальная зональность. К первому типу на поселении относятся обломки 17—18 сосудов, (около 40% от керамики эпохи ранней бронзы).

Второй тип. По форме сосуды этого типа идентичны вышеописанным. Заметна та же хронологическая тенденция к выпрямлению венчиков и уплощенности днищ. Закраина венчика одного из сосудов оформлена небольшими круглыми углублениями —«блюдцами» (рис. 6, *17*).

Орнамент наносился как печатной, так и шагающей гребенкой (гребенчатая качалка). В первом случае декоративные мотивы формировались пересекающимися горизонтальными, вертикальными и наклонными рядами отпечатков короткого гребенчатого штампа (рис. 6, *10, 13, 14, 18*), во втором — поясами гребенчатой качалки (рис. 6, *11, 16*). Причем если гребенчатая качалка преобладала в начальный период бронзового века, то позднее более широко употреблялись мотивы, выполненные в технике печатной гребенки. Для всех орнаментов, независимо от техники нанесения, характерно отсутствие геометрических мотивов и наличие как вертикальной, так и горизонтальной зональности. Правомерность отнесения рассмотренной керамики к одному типу подтверждается и взаимовстречаемостью на одних сосудах мотивов, выполненных шагающей и печатной гребенкой (рис. 6, *15*).

Керамика второго типа на памятнике представлена фрагментами 13—14 сосудов (31% от керамики эпохи ранней бронзы).

В отдельную группу (рис. 6, *19—24*), по орнаменту связанную с обоими типами, объединена глиняная посуда не-

стандартных форм. Графически восстановлены ладьевидный сосуд (рис. 6, *24*) и подпрямоугольное (с закругленными углами) по венчику и донышку блюдо (рис. 6, *19*). С меньшей долей достоверности восстанавливается облик своеобразных блюд с плоским донцем, плавно восходящими стенками и широким устьем, которое в плане представляет овал или овал, прямо усеченный в обеих вершинах. В овальной части блюдо закрыто сильно изогнутым венчиком (рис. 6, *22—23*). Одно из таких блюд в вершине овала было декорировано схематично оформленной рельефной головкой животного, обращенной внутрь сосуда (рис. 6, *21*).

Строгая связь определенной формы с определенным типом орнамента отсутствует, но большая часть закрытых блюд декорирована геометрическим орнаментом, в то время как прямоугольные и ладьевидные сосуды преимущественно украшались узорами, присущими керамике второго типа.

Посуда нестандартных форм на поселении сравнительно многочисленна (фрагменты 12—13 сосудов, 29% от керамики эпохи ранней бронзы).

Вопросы соотношения типов керамики эпохи ранней бронзы во времени, как и проблема хронологических градаций внутри них, решается стратиграфически. Статистическая обработка распределения керамики по горизонтам типы не разделяет, но улавливает хронологические различия внутри них. Комплекс, включающий ранние варианты посуды I и II типов, ладьевидные сосуды и часть закрытых блюд, концентрировался в третьем-четвертом горизонтах (рис. 5), связываясь с четвертым стратифицированным слоем. Большая же часть керамики поздних вариантов и фрагменты прямоугольных блюд залегали во втором-третьем горизонтах (рис. 5) в третьем стратифицированным слоем. Кроме того, ранний комплекс достоверно выделялся в жилище № 1, в непотревоженной части заполнения которого залегали: керамика с геометрическими мотивами, построенными на зигзаге (рис. 6, *7*, *9*); обломки сосудов, украшенные шагающей гребенкой (рис. 6, *16*); фрагменты закрытого блюда, орнаментированного рядами гребенки, разделенными многорядными гребенчатыми зигзагами (рис. 6, *22*).

Все это позволяет выделить на поселении Сартынья I два разновременных комплекса керамики, отражающих хронологические этапы эпохи ранней бронзы в бассейне Северной Сосьвы. Первый (ранний) этап характеризуется круглодонной посудой, украшенной простым геометрическим орна-

ментом (первый тип) или шагающей гребенкой (второй тип). Кроме обычных по форме на этом этапе появляются ладьевидные сосуды и закрытые блюда с зигзаговым орнаментом. Для второго (более позднего) этапа характерны сосуды с уплощенным или даже плоским дном, сотовыми композициями (первый тип) и узорами, составленными из вертикальных, горизонтальных и наклонных рядов гребенки (второй тип). Нестандартная посуда представлена прямоугольными и закрытыми блюдами, причем последние украшены сложным геометрическим узором (соты, прямоугольные кресты). К этому этапу, по всей видимости, относятся найденные в третьем слое две капли бронзы.

Третья группа корреляционной таблицы (рис. 3) включает 9 сосудов, отмеченных единством орнаментальной традиции и многообразием форм. Это ладьевидные (рис. 7, *2*) и горшкообразные с профилированным венчиком и уплощенным дном (рис. 7, *1*) сосуды и конические чаши (рис. 7, *3*). В отличие от всей остальной сартыньинской посуда этой группы изготовлена без примеси слюды в тесте.

Орнамент единообразен. Вся боковая поверхность, включая дно и закраину венчика, орнаментирована плотно расположенными отпечатками гладкого штампа (рис. 7, *2*) или покрыта оттисками так называемого «прокатанного» штампа (рис. 7, *3, 1*). В последнем случае узор наносился горизонтальным прокатыванием рельефного валика по стенкам сосуда. На орнаментальном поле с однообразными невыразительными отпечатками валика выделяются неглубокие круглые ямки, сгруппированные в ромбы и треугольники. Горизонтальная зональность подчеркнута несколькими резными линиями.

Керамика этой группы отличается и меньшей фрагментарностью. В раскопе она залегла несколькими локализованными скоплениями, включавшими развалы сосудов. Эти скопления располагались во втором и третьем горизонтах, в целом занимая более высокую, чем керамика эпохи ранней бронзы, стратиграфическую позицию (рис. 5). Позднее (относительно эпохи ранней бронзы) появление рассмотренной группы керамики на поселении Сартынья I, наличие горшковидных форм, характерных в этом регионе только для завершающего периода эпохи раннего металла, позволяют предварительно датировать ее эпохой поздней бронзы.

Каменный инвентарь эпох энеолита и бронзы немногочислен, типологически однороден, найден в открытых комплексах,

а потому не поддается хронологической дифференциации. Тем не менее постоянство в наборе орудий и способах их обработки позволяет отметить некоторые общие для всей эпохи раннего металла черты.

Малочисленность находок предопределила замену типологии изделий из камня их индивидуальным описанием.

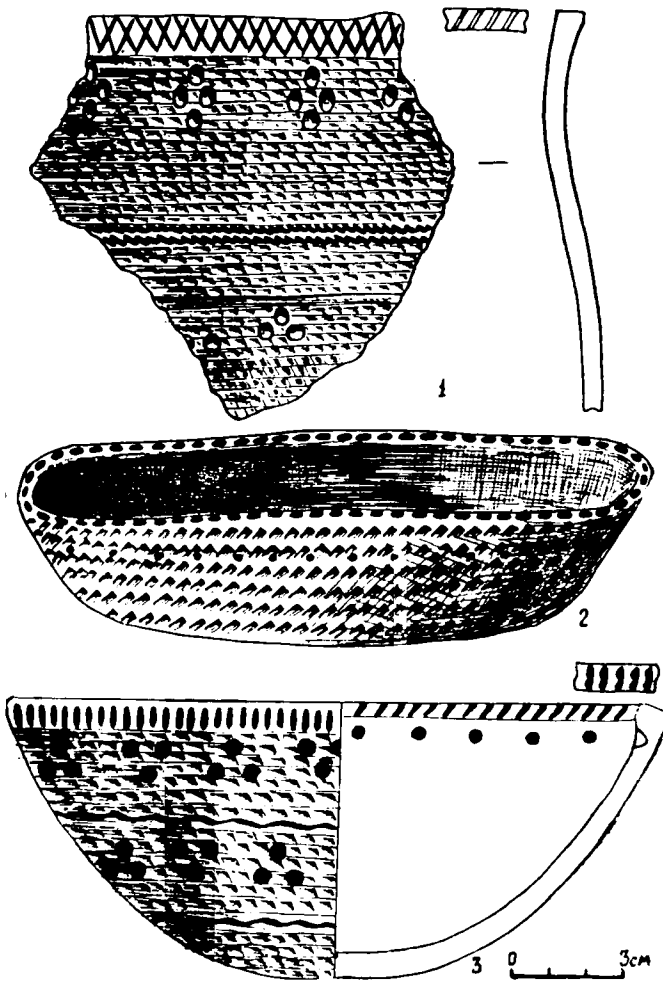

Рис. 7. Поселение Сартынья I. Керамика эпохи поздней бронзы

Рубящие орудия: 4 тесла, 1 долотце. Изготовлены из сланцевых плиток. Тесла (рис. 8, *1—2*) имеют прямоугольную форму, одинаковое подпрямоугольное сечение, но пропорции и размеры варьируются в широких пределах. Профиль орудий асимметричный. Рабочий край округлый. Все рубящие орудия изготовлены методом шлифовки.

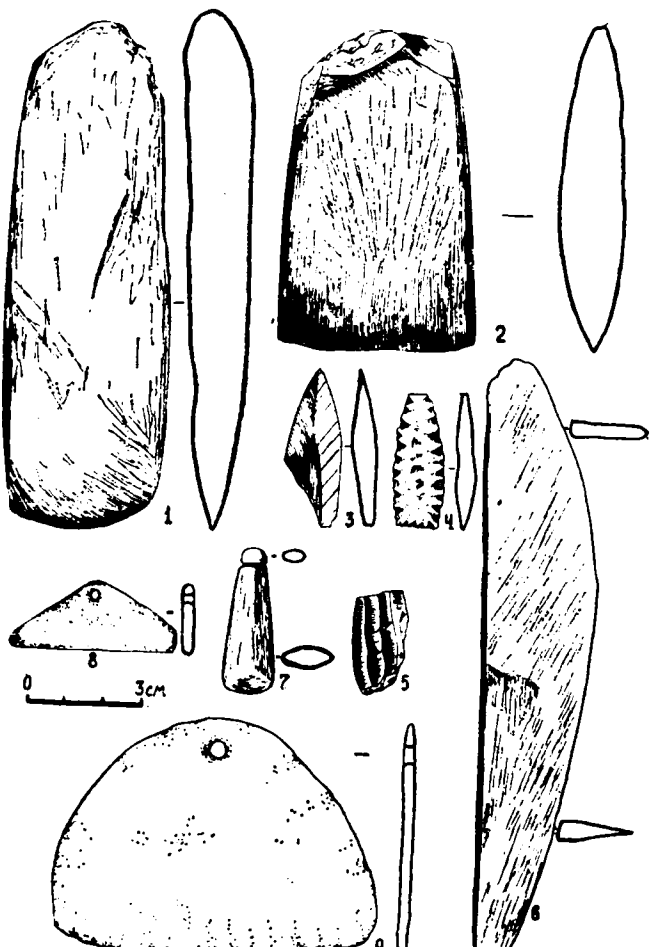

Рис. 8. Поселение Сартынья I. Орудия и украшения из камня

Нож. Шлифованный (рис. 8, *9*). Изготовлен из плоской сланцевой плитки. Хорошо выражены овальная в сечении ручка и длинное (около 11 см) лезвие с двусторонней заточкой.

Наконечники стрел (рис. 8, *3—4*) представлены как шлифованные (2), так и ретушированные (1). Один из шлифованных наконечников необычен по форме. Он имел раздвоенное на перья основание и глубокие желобки с обеих сторон.

Каменные подвески двух типов: плоские, треугольной и полуовальной формы, с просверленным отверстием для подвешивания (рис. 8, *8—9*); овальные в сечении, в форме высокой трапеции, с желобками для крепления (рис. 8, *7*).

Среди орудий совершенно отсутствуют скребки и скребла, обычно наиболее распространенные на уральских и западносибирских поселениях. Другая и, пожалуй, главная особенность каменной индустрии памятника — абсолютное преобладание шлифованных орудий из сланцевых плиток. Отщепы, ножевидные пластины и нуклеусы (рис. 8, *5*) из кремня и кремнистых пород представлены единичными находками.

Относительная хронология комплексов поселения Сартынья I, на наш взгляд, может быть положена в основу периодизации известных в бассейне Северной Сосьвы памятников эпохи раннего металла.

К энеолитическому времени, по всей видимости, относится стоянка Хулюм-сунт, датированная В. Н. Чернецовым эпохой неолита[4]. Судя по его публикации, керамика этой стоянки, в орнаментации которой преобладали геометрические мотивы (ромбическая сетка, зигзаг, треугольные композиции), идентична первому типу энеолитической посуды Сартынья I, а следовательно, и синхронна ей. Синхронизация этих памятников тем более убедительна, что она осуществляется по орнаментальным мотивам, имеющим сравнительно узкий хронологический диапазон и, как было отмечено В. Ф. Старковым, характерным для начала эпохи металла[5].

По этим же мотивам (включая мотив штрихованных ромбов), да и по форме (круглодонность) посуда сосьвинских поселений сопоставима с керамикой стоянки Козлов Мыс I, где был найден медный нож[6]. Последнее обстоятельство де-

[4] См.: Чернецов В. Н. Указ. соч., с. 14, 18—20.

[5] См.: Старков В. Ф. Неолитические памятники Нижнего Приобья. — В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, с. 151—152.

[6] См.: Юровская В. Т. Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс I.— ВАУ. Свердловск, 1975, вып. 13, с. 89.

лает отнесение анализируемых памятников к медно-каменному веку еще более правомерным.

Абсолютная датировка энеолитических памятников в бассейне Северной Сосьвы определяется уже их относительной хронологией. Традиционная дата эпохи энеолита в Зауралье и Западной Сибири — конец III — начало II тысячелетия до н. э. Она предложена О. Н. Бадером[7] и В. Н. Чернецовым[8] и не оспаривается никем из современных исследователей[9]. Имеющийся у нас материал этой дате также не противоречит, как, впрочем, не содержит и новых аргументов в ее пользу.

При определении культурной принадлежности энеолитических памятников Северной Сосьвы мы попытались найти их полные по составу типов орнаментации керамики аналоги на смежных территориях. Убедившись в отсутствии таковых, картографировали все три выделенных типа керамики с целью выявления районов их устойчивого сочетания. Гребенчатая керамика (первый тип) с определенным набором геометрических мотивов (зигзагов, треугольников, ромбической сетки, штрихованных ромбов) распространена чрезвычайно широко: от среднего течения Ваха (поселение Большой Ларьяк II и III)[10] до европейского северо-востока (поселение Чужьяель)[11] и среднего Зауралья (аятские комплексы)[12]. Керамика, орнаментированная гребенчатой качалкой (второй тип), распространена повсеместно, но ведущим этот мотив является только в Сургутском Приобье (поселение Барсов городок 1/5А)[13]. Гребенчато-ямочная керамика в это время локализовалась в основном в Тюменском Притоболье и Иши-

---

[7] См.: Бадер О. Н. Уральский неолит.— В кн.: Каменный век на территории СССР. М., 1970, с. 159—164.

[8] См.: Чернецов В. Н. К вопросу о сложении уральского неолита.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 41—53.

[9] См.: Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974, с. 10; Старков В. Ф. Стоянка Шапкуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье.— В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976, с. 48; Юровская В. Т. Указ. соч. с. 89.

[10] См.: Васильев Е. А. Энеолитическое время в бассейне р. Вах.— В кн.: Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978, с. 3—11.

[11] См.: Стоколос В. С. Поселение Чужьяель на Мезени.— В кн.: Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1978, с. 26—29.

[12] См.: Берс Е. М. Позднеэнеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье.— СА, 1976, № 4, с. 190—199.

[13] См.: Матвеева Н. П. Энеолитическая стоянка в Сургутском Приобье.— В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979, с. 73—81.

мо-Иртышском междуречье [14]. Несовпадение ареалов и отсутствие памятников с устойчивым сочетанием если не всех, то хотя бы двух типов глиняной посуды, присутствующих на Сартынье I в одном комплексе, делает северососьвинские памятники как целостные комплексы культурно индифферентными.

Ситуация, впрочем, не исключительная, для лесных и лесостепных районов к востоку от Урала. Мы имеем здесь несколько типов энеолитических памятников (липчинский, шапкульский, гребенчатый, гребенчато-ямочный), выделенных по стилю орнаментации глиняной посуды, но ни одной энеолитической культуры. И дело здесь не только и не столько в неизученности региона, малочисленности памятников, сколько в своеобразии эпохи. Своеобразие это заключалось, с одной стороны, во все углубляющейся дифференциации зауральско-западносибирской неолитической культурной общности, а с другой — в интенсивных миграционных процессах, вызванных кризисом присваивающего хозяйства [15].

Все это привело к тому, что подавляющее большинство энеолитических памятников содержат различную по стилю орнаментации керамику, которая легко расчленяется типологически, но попытки разделить ее хронологически (стратиграфически), как правило, бывают неудачны [16]. Аналогичная картина сложилась и в бассейне Северной Сосьвы. Местная, развивающая традиции чэс-тый-ягского неолита керамика первого типа сосуществует здесь с явно пришлой гребенчато-ямочной и с посудой, украшенной гребенчатой качалкой, происхождение которой не вполне ясно. Подобная ситуация, на наш взгляд, отражает не итог, но процесс складывания культурных традиций как результат взаимодействия различных по происхождению компонентов.

Окончательное оформление этих традиций в бассейне Северной Сосьвы происходит уже в следующую эпоху — эпоху ранней бронзы. К этому времени, кроме двух комплексов поселения Сартынья I, относятся открытое нами поселение Сар-

---

[14] См.: Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 1976, с. 9—10.

[15] См.: Васильев Е. А. Миграционные процессы в таежной части Обского бассейна в эпоху бронзы.— В кн.: Вопросы этнокультурной истории народов Сибири. Томск, 1980.

[16] См.: Ковалева В. Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере.— В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977, с. 101—102.

тынья I А и исследованная В. Н. Чернецовым стоянка Сартынья II. Немногочисленная коллекция поселения Сартынья I А содержит украшенную гребенчатой качалкой и зигзаговым орнаментом керамику, ничем не отличающуюся от посуды раннего комплекса Сартыньи I. Керамика Сартыньи II декорирована более сложным геометрическим орнаментом, включая сотовые композиции. Наряду с обычными формами в коллекции присутствует и нестандартная посуда, по всей видимости, фрагменты украшенного сотами закрытого блюда [17]. То есть по всем признакам эта керамика идентична второму (более позднему) комплексу поселения Сартынья I. Таким образом, реальность выделения двух этапов раннего бронзового века в бассейне Северной Сосьвы нашла конкретное выражение не только в стратифицированных комплексах Сартыньи I, но и в наличии разновременных однослойных (для эпохи бронзы) поселений.

Абсолютная дата сартыньинских комплексов эпохи ранней бронзы определяется общей хронологической позицией этой эпохи, сопоставления с датированными памятниками. Датирующие вещи и радиоуглеродные даты на поселениях отсутствуют.

Начало эпохи ранней бронзы определяется концом энеолита, т. е. второй четвертью II тыс. до н. э. (XVIII/XVII вв. до н. э.). Сопоставимая с ранними сартыньинскими комплексами по геометрическим мотивам керамика аятского типа также датируется первой половиной II тыс. до н. э. [18]. Верхняя дата (XIV—XIII вв. до н. э.) фиксируется началом эпохи поздней бронзы в Нижнем Приобье, которые по серии радиоуглеродных дат, полученных для поселения Малый Атлым I, относится к XII в. до н. э. Для датировки периодов раннего бронзового века некоторое значение имеют синхронизация первого этапа с аятскими памятниками (первая половина II тыс. до н. э.) и андроновские параллели, приведенные В. Н. Чернецовым для второго этапа (середина II тыс. до н. э.) [19]. Эти сопоставления позволяют отнести появление сотовой керамики, а следовательно, и начало второго этапа к середине II тыс. до н. э.

---

[17] См.: Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья, табл. XVII.

[18] См.: Старков В. Ф. К вопросу о периодизации зауральского палеолита.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 11.

[19] См.: Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья, с. 46.

Анализируя материалы северососьвинских поселений и стоянок, можно отметить наличие в них как широко распространенных элементов, так и характерных только для данного региона или исключительно редких. Установление культурной принадлежности любого памятника или группы памятников при учете общих и единичных черт, на наш взгляд, должно определяться особенным. Речь идет прежде всего об особенностях керамики, так как именно она в силу ряда причин является основным «этнографическим» индикатором археологических культур этого региона [20].

Декоративно-морфологические особенности сартыньинской глиняной посуды (наличие двух типов орнаментации; развитый гребенчатый геометризм, «сотовость» одного из них; наличии нестандартной посуды, включая очень редкие формы) находят полные аналогии только в Нижнем Приобье на поселении Малый Атлым I и Салехардской I стоянке. На сходство салехардской и сартыньинской керамики обратили внимание еще В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская [21]. Действительно, нижнеобские памятники на протяжении нескольких столетий сохраняли культурное своеобразие в керамике и отчасти каменном инвентаре (преобладание шлифованных орудий), настолько же отличаясь по этим показателям от окружающих культур, насколько обнаруживая внутреннее единство. Впрочем, определение культурной принадлежности всех нижнеобских памятников выходит за рамки данной статьи. Здесь мы ограничимся лишь констатацией их культурного единства.

Таким образом, в эпоху ранней бронзы северососьвинские поселения входили в замкнутую группу памятников, локализованную в Нижнем Приобье и отмеченную ярким культурным своеобразием.

Попытки культурной идентификации северососьвинских поселений и стоянок (Чэс-тый-яг, Сартынья I) и памятников северо-востока европейской части СССР в рамках синдорской культуры [22] или широкой этнокультурной общности гре-

[20] См.: Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья, с. 12—13; Чернецов В. Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы.— В кн.: Тезисы докладов и выступлений по методологии этногенетических исследований. М., 1951, с. 25.

[21] См.: Мошинская В. И. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде.— МИА, 35. М., 1935, с. 188; Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья, с. 46.

[22] См.: Буров Г. М. Древний Синдор. М., 1967, с. 168.

бенчатой керамики [23] малоубедительны. Примечательно, что в эти культурные образования раннего бронзового века были включены позднеолитическая стоянка Чэс-тый-яг и энеолитический (на наш взгляд) комплекс Сартыньи I. Подобное преодоление хронологического разрыва стало возможным только потому, что культурная принадлежность устанавливалась по признакам, имеющим чрезвычайно широкие по времени и территории пределы (сплошная орнаментация, печатно-гребенчатая техника нанесения узора, наличие простого зигзага в орнаменте). В то же время хронологически сопоставимые с синдорской культурой раннебронзовые комплексы Северной Сосьвы с их сложным гребенчатым геометризмом не находят аналогий ни в бассейне Печоры, ни на Синдорском озере.

Установление абсолютного возраста и культурная интерпретация комплекса эпохи поздней бронзы чрезвычайно затруднительны. Малочисленность керамики, условия ее залегания, принципиальные различия со всей предшествующей посудой в технологии и орнаментации позволяют трактовать этот комплекс как эпизод проникновения на Северную Сосьву инородного населения.

Подобная по форме и стилю орнаментации керамика зафиксирована на Средней Печоре (Коршак I) и в бассейне Конды (Сумпонья II) [24]. Л. П. Хлобыстин и В. И. Канивец, исследовавшие перечисленные памятники, пришли к выводу об их сибирском происхождении [25]. Вывод в значительной степени гипотетичен, поскольку он основан на недоказанном предположении о генетическом родстве прокатанного и гребенчато-волнистого орнамента, характерного для неолита лесного Зауралья. Обилие белых пятен на археологической карте Западной Сибири оставляет эту гипотезу правомерной. Но в бассейне Северной Сосьвы подобная трансформация была невозможна, так как начиная с энеолитической эпохи местная керамика украшалась только печатной или шагающей гребенкой.

В заключение отметим общие тенденции генезиса археологических культур в бассейне Северной Сосьвы.

Одна из них — преемственность в развитии керамики и каменного инвентаря, основных категорий археологических

[23] Канивец В. И. Печорское Приполярье в эпоху раннего металла. М., 1974, с. 123.

[24] См.: Канивец В. И. Указ. соч., с. 18—25, 125.

[25] См.: Там же, с. 125.

культур этого региона. Несмотря на эпизодические появления инородной по декору глиняной посуды, орнаментальная традиция не прерывается в бассейне Северной Сосьвы от позднего неолита до ранней бронзы. Наиболее показательные в этом отношении геометрические мотивы эволюционируют от простого гребенчатого зигзага к его сложным формам, а затем к сотам. Каменный инвентарь постоянен на всем протяжении рассматриваемых эпох как в наборе орудий, так и в технике их обработки.

Другая тенденция проявлялась в постепенной дифференциации крупных культурных общностей, включавших северососьвинские памятники. Стоянки новокаменного века В. Н. Чернецовым и О. Н. Бадером относились к зауральскому неолиту. Энеолитические комплексы культурно индифферентны на громадной территории от Ваха до европейского северо-востока. И лишь в эпоху ранней бронзы происходит культурное обособление северососьвинских памятников в рамках нижнеобской группы.

А. Я. ТРУФАНОВ

ЖЕРТВЕННОЕ МЕСТО ХУТОР БОР-I (О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ СВОЕОБРАЗИИ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЛЕСНОГО ПРИИРТЫШЬЯ)

Памятник Хутор Бор-I расположен в Тевризском районе Омской области приблизительно в 30 км вниз по Иртышу от с. Тевриз на первой надпойменной террасе правого берега р. Иртыш, на месте заброшенной деревни Хутор Бор. Терраса в этом месте круто сворачивает перпендикулярно современному руслу реки, образуя выступ, на котором и находится памятник. Высота террасы около 6 м. В близлежащей местности это наиболее высокая точка. Ежегодно памятник разрушается весенним половодьем.

Хутор Бор-I наряду с другими памятниками близ д. Хутор Бор был найден в 1977 г. А. И. Петровым [1]. Им же в 1978—1979 гг. было заложено два раскопа общей площадью около 80 кв. м^2 (рис. 1).

Нижние слои памятника содержали материал эпохи ранней бронзы. Интересующий нас комплекс располагался в верхних горизонтах, частично прорезая культурный слой ранней бронзы. Толщина культурного слоя в целом колеблется от 30 до 200 см. Слой поздней бронзы представляет собой сильно гумусированный песок темно-серого цвета, часто с большими примазками угля (в отличие от серовато-желтого песка нижних горизонтов). Часть слоя потревожена современными постройками.

Поздний слой памятника дал необыкновенно большое количество керамического материала при хорошей его сохранности. Обычно это раздавленные сосуды или стенки от них, располагавшиеся в виде скоплений. Чаще всего такие скоп-

---

[1] См.: Петров А. И. Работы в таежном Прииртышье.— АО 1977 г. М., 1978, с. 269.

[2] См.: Петров А. И. Разведочные работы в лесном Прииртышье.— АО 1978 года. М., 1979, с. 262—263.

ления содержали два-три раздавленных сосуда, но в отдельных случаях их число достигало десятка и более (рис. 2). На месте последних зафиксированы кострища, скопления костей животных, часто обожженных. Культурный слой здесь достигает 90 см, в то время как на площади, не занятой скоплениями, толщина его не превышает 10—20 см.

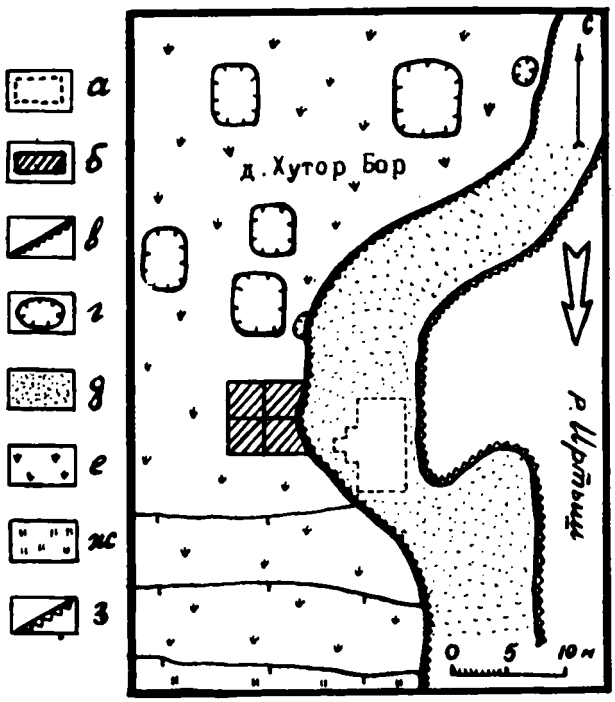

Рис. 1. Памятник Хутор Бор-I. Общий план. *а* — предполагаемая территория расположения раскопа 1978 г.; *б* — раскоп 1979 г.; *в* — линия обрыва в 1979 г.; *г* — современные ямы и остатки домов; *д* — песок на бечевнике р. Иртыш; *е* — луг; *ж* — пойменный луг; *з* — предполагаемая линия обрыва в 1978 г. Горизонтали проведены через 2 м

Всего зафиксировано 8 скоплений керамики, относящихся к эпохе финальной бронзы. В раскопе 1 обнаружено два скопления (№ 1 и 2). Одно из них располагалось в подпрямоугольной яме размерами 200×95 см и глубиной 50 см, за-

полненной сильно гумусированным песком со значительными примазками угля и прокаленным пятном красноватого цвета в центре. Кроме керамики в заполнении ямы найдено большое количество мелких и средних кальцинированных косточек, а также обломки тиглей со следами бронзы. Второе скопление находилось в соседнем квадрате и представляло собой многослойные напластования развитой керамики. Яма 1 на первых штыках выявилась в форме темногумусированного пятна аморфных очертаний, которое сначала частично ухо-

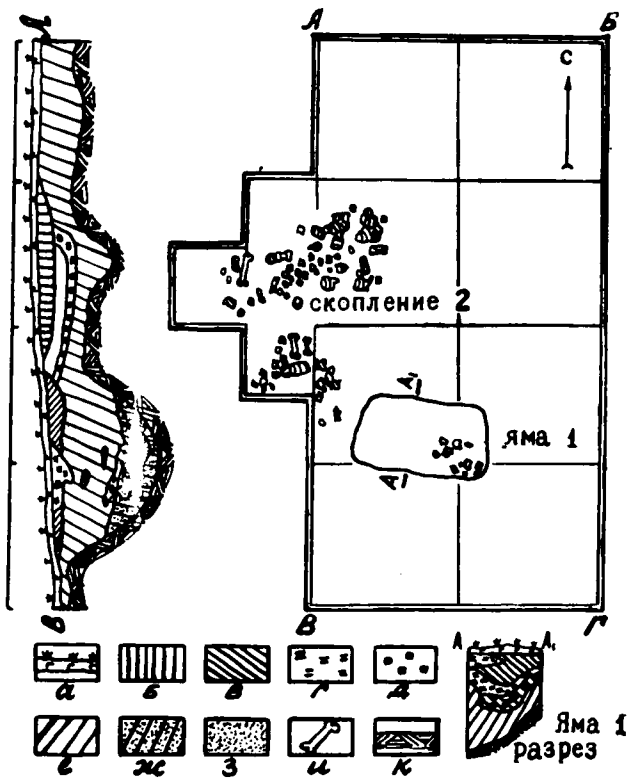

Рис. 2. Раскоп 1. План и разрез.
а — дерн; *б* — современное заполнение: *в* — темно-серый песок; *г* — прокал; *д* — уголь; *е* — желто-серый песок; *ж* — аллювиальный песок с прослойками гумуса; *з* — аллювиальный песок желтого цвета; *и* — кости животных; *к* — материк — желтый песок

дило под западную стенку раскопа. На следующих штыках пятно несколько «сдвинулось» и расположилось в стороне от стенки. Скопление 2 также частично перекрывалось бровкой. Изучение стратиграфии данного разреза позволяет нам утверждать, что яма 1 явно прорезает углистую полосу, связанную со скоплением 2, и что, следовательно, яма 1 сооружена несколько позже, чем скопление 2 (рис. 2). К рассмотрению керамического материала данной ямы мы еще вернемся.

Остеологический материал представлен находками костей черепов и конечностей крупного рогатого скота.

Помимо керамики найдены обломки глиняных тиглей с большим содержанием песка в тесте, со следами бронзы. В качестве тиглей использовались и сосуды. Так, найдена нижняя часть сосуда с крестовым орнаментом, края которого ошлакованы. В скоплении 2 найдена береста.

Нам представляется, что поздний комплекс Хутор Бора-I являлся культовым местом, носившим жертвенный характер. В пользу этого может свидетельствовать высокая степень сохранности керамического материала при относительно малой толщине культурного слоя, что не характерно для поселений.

Памятники подобного рода известны в таежном Прииртышье в сузгунское время. Это памятники Сузгун II близ г. Тобольска и Чудская гора в Знаменском районе Омской области[3]. Для всех этих памятников, включая Хутор Бор-I, характерен сходный принцип расположения керамики в слое; обычно это целые или раздавленные сосуды.

Интересно, что на всех трех памятниках в большей или меньшей степени присутствуют остатки бронзолитейного производства[4], что, по-видимому, связано с характером памятника и является общей чертой для такого рода культовых мест. К числу общих черт следует, очевидно, отнести находки бересты[5], применение которой в культовых целях не раз отмечалось в литературе[6], а также тот факт, что остеологический

---

[3] См.: Мошинская В. И. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири.— МИА, 58, М., 1957; Косарев М. Ф. Археологические работы в таежном Прииртышье.— АО 1974 г. М., 1975, с. 212—213; Потемкина Т. М. Раскопки в таежном Прииртышье.— АО 1976 года. М., 1977, с. 235.

[4] См.: Мошинская В. И. Указ. соч., с. 119; Потемкина Т. М. Указ соч., с. 235.

[5] См.: Мошинская В. И. Указ. соч., с. 119.

[6] См.: Львова Э. Л. Материалы по изучению шаманизма у коренного населения Среднего Чулыма.— В кн.: Некоторые вопросы истории

материал этих памятников представлен преимущественно находками костей черепов и конечностей животных[7].

Памятник дал интересный керамический материал. Все сосуды позднего комплекса сделаны из хорошо отмученной глины с примесью песка и шамота. Внешняя поверхность со-

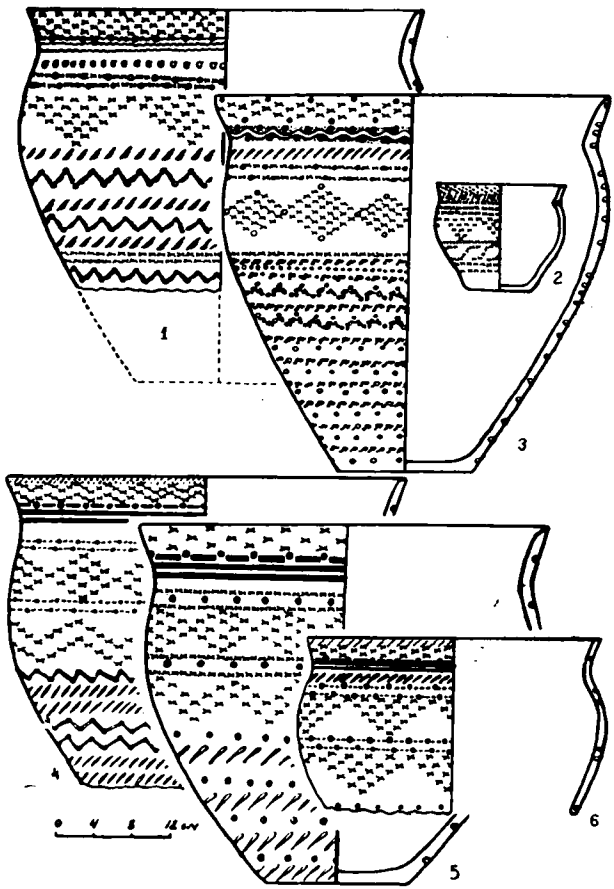

Рис. 3. Жертвенное место Хутор Бор-I. 1—6 — сосуды I типа группы А

Сибири. Томск, 1972; Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты. Томск, 1977, с. 145.

[7] См.: Потемкина Т. М. Указ. соч., с. 235.

судов тщательно заглажена. Толщина стенок колеблется в зависимости от размеров сосуда от 4 до 12 мм. Нами выделено 58 сосудов. Все они имеют ярко выраженную горшковидную форму с плоским дном и разделяются на три типа[8].

I тип (50 экз.) — сосуды, у которых соотношение диаметра по венчику и высоты примерно одинаково (рис. 3, 4). Размеры сосудов разнообразны; диаметр по венчику колеблется от 12 до 40 см.

По орнаментации сосуды этого типа разделяются на две группы:

Группа А (27 экз.). Для нее характерно преобладание косого штампованного креста, образующего различные геометрические элементы (ромбы, треугольники, зигзаги, меандры и др.), (38%). Реже встречаются желобки, простая и фигурная гребенка, резные линии и другие орнаменты (рис. 3).

Группа Б (23 экз.). Этой группе присущи в основном простые гребенчатые (29,5%) и резные (16,1%) орнаменты. Присутствуют также желобки, фигурная гребенка, «гусеничный» орнамент. Специфической чертой орнаментации этой группы является наличие разного рода лунок (рис. 4).

Ямочная орнаментация одинаково широко представлена на сосудах обеих групп.

II тип (6 экз.) — сосуды, у которых диаметр по венчику значительно превышает высоту, в силу чего горшки имеют более приземистые пропорции, нежели сосуды I типа. Размеры сосудов также разнообразны — от 13 до 29 см по венчику (рис. 5, *1—4*). Орнаментация сосудов этого типа близка к таковой сосудов группы А I типа, но имеет свои особенности: отсутствует гребенчатый штамп, «крестовый геометризм» представлен в основном треугольниками, зигзагами и меандрами. В целом набор орнаментов посуды II типа по сравнению с сосудами I типа группы А ограничен.

III тип (2 экз.) — сосуды, по пропорциям близкие I типу, но с так называемым «молчановским» дугообразно выгнутым венчиком (рис. 5, *5—6*). По орнаментации данный тип относится к группе А. В силу его малочисленности трудно судить об особенностях его орнаментации.

Анализ и сравнение керамического материала привели нас к выводу, что посуда группы А (куда входит часть сосудов I типа, а также сосуды II и III типов) имеет происхождение, отличное от происхождения посуды группы Б.

Посуда группы Б является дальнейшим генетическим про-

[8] Критерием для выделения типов послужила форма сосудов.

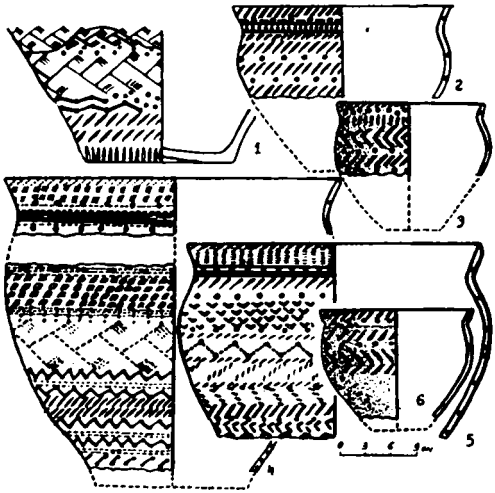

Рис. 4. Жертвенное место Хутор Бор-I. 1—6 — сосуды I типа группы Б

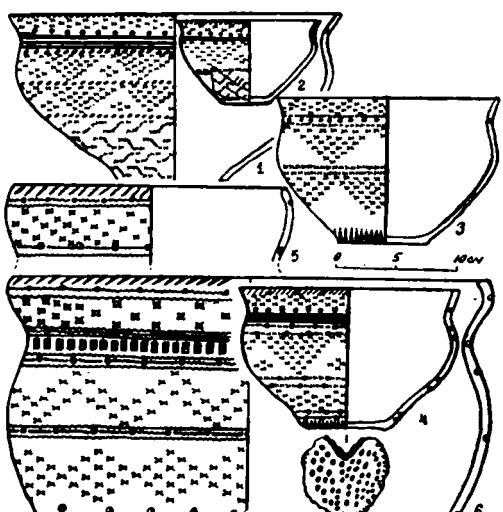

Рис. 5. Жертвенное место Хутор Бор-I. 1—4 — сосуды II типа; 5—6 — сосуды III типа

должением керамических традиций, известных нам по материалам основных позднебронзовых комплексов памятников Чудская гора и Красноозерки[9]. Здесь нужно отметить определенное хронологическое своеобразие посуды группы Б по отношению к красноозерским позднебронзовым материалам. Оно выражается в отсутствии «карасукского»[10] и в минимальном удельном весе андроновского компонентов в орнаментации керамики. Данное явление не может быть объяснено более северным местоположением Хутор Бора-I, так как в керамике Сузгуна II, располагающегося еще севернее, указанные компоненты достаточно ярко представлены.

Несмотря на слабую изученность эпохи ранней и развитой бронзы лесного Прииртышья, в керамике группы Б можно выявить и отдельные черты автохтонного компонента. К ним следует отнести орнамент из диагонально ниспадающих коротких резных линий или лунок (рис. 4, *5*, таблица). Узоры такого рода хорошо представлены на керамике екатерининского типа, известны на поселении Прорва[11]. К сузгунскому времени восходит так называемый «гусеничный» штамп (таблица). Любопытно, что на одном из сосудов этот штамп представлен без обычного для этого времени гребенчатого заполнения (рис. 4, *5*). Такой штамп хорошо известен в раннесредневековых памятниках лесного Прииртышья. По-видимому, существование обеих модификаций одного штампа в керамике группы Б отражает тенденцию превращения гребенчатой «гусенички» в гладкую. Это еще один довод в пользу более позднего характера керамики группы Б по отношению к Красноозеркам (позднебронзовый комплекс). Наконец, об этом же свидетельствует и сам факт сосуществования посуды группы Б с крестовой керамикой.

В целом керамика группы Б Хутор Бора-I, по-видимому, отражает процесс постепенного поглощения андроновского и «карасукского» компонентов автохтонным населением лесной полосы Среднего Прииртышья.

---

[9] См.: Матющенко В. И. Древняя история населения степного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4. Еловско-ирменская культура, Томск, 1974, с. 152—153; Потемкина Т. М. Работы Тоболо-Иртышского отряда.— АО 1977 года. М., 1978, с. 274.

[10] Термин «карасукский» взят нами в кавычки, так как мы не уверены, что можно связывать данный компонент с носителями карасукской культуры Минусинской котловины.

[11] См.: Петров А. И. Керамика екатерининского типа в Среднем Прииртышье.— В кн.: Археология Прииртышья. Изд-во ТГУ (в печати); Евдокимов В. В., Стефанов В. И. Поселение Прорва.— Там же.

Сосуды группы А следует связывать с более северными районами Обь-Иртышья. Появление такой керамики в Среднем Прииртышье, генетически не связанной с местными керамическими традициями, является частью единого культурного процесса, происходившего в канун эпохи железа на всей территории Западной Сибири. В настоящее время есть данные, позволяющие предполагать, что так называемая «молчановская» форма сосудов, а также косой крестовый штамп появляются в Нижнем Приобье в более раннее время, чем на остальной территории их распространения [12]. Ю. П. Чемякин пришел к выводу, что сосуды с дугообразно выгнутым венчиком и косым штампованным крестом являются чуждыми даже на территории Сургутского Приобья [13].

Как показано на таблице, момент сходства орнаментации сосудов обеих групп минимален и выражается в основном в сходстве орнаментации нижней части сосудов I типа. Общность формы сосудов обеих орнаментальных групп (I тип), на наш взгляд, не может свидетельствовать о генетической взаимосвязи групп А и Б, так как такая форма распространена в еловско-сузгунское время на очень широкой территории, в том числе и в лесном Прииртышье [14], в силу чего она не может быть оценена как культурно определяющая. Бытующей в разное время на широкой территории, такой форме могли соответствовать различные орнаментальные традиции.

Форма сосудов II типа также тяготеет к более северным районам Прииртышья. Она известна в несколько более раннее время, чем на Хутор Боре-I, на памятнике Сузгун II (III тип, по В. И. Мошинской) [15].

Мы склонны полагать, что сосуды описанных групп синхронны на Хутор Боре-I, о чем может свидетельствовать совместное их залегание в одном скоплении.

Датировка позднего комплекса Хутор Бора-I может быть определена только относительно, поскольку никаких датирующих вещей на памятнике не найдено. В этом случае особую роль приобретает керамика.

Мы уже отмечали поздний характер керамики группы Б.

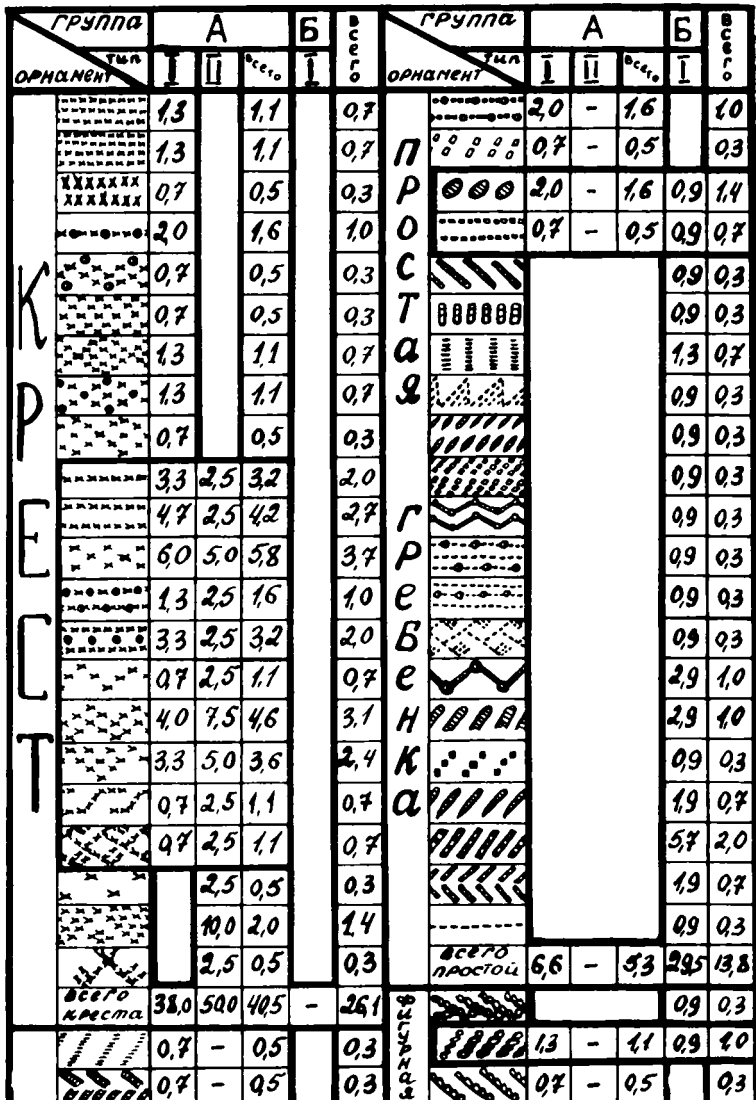
---

[12] Устное сообщение Е. А. Васильева.

[13] Чемякин Ю. П. Сургутское Приобье на рубеже II—I тыс. до н. э.— Тез. докл. VII Ижевского археологического совещания (в печати).

[14] См., напр., Матющенко В. И. Указ. соч. Приложения, рис. 38—41; Мошинская В. И. Указ. соч., с. 121; Евдокимов В. В., Стефанов В. И. Указ. соч.

[15] См.: Мошинская В. И. Указ. соч., с. 124.

Процентное соотношение орнаментов к типам и

Таблица 1

Орнамент	Тип	А I	А II	А всего	Б I	всего
Гребенка		0,7	–	0,5		0,3
		1,3	–	1,1		0,7
		0,7	–	0,5		0,3
	всего фигурной	4,7	–	3,7	1,9	3,1
Желобки		0,7	–	0,5		0,3
		5,3	5,0	5,3	4,8	5,1
				–	0,9	0,3
	всего желобов	6,0	5,0	5,8	5,7	5,7
Резные линии		0,7	–	0,5		0,3
		0,7	–	0,5		0,3
		0,7	–	0,5		0,3
		2,7	–	2,0	0,9	1,7
		1,3	10,0	3,2	2,9	3,1
		0,7	–	0,5	1,9	1,0
					1,9	0,7
					0,9	0,3
					1,9	0,7
					0,9	0,3
					0,9	0,3
					0,9	0,3
					0,9	0,3
					1,9	0,7
	всего резных	6,7	10,0	7,3	16,1	10,5
Ямки		8,0	7,5	7,9	12,3	9,5
					1,9	0,7

Орнамент	Тип	А I	А II	А всего	Б I	всего
Ямки	всего ямок без орнамента	8,0	7,5	7,9	14,2	10,2
	ямки с зругими орнаментами	20,7	10,0	18,4	14,2	16,9
	всего ямок	28,7	17,5	26,3	28,4	27,1
Лунки		–	7,5	1,6	0,9	1,4
					1,9	0,7
					0,9	0,3
					0,9	0,3
					0,9	0,3
					0,9	0,3
	всего лунок	–	7,5	1,6	6,4	3,4
Другие орнаментальные		0,7	–	0,5		0,3
		0,7	–	0,5		0,3
		2,0	–	1,6		1,0
		0,7	–	0,5		0,3
		4,0	7,5	4,6	3,8	3,6
	шнур	2,0	2,5	2,0	0,9	1,7
					0,9	0,3
					0,9	0,3
					0,9	0,3
					1,9	0,7
					0,9	0,3
	защипы				0,9	0,3
	всего других	9,3	10,0	9,8	11,4	9,5
Всего		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Всего сосудов		27	6	33	23	56

группам сосудов

На наш взгляд, комплекс финальной бронзы Хутор Бора-I фиксирует то состояние культурного процесса, когда местная [16] (Б) и пришлая (А) керамические традиции сосуществуют во времени на одном памятнике в еще не смешанном виде. Сказанное не исключает того, то элементы сходства орнаментации сосудов обеих групп свидетельствуют о начавшемся слиянии этих двух традиций. Нужно только отметить мизерность данного слияния.

В лесостепном Прииртышье керамика с крестовым орнаментом известна по памятникам типа Инберень [17]. На наиболее раннем из них поселении Инберень V пришлые традиции и традиции, генетически вытекающие из памятников розановского типа, присутствуют в уже смешанном виде, и расчленить керамику на такие группы, как в Хутор Боре-I, не представляется возможным [18].

Это свидетельствует о том, что поздний комплекс Хутор Бора-I стоит по времени раньше, чем Инберень V, датирующийся IX—VIII вв. до н. э., о чем говорит и очень малое количество «молчановских» форм в Хутор Боре-I по сравнению с Инберенью V, что также является хронологическим показателем [19]. В этом плане весьма показательно то, что один из двух сосудов с «молчановской» формой на Хутор Боре-I найден в яме 1, имеющей, как мы уже выяснили, несколько более позднее происхождение, чем остальной комплекс финальной бронзы.

Данное положение подтверждается также и тем, что в лесном Прииртышье на памятнике у д. Красноозерки (крестовый комплекс) сосуды сопровождаются дугообразно выгнутым венчиком значительно чаще, чем в Хутор Боре-I (рис. 6). Смешение «местных» и пришлых традиций, фиксируемое в керамике Красноозерок, а именно присутствие на

---

[16] Под местными мы подразумеваем традиции, известные нам по материалам позднебронзовых комплексов памятников Красноозерки и Чудская гора. Термин «местный» в значительной степени условен, так как позднебронзовый комплекс, скажем, Красноозерок по меньшей мере трехкомпонентен, причем два из них — андроновский и «карасукский» — пришлые. Местный этот комплекс только по отношению к керамике группы А.

[17] Абрамова М. В., Стефанов В. И. Памятники инберенского типа (к вопросу о своеобразии перехода к раннему железу в лесостепном Прииртышье) (в печати).

[18] Стефанов В. И. Поселения эпохи поздней бронзы в Среднем Прииртышье.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1974, вып. 15, с. 27—28.

[19] Постепенное увеличение количества «молчановских» форм в переходное время от эпохи бронзы к раннему железу прослежено нами также на материалах поселения Остяцкая гора в лесном Приобье.

сосудах «молчановской» формы «местной», позднебронзовой орнаментации (явление того же порядка, что и в Инберень V), позволяет нам синхронизировать крестовый комплекс Красноозерок с инберенскими памятниками (вероятнее всего, с Инберенью V).

До недавнего времени памятники с крестовой керамикой Среднего Прииртышья в силу своей малоизученности привязывались к наиболее территориально приближенной молчановской культуре [20].

В 1976 г. М. Ф. Косарев выделил красноозерскую культурную группу, отчленив ее от молчановской [21]. В. И. Стефанов предлагает рассматривать среднеиртышские памятники

Рис. 6. Памятники у д. Красноозерки (крестовый комплекс). 1, 2, 5—9 — ОМК-6315, 6314; 3—4 — из раскопок В. И. Матющенко

[20] См.: Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974, с. 128; Евдокимова Г. В. К вопросу о молчановской культуре.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1973, вып. 7, с. 117.

[21] См.: Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 1976, с. 32.

с крестовой керамикой лесной и лесостепной полосы как единую красноозерскую культуру [22].

Учитывая определенное локальное своеобразие лесных и лесостепных памятников с крестовой керамикой в рамках красноозерской культуры, нам представляется возможным наметить основные этапы ее сложения.

Поздний комплекс Хутор Бора-I характеризует, на наш взгляд, начальный этап в сложении красноозерской культуры, качественное своеобразие которого выражается в сосуществовании на одном памятнике двух генетически разных, практически еще не слившихся керамических традиций (и их носителей). Это сосуществование возможно и на разных памятниках, как это наблюдается в бассейне р. Тавды [23]. На этом уровне мы еще не можем говорить о собственно новой культуре, так как практически имеем здесь только сосуществование двух различных культур — «местной» и пришлой. Мы предлагаем назвать этот этап хуторборским. Хуторборский этап может осмысляться и как заключительный этап существования культуры, представленной позднебронзовыми комплексами памятников Чудская гора и Красноозерки.

Следующий, качественно новый этап (можно назвать его как инберенским, так и красноозерским) характеризуется слиянием двух указанных традиций (памятники Инберень V, Красноозерки (крестовый комплекс), Инберень VII, Инберень VI). Относительно этого этапа состояния культурно-исторического процесса нам представляется возможным употреблять термин «красноозерская культура», как предлагает В. И. Стефанов, поскольку он отразит как гносеологическую, так и историческую сущность понятия «археологическая культура».

---

[22] См.: Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Красноозерская культура на Иртыше (в печати).

[23] См.: Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 257—260.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ КУЛЬТУР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА

Разработка вопросов этногенеза народов Урала и Западной Сибири, а также интерпретация этнической принадлежности отдельных археологических культур давно привлекали пристальное внимание исследователей. Наиболее существенные результаты в решении этих проблем относятся к 50—60-м гг. и к первой половине 70-х гг., когда на археологическом материале с привлечением метода ретроспекции и с использованием данных исторической этнографии и топонимики был поставлен и в значительной мере решен вопрос о самодийской принадлежности культур раннего железного века и раннего средневековья в Среднем и Верхнем Приобье [1], в различных аспектах рассматривался процесс тюркизации угро-самодийского населения лесостепи и южной части таежной зоны Западной Сибири [2]. Были также поставлены проблемы мансийской и хантыйской принадлежности культур лесного Зауралья, таежного Прииртышья и Нижнего Приобья в раннем средневековье [3], но решались они с гораздо мень-

[1] См.: Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры.— МИА, 1957, № 58, с. 238; Могильников В. А. К вопросу о самоедской принадлежности культур эпохи железа Среднего Приобья.— ПАС. Томск, 1969, с. 179—180; Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск, 1977, с. 140.

[2] См.: Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар.— Учен. зап./ТГПИ. Томск, 1953, т. 10; Могильников В. А. К вопросу о самоедской принадлежности.., с. 180—181; Он же. К проблеме тюркизации населения Притомья.— ПАС. Томск, 1976; Он же. Начало тюркизации населения Притомья и Среднего Приобья.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, с. 82—84.

[3] См.: Чернецов В. Н. Нижнее Приобье.., с. 224, 238; Викторова В. Д. Памятники лесного Зауралья в X—XIII вв. н. э. — Учен. зап./ Перм. ун-т, 1968, № 191, с. 256; Могильников В. А. Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII вв. н. э. — Там же, с. 291.

шей степенью доказуемости, поскольку этнографически известные культуры хантов и манси существенно отличаются от археологических культур этого региона, из-за чего ретроспективный метод дает здесь мало результатов, а данные антропологии и лингвистики отрывочны и малочисленны, к тому же для последних трудно установить абсолютные даты [4]. Значительный вклад в изучение этногенеза аборигенов севера Западной Сибири сделан этнографами. В первую очередь здесь следует назвать коллективную монографию «Этногенез народов Севера» (М., 1980), а также соответствующие разделы в книге В. И. Васильева «Проблемы формирования северосамодийских народностей» (М., 1979), где авторы, используя данные этнографии, археологии, антропологии и лингвистики, решают вопросы этногенеза уралоязычных народов и кетов.

В последнее время археологи стали меньше уделять внимания анализу этногенетических проблем, что, очевидно, связано с периодом накопления и осмысления нового материала.. В данной статье мы остановимся на анализе некоторых вопросов этнического состава культур Западной Сибири в железном веке и связанных с этим проблем этногенеза, используя материалы новейших археологических исследований.

Большой интерес представляет вопрос о присутствии южных этнических элементов в составе саргатской культуры и о многокомпонентности ее этнического состава. Высказанное В. Н. Чернецовым мнение об угорской принадлежности населения лесостепного Прииртышья и Притоболья раннего железного века [5], саргатской и гороховской культурам было поддержано лингвистами [6] и археологами [7], хотя остается во многом гипотетичным. В формировании саргатской культуры участвовали два основных компонента: андроноидные куль-

[4] См.: Дульзон А. П. Дорусское население Западной Сибири.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 370.

[5] См.: Чернецов В. Н. Усть-Полуйское время в Приобье.— МИА, 1953, № 35, с. 240.

[6] См.: Матвеев А. К. О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка).— Учен. зап. Перм. ун-т, 1968, № 191, с. 146; Попова В. Н. Нетюркские гидронимы Павлодарской области.— ПАС. Томск, 1969, с. 20.

[7] См.: Сальников К. В. Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время.— СЭ, 1966, № 5, с. 124; Он же. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 352; Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 272—273; Могильников В. А. К вопросу о саргатской культуре.— ПАДИУ, М., 1972, с. 66.

туры лесостепи — саргаринская и памятники большеложского типа [8], которые можно рассматривать как локальную группу саргаринских и андроноидные культуры северной части лесостепи Прииртышья и Приишимья (для них было характерно сочетание резной орнаментации с ямочными наколами) [9], представленные памятниками розановского типа на Иртыше и чупинского типа на Ишиме, несущие выраженные сузгунские черты [10]. Первый компонент, характеризуемый керамикой с бедной резной орнаментацией, наиболее ярко выражен в южных ишимских памятниках саргатской культуры [11]. Второй компонент с резным и ямочным орнаментом лучше представлен в памятниках лесостепного Прииртышья [12], где удельный вес северного элемента был больше.

Около середины и в начале второй половины I тыс. до н. э. население саргатской и гороховской культур лесостепи Западной Сибири и Зауралья подверглось интенсивному иранскому воздействию с юга и с юго-запада, со стороны ранних сармат и саков. Новые полевые исследования выявляют дополнительные свидетельства бытования этого явления. Наиболее активные контакты с иранским этносом относятся, очевидно, к V—IV вв. до н. э. Для этого времени они фиксируются в ритуале погребения и инвентаре. Отражением их в погребальном обряде являются шатровые перекрытия могильных ям под курганами гороховской и саргатской культур (Шмаково, Кенес, Богдановка) [13]. Об этом же в ка-

---

[8] См.: Зданович С. Я. Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1979; Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск. 1970, с. 44—51.

[9] См.: Генинг В. Ф. и др. Указ. соч., с. 36—44.

[10] См.: Там же, с. 44.

[11] См.: Хабдулина М. К. Поселение Борки I.— В кн.: Гуманитарные науки. Караганда, 1975, вып. 2, с. 279.

[12] См.: Могильников В. А. Раскопки 1967 г. в Кокоповке.— В кн.: Памятники южного Приуралья в Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, рис. 10.

[13] Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974, с. 33; Хабдулина М. К. Курган раннего железного века у села Кенес.— В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 196—201, рис. 1; Могильников В. А., Колесников А. Д., Куйбышев А. В. Работы в Прииртышье.— АО 1976 г. М., 1977, с. 225.

кой-то мере говорит присутствие могил с заплечиками [14], а также применение для перекрытия могильных ям и выкида из них хвороста [15]. Замеченное в курганах саргатской культуры устройство в могильных ямах канавок по периметру для установки в них погребального инвентаря таким образом, что покойник как бы лежал на столе, а также перекрытие деревянного наката над ямой и выкида из ямы хворостом [16] находит прямые аналогии в ритуале погребения массагетов Приаралья [17]. В инвентаре связи с югом и юго-западом документируются находками в отдельных погребениях каменных жертвенников на ножках (Богдановка III), имеющими аналогии в савроматских погребениях Новокумакского могильника [18], и без ножек — казахстанского и приаральского типа (Битые Горки, Покровка) [19]. Прослеживается также сходство предметов вооружения, керамики и звериного стиля. Контактами этого времени, надо полагать, обусловлены иранские заимствования в угорских языках, в частности название железа, имеющее общие корни в иранских и угорских языках [20]. Приведенные выше свидетельства контактов населения лесостепи Западной Сибири с югом согласуются с мнением Б. Мункачи, объяснявшего возникновение коневодческого кочевого быта у древних угров их соседством с ираноязычными кочевниками, возможно саками [21]. Коневодство являлось ведущей отраслью хозяйства лесостепного Прииртышья и Притоболья в период саргатской и гороховской культур. В остелеологических остатках с поселений кости лошади преобладают среди прочих видов животных, а присутствие

---

[14] См.: Мошкова М. Г., Генинг В. Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири.— В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, рис. 1, 2.

[15] См.: Могильников В. А., Куйбышев А. В. Работы в Среднем Прииртышье.— АО 1977 г., М., 1978, с. 259—260.

[16] См.: Могильников В. А., Колесников А. Д., Куйбышев А. В. Указ. соч., с. 225.

[17] См.: Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, с. 60, 64.

[18] См.: Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1974, рис. 74, 20.

[19] См.: Зданович Г. Б. Покровский могильник на реке Ишим.— В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, табл. 111, 9.

[20] См.: Чернецов В. Н. Усть-Полуйское время в Приобье.., с. 240.

[21] См.: Munkacsi B. A. magyar lovasélet ösisége. Népélet, 1931.

тазовой кости лошади является довольно обычным в погребениях саргатской культуры [22].

При наличии южных и юго-западных иранских элементов в культурах лесостепи Западной Сибири раннего железного века признание угорского происхождения саргатской культуры делает наиболее вероятным предположение о принадлежности этой культуры древним мадьярам. Отрыв предков древних венгров от основного угорского ареала юга Западной Сибири и продвижение их в степи Восточной Европы происходит, очевидно, в начале второй четверти I тыс. н. э., обусловив прекращение существования саргатской культуры во II—IV вв. н. э. В настоящее время никакую другую культуру раннего железного века Западной Сибири невозможно связать с предками древних венгров. Если стоять на позиции отрицания принадлежности основной части этноса саргатской культуры уграм, то будет трудно объяснить ряд параллелей в языках венгров и обских угров [23].

Проникновение иранского, в основном сако-усуньского, а частью сарматского этноса происходило также в лесостепь и степь Обь-Иртышского междуречья, свидетельством чего является сложение в третьей четверти I тыс. до н. э. своеобразной синкретичной культуры Кулундинской лесостепи и прилежащих районов Верхнего Приобья, в которой сочетались особенности культуры большереченской, сакской и сарматской. Вероятно, с сарматскими элементами в этой культуре связаны такие черты в погребальном ритуале, как меловая подсыпка, диагональная поза отдельных погребенных, лежащих в широких могильных ямах, снабжение покойника мясом в виде части бока лошади, а также — ноги и курдюка барана, положение куска мяса в единичных могилах в полуподбое. Комплекс этих деталей ритуала представлен у савромат [24] и ранних сармат. В инвентаре это подтверждается присутствием зеркал с ручками сарматских форм, глиняных курильниц. Наличие сако-усуньского компонента доказывается распространением сходных с сако-усуньским форм керамики, обнаруженных в памятниках лесостепного междуречья Иртыша и Оби и даже далее на восток, вплоть до

---

[22] См.: Корякова Л. Н. Ансамбль некрополя саргатской культуры.— В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977, с. 148.

[23] См.: Чернецов В. Н. Усть-Полуйское время в Приобье.., с. 240.

[24] См.: Смирнов К. Ф. Савроматы.., с. 101.

Мариинской лесостепи[25], где эта керамика в качестве примеси представлена в памятниках шестаковского этапа тагарской культуры. Не исключено, что сооружение погребальных камер в Обь-Иртышском междуречье, не имеющем выходов плитняка, в виде ящика, сложенного из широких плах конструктивно напоминает каменные ящики сакских погребений Семиречья и Восточного Казахстана[26]. Эти особенности ритуала и погребального инвентаря позволяют думать о продвижении иранских кочевников на восток, в районы лесостепного Обь-Иртышского междуречья, в третьей четверти I тыс. до н. э.

Несколько иные контакты фиксируются в степных предгорьях Алтая, которые находились в сфере воздействия пазырыкской культуры Горного Алтая начиная с V—IV вв. до н. э. Об этом воздействии, а частью, очевидно, и этническом единстве свидетельствует наличие здесь погребений с конем, которые отмечены в 7 пунктах (Степной Чумыш, Тесьпа, Бийск, Сростки II, Чарыш, Гилево)[27]. Поскольку местонахождения погребений с конем не выходят за пределы степных предгорий Алтая, не подтверждается одно из предположений С. И. Руденко, связывавшего исчезновение пазырыкской культуры Алтая с выселением горноалтайского населения на север, в степи[28]. Дальше предгорий погребения с конем в степях Обь-Иртышского междуречья пока не обнаружены, несмотря на большое количество вскрытых здесь захоронений.

С другой стороны, фиксируемое в лесостепи продвижение сако-усуньского этноса на восток не обошло в IV—III вв. до н. э. и западные районы Горного Алтая, в отдельных памятниках которого в это время отмечается появление погребений с покойниками, уложенными в каменных ящиках головой на запад, в отличие от пазырыкских погребений, в

---

[25] См.: Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск. 1979, с. 84, 85, табл. 29, *1, 2, 9*.

[26] См.: Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с. 89.

[27] См.: Могильников В. А., Уманский А. П. Курган раннего железного века на Чумыше.— КСИА (в печати); Завитухина М. П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска.— АСГЭ. Л., 1961, вып. 3; Она же. Курганный могильник Сростки II на Алтае.— СГЭ, XXVII. М.—Л., 1966, с. 53; Уманский А. П. Археологические раскопки Ледебура в Горном Алтае. Зап. ГАНИИЯЛИ, Горно-Алтайск, 1964, вып. 6, с. 38.

[28] См.: Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, с. 341.

которых покойники лежат в срубах головой на восток. В погребениях с западной ориентировкой встречаются сосуды с носиком-сливом, типичные для сако-усуньских погребений [29]. Наземная конструкция этих погребений имеет кольцевидную выкладку из камня. Все эти вновь появившиеся особенности ритуала находят параллели в сако-усуньских захоронениях и, очевидно, указывают на проникновение этого этноса из Восточного Казахстана в районы Горного Алтая.

Сложную проблему представляет разграничение ареалов угров и самодийцев в лесной зоне Западной Сибири раннего железного века. Решение ее осложнено недостаточной изученностью памятников этого периода, особенно в Нижнем Приобье, таежном Прииртышье, а также в районах между Обью и Уралом. Датировка многих памятников указанных регионов, в том числе относимых к усть-полуйской культуре, продолжает оставаться приблизительной, поскольку они не содержат надежно датирующих вещей. Наиболее вероятным принято считать рассмотрение ареала кулайской культуры областью расселения самодийцев и угро-самоедов, не отрицая полностью присутствия здесь также и кетского этноса [30]. Ареал расселения самодийцев в конце I тыс. до н. э.— начале I тыс. н. э., по-видимому, достигает Нижнего Приобья, о чем свидетельствует присутствие на усть-полуйских памятниках керамики третьего, саровского типа, идентичной посуде Томского и Сургутского Приобья, что при наличии промежуточного звена в районе Сургута между Нижней и Средней (Нарымской) Обью может свидетельствовать о распространении на этой обширной территории единого или близкородственного этноса [31]. Говоря об этом, нельзя не отметить, что в I тыс. до н. э., точнее в его последней трети, в лесных районах Приобья, занятых кулайским населением, происходит нечто вроде демографического взрыва, пока трудно объяснимого. Резко увеличивается число памятников этого периода в Среднем и Сургутском Приобье [32]. Кроме Нижней Оби, ку-

[29] См.: Акишев К. А., Кушаев Г. А. Указ. соч., рис. 77, 82.

[30] См.: Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974, с. 153.

[31] См.: Могильников В. А. К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа.— ИИС. Томск, 1973, вып. 7, с. 181—182.

[32] См.: Чиндина Л. А. Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа.— ИИС. Томск, 1973, вып. 7, табл. 4; Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье.— В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977, с. 114—115.

лайское население продвигается в новосибирское Приобье и на Верхнюю Обь [33]. Отдельные находки кулайской керамики фиксируются на поселениях саргатской культуры [34] и, очевидно, в начале I тыс. н. э. компактная группа среднеобского по первоначальному происхождению населения занимает низовья Оми, оставив здесь памятники среднеиртышской культуры [35].

Принимая во внимание столь широкое расселение самодийцев в раннем железном веке, можно сказать, что с группами лесных угров в этот период связаны, вероятно, культуры усть-полуйская, иткульская, в том числе входивший в иткульскую общность воробьевский культурно-этнический тип [36]. Эти культуры по ряду признаков отличаются от культур самодийского круга, объединяющихся характерными для них васюганским и саровским типами керамики [37].

Переходя к характеристике этнических элементов в культурах второй половины I тыс. н. э., следует отметить, что прекратившая существование в III—IV вв. саргатская культура лесостепного Тоболо-Иртышья оставила след в ряде последующих культур. Общие элементы, прослеживаемые в керамике кушнаренковского типа Башкирии, Среднего Поволжья и Прикамья, в потчевашской культуре и в памятниках типа Бобровского могильника обусловлены, вероятно, участием в генезисе населения этих культур и культурно-этнических типов наряду с другими элементами этноса саргатской культуры [38], что способствовало выработке и сохранению общих явлений в культуре. Датировка Бобровского и Перейминского могильников второй половиной VIII — первой половиной IX вв. дает основание полагать, что развитие куш-

---

[33] См.: Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979, табл. XLIV; Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1956, № 48, табл. XLIX.

[34] См.: Могильников В. А. К вопросу о контактах населения Среднего Приобья и Прииртышья в раннем железном веке.— В кн.: Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978, с. 86.

[35] См.: Там же, с. 89—90.

[36] См.: Стоянов В. Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века.— КСИА, 119, с. 52—61.

[37] См.: Чиндина Л. А. Культурные особенности.., с. 161—167.

[38] См.: Чернецов В. Н. Нижнее Приобье.., с. 172; Халикова Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. — СА, 1976, с. 155; Она же. Еще раз о проблеме происхождения венгров.— СА, 1978, № 4, с. 295; Могильников В. А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н. э.— I тысячелетии н. э.— АЭБ, 1971, вып. 4, с. 155.

наренковцев, потчевашцев и населения, оставившего комплекс с богато орнаментированной керамикой Бобровского могильника [39], шло от какого-то общего корня обособленно, при наличии у них общего этнического пласта и различных для каждого из них внешних, разнообразных по проявлению контактов. В частности, материал Бобровского могильника, фигурно-штамповая круглодонная и горшковидная, слабо орнаментированная, плоскодонная керамика, захоронения по обрядам трупоположения и трупосожжения показывают смешение угро-самодийского этноса с кимаками степного Прииртышья. Для угро-самодийского этноса характерна фигурно-штамповая круглодонная керамика и погребения, сочетающие трупосожжение с трупоположением. Для кимаков типичны плоскодонные, слабо орнаментированные горшки и захоронения по обряду ингумации с конем. В данном памятнике обе черты обряда переплелись. Памятники потчевашской культуры демонстрируют богатство фигурно-штамповой орнаментации, слабо выраженной у кушнаренковцев [40].

Потчевашская и релкинская культуры таежного Прииртышья и Среднего Приобья пока недостаточно дифференцированы. Одна из причин этого — слабая изученность потчевашской культуры, особенно ее погребального обряда, который позволяет наиболее четко проследить различия этих культур. В частности, для погребений потчевашской культуры характерна ориентировка погребенных головой на северо-запад [41], в то время как в релкинской культуре преобладает положение головой на юго-восток [42]. С другой стороны, сходные черты в облике потчевашской и релкинской культур связаны, очевидно, с развитием их в почти одинаковой экологической обстановке, обусловившей общие черты в хозяйстве и идеологии, а как следствие — и в материальной культуре населения, а также тесными взаимными контактами, способствовавшими выработке культурного единства угорской

---

[39] См.: Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник.— ИАН Каз. ССР. Сер. истории археологии и этнографии. Алма-Ата, 1963, вып. 4, табл. III, *1, 3*.

[40] См.: Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977, табл. XV, XVII.

[41] См.: Зданович С. Я. Лихачевский могильник на р. Ишим.— В кн.: V Уральское археологическое совещание: тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар, 1967, с. 138; Коников Б. А. Новые материалы I тыс. н. э. из лесостепного и таежного Прииртышья.— В кн.: Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978, с. 52, 55.

[42] См.: Чиндина Л. А. Могильник Релка.., с. 90.

и угро-самодийской групп населения. Принадлежность релкинской культуры угро-самодийцам, предкам селькупов, достаточно хорошо аргументирована [43]. Мнение о принадлежности потчевашской культуры уграм [44], предкам южной группы хантов, остается гипотетическим и не исключает полностью присутствия самодийского элемента (как субстратного компонента) в потчевашской культуре, восходящего к распространившимся на Иртыш в начале I тыс. н. э. этническим группам среднеиртышской культуры [45]. В этой связи мнение В. Ф. Генинга о самодийской принадлежности памятников потчевашской культуры, основанное на внешнем сходстве релкинской и потчевашской керамики и снимающее мысль об угорской принадлежности потчевашской культуры [46], не является безоговорочным.

В конце I тыс. н. э. происходит некоторая дифференциация культур лесного Тоболо-Иртышья и Нижнего Приобья, которая отражала процесс кристаллизации отдельных этнических групп угорской общности, а также оформление отдельных самодийских групп. На западе выделяется туринско-тавдинская группа памятников со шнуровой орнаментацией керамики, увязываемая с предками манси. В то же время в лесном Прииртышье и в верховьях Васюгана распространяются памятники с гребенчато-фигурно-штамповой орнаментацией керамики, а также с узорами в виде взаимопроникающих треугольников [47], которые скорее всего отражают оформление южной группы хантов. Говоря о распространении фигурно-штамповой орнаментации керамики, следует отметить, что в середине I тыс. н. э. она занимала также Туринско-Тавдинский район [48], где позднее оказалась перекрытой и поглощенной (на Тавде в меньшей мере, чем на Туре) пластом носителей керамики с гребенчато-шнуровой орна-

---

[43] См.: Там же, с. 134.

[44] См.: Чернецов В. Н. Усть-Полуйское время.., с. 241.

[45] См. Могильников В. А. Сперановское городище.— КСИА, 1971, № 128, с. 48—52.

[46] См.: Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождения).— ПАДИУ, М., 1972, с. 274.

[47] См.: Кирюшин Ю. Ф. Поселение Тух-Эмтор IV — памятник Васюганского Приобья.— ИИС. Томск, 1976, вып. 19, табл. X; Могильников В. А. Культура племен лесного Прииртышья.., рис. 2, 2, 4, 8—12.

[48] См.: Чернецов В. Н. Нижнее Приобье.., табл. XI, 1, 2, 8; Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 264.

ментацией. Это позволяет говорить о наличии двух компонентов в составе туринско-тавдинских манси, к которым, вероятно, восходит существование у них двух фратрий Мось и Пор [49], оформившихся, по-видимому, из эндогамных групп в фратрии во второй половине I тыс. н. э., когда в бассейне Туры и Тавды происходило слияние двух этнических компонентов — носителей гребенчато-фигурно-штамповой и гребенчато-шнуровой керамики. Принимая во внимание отсутствие генетических корней у носителей гребенчато-шнуровой керамики в Западной Сибири, исходный ареал этого комплекса следует усматривать в районах Горного Урала и прилежащем Восточном Приуралье, в том числе в ванвиздинской культуре, обнаруживающей определенную близость западносибирским комплексам с гребенчато-шнуровой керамикой [50].

В связи с локализацией угорских элементов следует отметить также, что ряд памятников Приуралья конца I—начала III тыс. в Припечорском крае, Верхнем Прикамье и в Башкирии имеет выраженные угорские черты, что уже отмечалось исследователями (Канинская, Чанвенская пещеры, Хусаиновские, Мрясимовские, Каранаевские курганы и др.) [51].

Для выяснения особенностей процесса дифференциации этнических групп ненцев и угро-самоедов конца I тыс. н. э. большое значение приобретает выявление и анализ материала памятников конца I — начала II тыс. н. э. в Томско-Нарымском Приобье. По-видимому, эти районы, помимо обитавших здесь угро-самоедов, предков селькупов, были населены этническими самодийскими группами, вошедшими в состав ненцев. Томско-Нарымское Приобье, очевидно, было исходной и проходной территорией для южно-самодийских родов, продвигавшихся на север и составивших затем один из компонентов формировавшейся группы азиатских тундровых ненцев [52], а также энцев [53]. Кроме того, исследования па-

---

[49] См.: Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества.— СЭ, 1939, № 2, с. 20—42.

[50] См.: Могильников В. А. К вопросу о дифференциации этнической общности обских угров в I тысячелетии н. э.— СА, 1974 г., № 2, с. 70.

[51] См.: Канивец В. И. Канинская пещера. М., 1964, рис. 44, 45, с. 132; Сергеев С. И. О пещерах на р. Яйве и ее притоках— Пермский край. Пермь, т. 3, 1895; Могильников В. А. К вопросу о связях.., с. 156—157.

[52] См.: Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М., 1979, с. 29 сл.

[53] См.: Там же, с. 38.

мятников Томско-Нарымского и Сургутского Приобья конца I — начала II тыс. н. э. представляет большое значение для анализа взаимоотношений предков селькупов и продвигавшихся к востоку, в Нарым, хантов.

По-видимому, можно говорить о продвижении в конце I — начале II тыс. н. э. в районы Западной Сибири коми или, по крайней мере, о наличии с ними оживленных контактов. С этого периода в памятниках Приобья распространяются типичные для коми шумящие и зооморфные подвески прикамских типов, коньки, уточки и пр., обнаруженные в слое этого периода на городище Искер, могильнике Барсов Городок и других памятниках вплоть до Томского Приобья (Басандайка) [54]. Широко распространяются также вещи болгарского производства, украшенные зернью, имевшие широкое хождение в среде коми [55].

В свете решения проблем этногенеза и этнической истории, развития межэтнических контактов и сложения культур современных хантов и северных самодийцев — ненцев и энцев — большую важность приобретает изучение памятников второй половины I — первой половины II тыс. в Нижнем Приобье, ниже устья Иртыша. Известные с этой территории комплексы указанного времени в основном происходят из сборов и ограниченных по масштабам раскопок, проведенных еще в предвоенные годы [56]. Четко разграничить принадлежность этих комплексов северным группам хантов или самодийцев пока очень сложно. Даже по мере накопления материала будут возникать большие трудности, обусловленные совместным и чересполосным проживанием представителей различных этнических групп и существованием между ними контактов.

Сложной остается проблема генезиса предков хантов. К числу районов их расселения во второй половине I тыс. н. э., видимо, относилось лесное Прииртышье, где локализуются памятники потчевашской культуры. Если принять мнение В. Ф. Генинга о самодийской принадлежности памятни-

---

[54] См.: Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище).— Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1915, вып. 25; Arne T. J. Barsoff Gorodok. Stockholm, 1935, Fig. 14, 41, 42, 62, 97; Коников Б. А. Указ. соч., табл. 111, 2, 4, 5; V, 7, 9; Басандайка. Томск, 1947, табл. 30, 17; 62, 261; 86, 87.

[55] См.: Чернецов В. Н. Нижнее Приобье.., табл. XXX, 1—4, 9—11; XLII, 2, 4, 6.

[56] См.: Там же, с. 136—137.

ков потчевашской культуры [57], а черты сходства этой культуры с угро-самодийской, релкинской имеются, то получается, что во второй половине I тыс. н. э., по крайней мере в VI—IX вв., мы не можем с предками хантов связать ни одной четко выраженной археологической культуры раннего средневековья Западной Сибири, за исключением более поздней (IX—XIII вв. н. э.) бакальской, локализуемой на сравнительно ограниченном пространстве лесостепного Притоболья [58] и представляющей окраину обширного массива культур лесного Приобья и соотносимую с южной группой угорского этноса сылвенской культуры [59]. Вывести обширный массив обских угров из узколокального района распространения бакальских памятников не представляется возможным.

В связи с проблемой исследования угорских групп в лесостепи и их миграции на запад очень важным представляется изучение памятников середины I тыс. н. э. в лесостепном Зауралье и прилежащих районах Казахстана, где можно искать исходные районы формирования кушнаренковцев. Пока наиболее близкими остаются материалы Переймпнского могильника [60] и сосуды высоких пропорций с Ирбитского городища [61].

В Зауралье принято усматривать. исходный район миграции населения харинского типа Верхнего Прикамья [62], однако полных аналогов их культуры за Уралом пока не открыто. Возможно, полные аналогии памятникам кушнаренковского и харинского типов в Зауралье и не будут найдены. Надо полагать, что быстрая трансформация материальной культуры в ходе переселений и происходивших при этом смешений сильно меняла облик отдельных первоначальных культур, что сильно осложняет решение вопросов происхождения вновь образовавшихся культур и определение их этнической принадлежности.

---

[57] См.: Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э., с. 274.

[58] См.: Сальников К. В. Исетские древние поселения.— СА, 1956, № 25, с. 214; Он же. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья.— СА, 1961, № 2, с. 47.

[59] См.: Потемкина Т. М. Большое Бакальское городище.— АЭБ, 1964, вып. 2, с. 259.

[60] См.: Чернецов В. Н. Нижнее Приобье.., табл. XIV.

[61] См.: Викторова В. Д. Археологические исследования по р. Реж и Ница.— ВАУ. Свердловск, 1962, вып. 2, рис. 17, *8, 9*.

[62] См.: Генинг В. Ф. Памятники харинского времени в Прикамье. —КСИИМК, 57, 1955, с. 115—123; Он же. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н. э.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 332—333.

Ю. С. ХУДЯКОВ

КЫРГЫЗСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ ОМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В фондах Омского краеведческого музея хранится небольшая коллекция железных наконечников стрел из Минусинской котловины, переданная в Музей ЗСОРГО конторой Гегард и Гей. Точное местонахождение и время сборов ее неизвестны. Судя по хорошей сохранности, предметы представляют собой случайные находки. Согласно книге поступлений музея в коллекции значилось «9 железных наконечников стрел, все черешковые трехлопастные, из них восемь с отверстиями в лопастях, один с гладкими лопастями» [1], в настоящее время сохранилось под соотвествующими номерами 3 экземпляра. Дополняют коллекцию несколько плоских. наконечников. Несмотря на отсутствие точных сведений о месте нахождения, коллекция представляет определенный интерес, расширяя круг известных источников по средневековому вооружению енисейских кыргызов.

Все минусинские наконечники из этой коллекции принадлежат одному классу (железные), составляют один отдел (черешковые) [2]. Три экземпляра относятся к группе трехлопастных. По форме пера среди них можно выделить два типа.

К типу I — удлиненно-шестиугольных — относятся два экземпляра. Размеры различны. Длина пера от 6 до 8,5 см. ширина от 1,5 до 3,5 см, длина черешка от 3 до 7,5 см. Наконечники имеют остроугольное острие, широкие лопасти, покатые плечики, завершающиеся упором, округлый в сечении черешок. Подобные наконечники имели широкое распространение у енисейских кыргызов в IX—X вв. н. э. [3]. Они найдены в кыргызских памятниках в Минусинской котловине и Ту-

[1] КП ОМК, с. 28.

[2] См.: Худяков Ю. С. Опыт топологической классификации наконечников стрел енисейских кыргызов IX—XII вв.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 311.

[3] См.: Худяков Ю. С. Опыт типологической классификации.., с. 312.

ве[4] в синхронных, близких по культурно-хозяйственному типу кыргызским памятникам с сопредельных территорий Алтая[5] и Казахстана[6] (рис. 1, *1, 2*).

К типу 2 — овально-крылатых — относится один экземпляр. Длина пера — 6,5 см, ширина пера — 4 см, длина черешка — 7,5 см. Наконечник имеет остроугольное острие, уступы на лопастях, округлые плечики, завершающиеся упором, длинный, округлый в сечении черешок. Подобные наконечники известны в кыргызских памятниках IX—X вв. н. э. на территории Тувы[7] (рис. 1, *3*).

К группе плоских наконечников относятся два экземпляра. По форме пера среди них выделяются два типа.

К типу I — асимметрично-ромбических относятся два экземпляра. Длина пера от 5 до 8,5 см, ширина пера от 3,5 до 4,5 см, длина черешка 4,2—4,5 см. Наконечники имеют тупоугольное, в одном случае округлое острие, длинные покатые плечики, завершающиеся упором, короткий округлый в сечении черешок. Подобные наконечники были очень широко распространены во всем кочевом мире с начала II тыс. н. э. Они повсеместно встречаются в кыргызских памятниках XI—XII вв. в Минусинской котловине, Туве, на Алтае и на сопредельных территориях[8]. Известны они и в кыргызских памятниках более позднего времени[9] (рис. 1, *4, 5*).

К типу 2 — удлиненно-шестиугольных — относятся два экземпляра. Длина пера от 7 до 10 см, ширина пера от 5 до 5,5 см, длина черешка от 2,5 до 5,5 см. Наконечники с остроугольным или тупоугольным острием, широким пером, покатыми плечиками, завершающимися упором, коротким, округлым в сечении черешком. Подобные наконечники характерны для кыргызских памятников Тувы XIII—XIV вв[10] и, вероятно, более позднего времени (рис. 1, *6, 7*).

---

[4] См.: Нечаева Л. Г. Погребения с трупосожжением могильника Торатал-Арты.— Тр. ТКАЭЭ. М.—Л., 1966, т. 11, с. 112.

[5] См.: Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, табл. XXXI, 45.

[6] См.: Арсланова Ф. Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье.— В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, табл. IV, 21.

[7] См.: Худяков Ю. С. Опыт топологической классификации.., с. 313.

[8] См.: Там же, с. 317.

[9] См.: Худяков Ю. С. Находки Монгольского времени у с. Белый Яр.— В кн.: Материалы третьей научно-методической конференции Омского университета. Омск, 1977, с. 186.

[10] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, табл. IV, 51.

Несмотря на случайный характер находок, количество и типологическое разнообразие наконечников отражают выявленные статистические закономерности среди кыргызских наконечников стрел Минусинской котловины и Тувы, основных районов расселения кыргызов в конце I — начале II тыс. н. э.

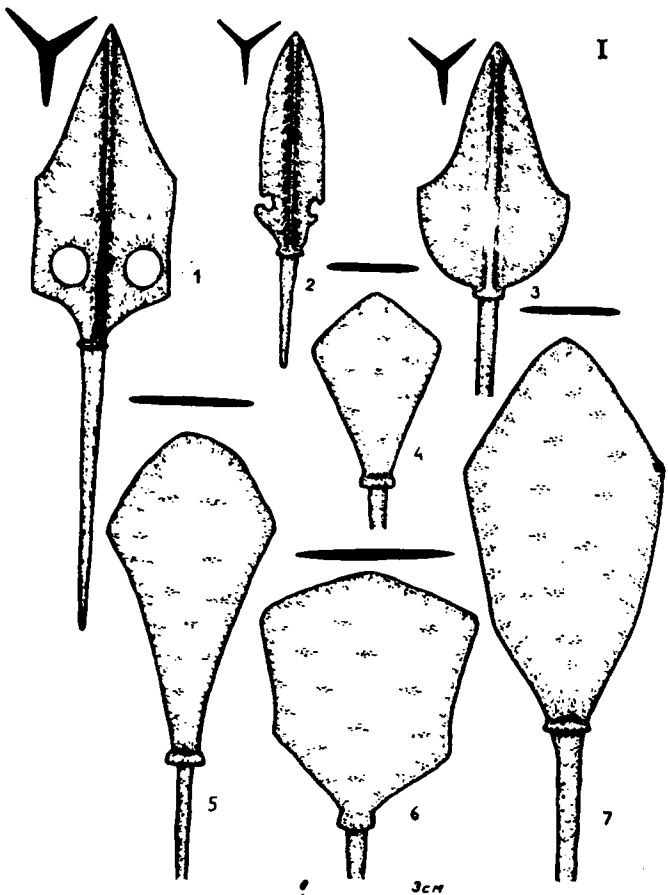

Рис. 1. Наконечники стрел из Минусинской котловины

Все наконечники, независимо от различий по типам, относятся к преобладающей по функциональному назначению группе — предназначенных для поражения незащищенного панцирем противника, для которой в I тыс. н. э. были характерны трехлопастные, а во II тыс. н. э.— плоские наконечники [11]. Показатели размерного индекса наконечников также близки среднестатистическим [12], хотя и с известным отклонением в сторону массивности. Возможно, коллекционера привлекли крупные наконечники хорошей сохранности. В коллекции практически отсутствуют поврежденные наконечники.

Поскольку случайный характер выборки в данном случае не вызывает сомнений, весьма показательно наличие в составе коллекции самых представительных, наиболее широко распространенных наконечников, что является дополнительным подтверждением выведенных статистических закономерностей на кыргызских материалах с Енисея.

Изготовление оружия в кыргызских землях в эпоху средневековья имело такой высокий уровень развития, что слава о нем достигла границ империи Тан [13], а сами предметы вооружения вывозились в качестве дани в Тюркский каганат, от которого кыргызы находились в вассальной зависимости [14].

Наконечники стрел, изготавливавшиеся в большом количестве для нужд длительных войн кыргызов с уйгурами, в последние века I тыс. н. э. становятся непременным атрибутом погребального инвентаря воинов-кыргызов, для средневековой археологии и краеведения одной из основных категорий находок. Благодаря усилиям коллекционеров и любителей древности, кыргызские наконечники стрел, найденные в Минусинской котловине в конце XIX — начале XX вв., проделали своеобразную «повторную экспансию» по сопредельным районам Сибири, осев в коллекциях музеев Омска, Томска, Бийска, Иркутска, а также Москвы, Ленинграда и Хельсинки.

Сбор и введение в научный оборот этих материалов позволит полнее представить закономерности развития вооружения енисейских кыргызов в эпоху средневековья.

---

[11] См.: Худяков Ю. С. Опыт топологической классификации.., с. 319.
[12] См.: Там же, с. 320.
[13] См.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, ч. 1, с. 352.
[14] См.: Там же, с. 352.

Б. А. КОНИКОВ, Ю. С. ХУДЯКОВ

ЖЕЛЕЗНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ ЛЕСОСТЕПНОГО И ТАЕЖНОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Основным оружием дистанционного боя у племен лесостепного и таежного Прииртышья в конце I — начале II тыс. н. э. являлись лук и стрелы. Набор железных наконечников стрел, применявшихся на поле боя, был достаточно разнообразен, что может свидетельствовать о высоком уровне развития военного искусства у населения этих территорий в рассматриваемую эпоху. Значительная часть материалов по исследуемому вопросу представлена случайными недокументированными находками из разных мест Прииртышья, в силу чего они длительное время не были введены в научный оборот.

Благодаря успешным раскопкам последних десятилетий коллекция железных наконечников стрел пополнилась находками из комплексов, что позволяет приступить к их изучению, опираясь на хронологию изученных памятников Прииртышья с привлечением аналогий сопредельных территорий.

Все наконечники стрел по материалу, из которого они изготовлены, могут быть отнесены к одному классу — железных, по форме насада к одному отделу — черешковых [1].

По сечению пера наконечники стрел подразделяются на 4 группы.

Около четверти всех наконечников стрел из Прииртышья относятся к 1-й группе — трехлопастных. Основными отличительными особенностями трехлопастных наконечников являются высокие баллистические качества. При попадании в цель такие наконечники наносили «болезненные рваные раны». Судя по форме пера, большинство из них функциональ-

[1] См.: Худяков Ю. С. Опыт типологической классификации наконечников стрел енисейских кыргызов в IX—XII вв.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 311.

но предназначалось для поражения незащищенного панцирем противника. Наиболее широкое распространение трехлопастные железные наконечники стрел получили в I тыс. н. э. Группа трехлопастных наконечников объединяет 4 типа, выделяемых по форме пера.

К 1-му типу ярусных наконечников стрел относятся 4 эк-

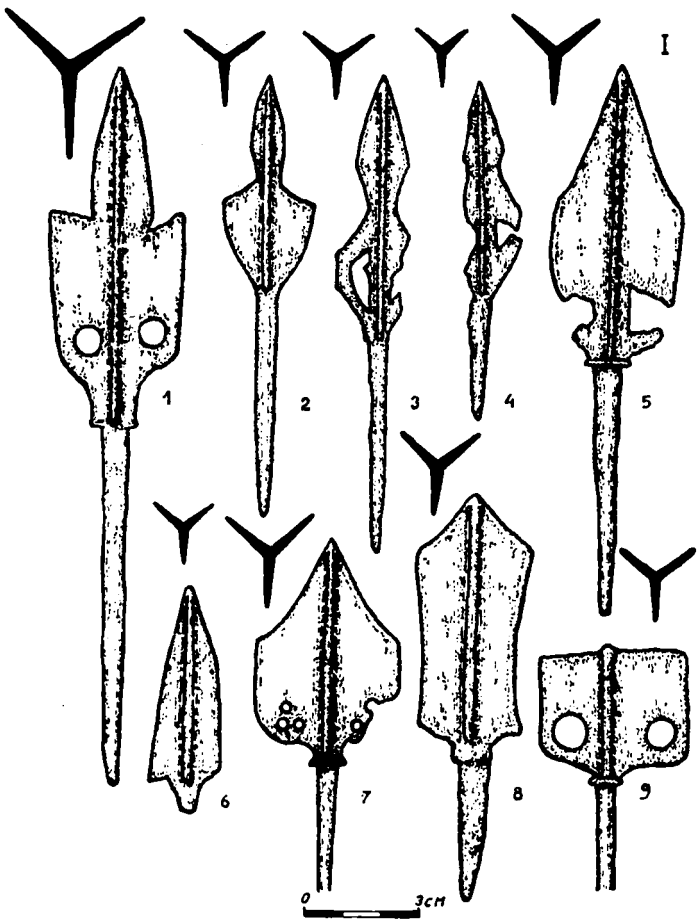

Рис. 1. Наконечники стрел из Прииртышья. Первая группа: 1—4 — первый тип; 6—8 — второй тип; 5,7 — третий тип; 9 — четвертый тип

земпляра из числа случайных находок. Длина пера от 5,5 до 9 см, ширина пера от 1,5 до 3,5 см, длина черешка от 3 до 9 см. Наконечники с остроугольной боевой головкой, широкими лопастями, снабженными округлыми или фигурными отверстиями, покатыми плечиками и округлым или квадратным в сечении длинным черешком. Подобные наконечники на сопредельных территориях распространены в V—VIII вв. н. э.[2]. В специфической форме пера наконечника отражено стремление совместить ударно-проникающую способность остроугольной боевой головки с высокими баллистическими качествами широколопастного пера (рис .1, *1—4*).

Ко 2-му типу удлиненно-пятиугольных наконечников стрел относятся 2 экземпляра, найденные в могильнике Окунево и случайно. Длина пера от 5 до 6,5 см, ширина пера от 1,5 до 3 см, длина черешка от 1 до 4 см. Наконечники с остроугольным острием, широкими лопастями и прямыми плечиками, в одном случае завершающимися упором и округлым в сечении коротким черешком. Подобные наконечники имели широкое распространение в памятниках VI—X вв. на территории степной Евразии, в том числе и в Южной Сибири, где они в это время количественно преобладали над остальными, являясь основным типом стрел, предназначенных для поражения незащищенного панцирем противника[3] (рис. 1, *6, 8*).

К 3-му типу удлиненно-шестиугольных наконечников стрел относятся два экземпляра из числа случайных находок. Длина пера от 6 до 7,5 см, ширина пера 3,5 см, длина черешка от 6,5 до 7 см. Наконечники с остроугольным острием, широкими лопастями, снабженными в нижней трети 1—3 округлыми отверстиями, покатыми плечиками, завершающимися упором, длинным, округлым в сечении черешком. Подобные наконечники известны в кыргызских памятниках IX—X вв. н. э.[4]. По размерам и форме ударной части пера они идентичны удлиненно-пятиугольным, отличаются лишь в оформлении менее существенных деталей, плечиков (рис. 1, *5, 7*).

К 4-му типу томар относится один экземпляр из числа случайных находок. Длина пера — 3,5 см, ширина пера — 4 см, длина черешка — 7 см. Наконечник с тупым острием, широкими короткими лопастями, снабженными в нижней

[2] См.: Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.— МИА, 1952, с. 24.

[3] См.: Худяков Ю. С. Опыт типологической классификации.., с. 312.

[4] См.: Там же, с. 312.

трети округлыми отверстиями и выгнутыми плечиками с небольшим выступом в сторону упора. Черешок наконечника длинный, округлый в сечении. Подобные наконечники известны в единичных экземплярах в памятниках VIII—IX вв. н. э. в Минусинской котловине[5]. Функционально они предназначены для поражения незащищенного панцирем противника (рис. 1, *9*).

Ко II группе относятся двухлопастные наконечники. Широко распространенные в эпоху бронзы, среди железных они сравнительно редки, возможно, являясь поисковой формой, переходной от трехлопастных к плоским. В составе II группы двухлопастных выявлен один тип — удлиненно-шестиугольных наконечников стрел, к которому относится один экземпляр из числа случайных находок. Длина пера 7 см, ширина пера 4 см, длина черешка — 6,5 см. Наконечник с остроугольным острием, широкими лопастями, снабженными в нижней трети сердцевидными отверстиями, вогнутыми плечиками, завершающимися упором и длинным, округлым в сечении черешком. Подобные наконечники известны в кыргызских памятниках IX—X вв. н. э. в Туве[6]. Функционально они предназначены для поражения незащищенного панцирем противника (рис. 2, *1*).

Наконечники с ромбическим сечением пера составляют III группу. В средневековых памятниках Сибири и степной полосы Евразии они появляются с конца I тыс. н. э. в связи с распространением защитного доспеха и предназначены для пробивания брони.

К 1-му типу удлиненно-пятиугольных наконечников стрел относятся 5 экземпляров из числа случайных находок из могильника Александровка. Длина пера от 4,5 до 5,5 см, ширина пера 1 см, длина черешка от 3 до 3,5 см. Наконечники с остроугольным острием, удлиненным пером, прямыми плечиками и коротким, округлым в сечении черешком. Подобные наконечники известны в кыргызских памятниках IX—X вв. н. э. в Туве[7]. Функционально они предназначены для пробивания брони (рис. 2, *3, 4*).

Ко 2-му типу шипастых наконечников стрел относится экземпляр из числа случайных находок. Длина пера —

[5] См.: Там же, с. 313.

[6] См.: Нечаева Л. Г. Погребение с трупосожжением могильника Торатал-Арты.— Тр. ТКАЭЭ. М.-Л., 1966, т. 2, с. 112—114.

[7] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 45.

10,5 см, ширина пера — 3 см, длина черешка — 5 см. Наконечник с удлиненным остроугольным острием, с плоскими шипами и шейкой, завершающейся упором, с коротким черешком. Подобные наконечники среди средневековых материалов Сибири и сопредельных территорий нам не известны. Возможно, они являются поисковой формой, не получив-

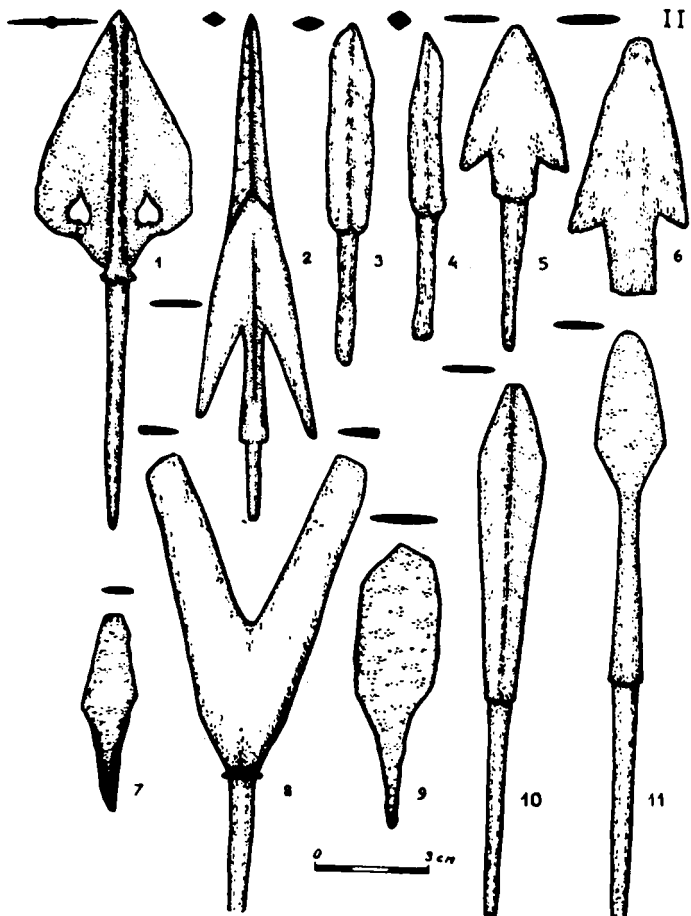

Рис. 2. Наконечники стрел из Прииртышья. Вторая группа — 1; третья группа: 3—4 — первый тип; 2 — второй тип; четвертая группа: 7—10 — первый тип; 9 — второй тип; 8 — четвертый тип; 5, 6 — пятый тип; 11 — шестой тип

шей достаточного распространения. Вероятное время их бытования — конец I тыс. н. э. (рис. 2, *2*).

Более двух третей из общего числа наконечников стрел из Прииртышья относится к IV группе — плоских, они были наиболее просты в изготовлении и получили широкое распространение в Сибири с начала II тыс. н. э. и продолжали количественно преобладать и позднее. Группа плоских наконечников стрел из Прииртышья включает несколько типов.

К 1-му типу асимметрично-ромбических наконечников стрел относятся 14 экземпляров из числа случайных находок, могильников Окунево и Кип, курган 9. Длина пера от 1,5 до 10 см, ширина пера от 1 до 6 см, длина черешка от 2,5 до 8,5 см. Наконечники с треугольным острием, покатыми плечиками, завершающимися упором, и округлым в сечении черешком. Размеры наконечников варьируют от мелких до массивных. Подобные наконечники очень широко распространены в памятниках начала II тыс. н. э. и позднее в Сибири[8], в степной полосе Азии и Восточной Европы. С этого времени данная форма наконечников становится основной из числа предназначенных для поражения незащищенного панцирем противника. По предположениям, некоторые из вариантов мелких наконечников использовались и для пробивания колец кольчуги. На территории Прииртышья подобные наконечники продолжали бытовать до прихода русских[9] (рис. 2, *7, 10*; 3, *1—3, 6*; 4, *1, 3, 4*).

Ко 2-му типу удлиненно-шестиугольных наконечников стрел относятся 5 экземпляров, найденных случайно и в могильнике Окунево. Длина пера от 4,5 до 6 см, ширина пера от 2 до 5,5 см, длина черешка от 3 до 6 см. Наконечники с тупоугольным острием, параллельными сторонами, пологими плечиками, завершающиеся упором и округлым в сечении черешком. Наконечники стрел подобной формы известны в памятниках Южной Сибири с XIII в.[10]. Однако судя по сопроводительному инвентарю, в Прииртышье они появляются с конца I тыс. н. э.[11]. Функционально они предназначены

[8] См.: Бояршинова З. Я. Погребальный ритуал в Басандайских курганах. — Тр. ТГУ и ТГПИ. Томск, 1947, т. 98, с. 154.

[9] См.: Коников Б. А., Худяков Ю. С. Наконечники стрел из Искера.— В кн.: Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1980.

[10] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы.., табл. IV, 51.

[11] См.: Коников Б. А. Новые материалы I тыс. н. э. из лесостепного и таежного Прииртышья. — В кн.: Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978, с. 54—57.

для поражения незащищенного панцирем противника, отличаются от асимметрично-ромбических лишь оформлением конструкции сторон пера (рис. 2, *9*; 3, *5*).

К 3-му типу томаров относятся три экземпляра из числа случайных находок. Длина пера от 9 до 9,5 см, ширина пера от 5 до 5,5 см, длина черешка от 7,5 до 8,5 см. Наконечники с тупым острием, широким массивным пером и поло-

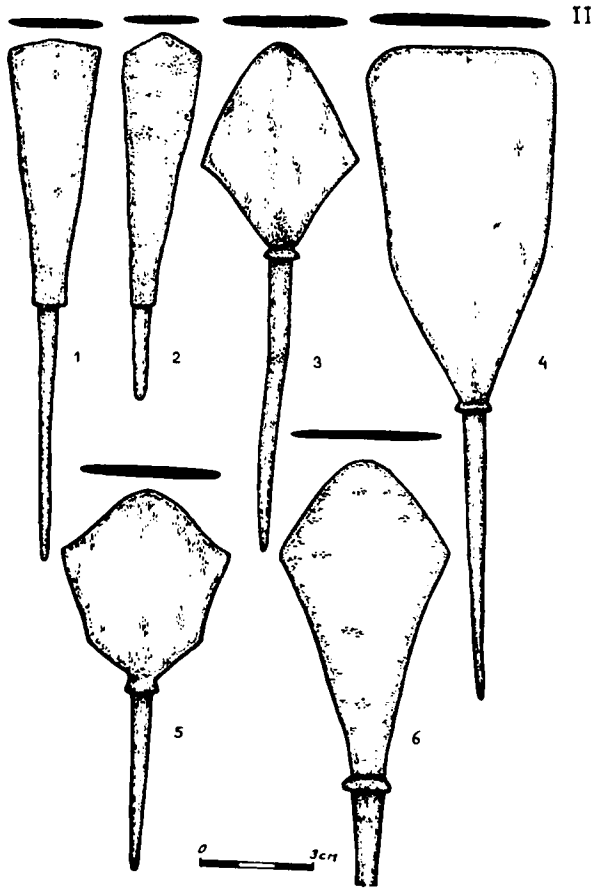

Рис. 3. Наконечники стрел из Прииртышья. Третья группа: 1—3, 6 — первый тип; 4 — третий тип; 5 — второй тип

гими плечиками, завершающимися упором. Черешок массивный, округлый в сечении. Подобные наконечники известны в памятниках Енисея с VI—VIII вв. н. э.[12], однако наибольшее распространение они получают в предмонгольское время[13], продолжали, вероятно, употребляться и позднее. Тупое острие и массивное перо свидетельствуют о назначении наконечника для поражения незащищенного панцирем противника и нанесения широкой кровоточащей раны боевому коню[14] (рис. 3, *4*; 4, *2*).

К 4-му типу двурогих наконечников стрел относятся 2 экземпляра из числа случайных находок. Длина пера — 8 см, ширина пера — 5,5 см, длина черешка — 7 см. Наконечники с раздвоенным пером, заточенным изнутри, пологими плечиками, упором и массивным, округлым в сечении черешком. В средневековых памятниках с сопредельных территорий известны с конца I тыс. н. э.[15]. Традиционно считаются охотничьими, иногда даже специализированно-охотничьими при стрельбе против крупной боровой дичи. Продолжают существовать в Западной Сибири вплоть до XX в. н. э.[16] (рис. 2, *8*).

К 5-му типу шипастых наконечников стрел относятся 2 экземпляра из числа случайных находок. Длина пера от 4 до 4,5 см, ширина пера от 2,5 до 3 см, длина черешка от 2 до 4 см. Наконечники с остроугольным острием, с выступающими шипами, в одном случае короткой плотной шейкой с упором, плоским или округлым в сечении коротким черешком. Шипастые наконечники известны в памятниках Южной Сибири начиная со второй половины I тыс. н. э.[17]. Шипастое оформление плечиков функционально предназначено для застревания при попадании в цель. Вполне вероятно, что применялись они в основном на охоте, хотя нельзя исключать и их боевого применения. Продолжали применяться вплоть до XX в.[18] (рис. 2, *5, 6*).

---

[12] См.: Карцов В. Г. Ладейское и Ермолаевское городища.— ТСАРАНИОН. М., 1929, IV, с. 563.

[13] См.: Кызласов Л. Р. История Тувы., табл. III, 78.

[14] См.: Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (луки, стрелы, самострел) VIII—XIV вв. М., 1966, с. 97.

[15] См.: Карцев В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929, с. 49.

[16] См.: Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-Ваховские ханты. Томск, 1977, табл. III, 8.

[17] См.: Карцов В. Г. Материалы..., с. 49.

[18] См.: Там же, с. 49.

К 6-му типу боеголовковых наконечников стрел относятся два экземпляра из числа случайных находок. Длина пера — 9 см, ширина пера — 1,5 см, длина черешка — 6,5 см. Наконечники с остроугольной боевой головкой, длинной шейкой, завершающейся упором, длинным, округлым в сечении черешком. Подобные наконечники известны в памятниках IX—X вв. в Южной Сибири[19], а в Прииртышье существуют до

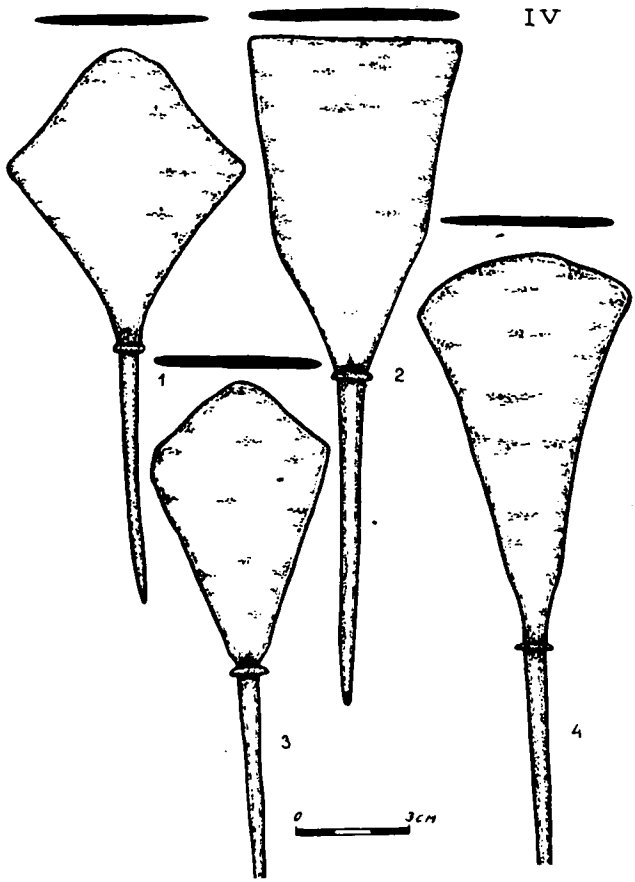

Рис. 4. Наконечники стрел из Прииртышья. Третья группа: 1, 3, 4 — первый тип; 2 — третий тип

[19] См.: Худяков Ю. С. Опыт типологической классификации.., с. 318.

XV в.[20] и позже. Использовались для поражения незащищенного панцирем противника. Остроугольная боевая головка предназначена для глубокого проникновения в поражающую поверхность (рис. 2, *11*).

Сводная таблица железных наконечников стрел из Прииртышья дает наглядное представление о широком типологическом разнообразии в изготовлении стрел на данной территории со второй половины I тыс. н. э. до этнографической современности (рис. 5). Основные закономерности эволю-

Группы	Типы	Формы	Размеры	Количество	Памятник	Время
I	1)		7·2,5·6	4	–	VI - VIII
	2)		6·2·2,5	2	Окунево Р.3. П.1	VI - X
	3)		7·3,5·7	2	–	IX - X
	4)		3,5·4·7	1	–	IX - X
II	1)		7·4·6,5	1	–	IX - X
III	1)		5·2·3	5	Александров К3 П.2	IX - X
	2)		10·3·5	1	–	IX - X
IV	1)		6·3,5·5	14	Кип к 9. Окунево.	IX - XII
	2)		5·3·4	5	Окунево Р.3 П.1.	VII - X
	3)		9·5·7	3	–	X - XIV
	4)		8·5,5·7	2	–	X - XIV
	5)		4·3·3	2	–	X - XII
	6)		9·1,5·6	3	–	X - XIV

Рис. 5. Эволюция наконечников стрел из Прииртышья

[20] См.: Коников Б. А., Худяков Ю. С. Наконечники стрел...

ции наконечников стрел в Прииртышье весьма близки процессу их развития, прослеженному ранее на материалах Южной Сибири. Со второй половины I тыс. н. э. наибольшее распространение в лесостепной и таежной зонах Прииртышья получают трехлопастные наконечники стрел, среди которых ярусные постепенно вытесняются к концу периода удлиненно-пятиугольными и удлиненно-шестиугольными. В качестве поисковых форм в процессе эволюции возникали трехлопастные томары или двухлопастные удлиненно-шестиугольные наконечники. Наряду с трехлопастными наконечниками, на протяжении всего периода служившими для поражения незащищенного панцирем противника, в конце I тыс. н. э. возникают специализированные граненые бронебойные наконечники, преимущественно удлиненно-пятиугольной формы, значительно реже — шипастые.

В начале II тыс. н. э. среди преобладающей группы наконечников стрел, предназначенных для поражения незащищенного панцирем противника, происходит смена трехлопастных на плоские. Основной формой наконечника становится асимметрично-ромбическая, наиболее простая в изготовлении, количественно преобладающая. Вероятно, это должно свидетельствовать о том, что процесс интенсификации конного боя, выразившийся в увеличении частоты стрельбы, уменьшении дистанции полета стрелы, применении лука и стрел, затронул и лесостепное Прииртышье. Эти районы вошли в орбиту военных действий в ходе обширных завоеваний монголов, что отразилось на развитии военного искусства и вооружения местных племен.

Ф. Х. АРСЛАНОВА

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ ПЛЕМЕН ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ С НАСЕЛЕНИЕМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (VII — XI ВВ.)

Одним из важных вопросов в изучении средневековых археологических комплексов, содержащих керамику с фигурно-штамповой орнаментацией лесостепной и лесной полосы Обь-Иртышского междуречья, является выяснение их хронологической и этнокультурной принадлежности. В этой связи особый интерес представляют материалы некоторых групп памятников из Павлодарского Прииртышья, включающих подобную керамику. По данному периоду теперь накоплен сравнительно большой материал из поселений и погребений Среднего Прииртышья, Пришимья и Приобья[1]. В на-

[1] См.: Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш.— МИА, 35. М., 1953; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э.— МИА, 58. М., 1958; Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби.— МИА, 48. М.—Л., 1956; Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В. Памятники железного века в Омском Прииртышье.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970; Чагаева А. С. О хронологии памятников Чувашского мыса.— Там же; Агеева Е. И., Максимова А. Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года.— Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Алма-Ата, 1959; Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник.— Изв. АН Каз. ССР. Сер. общ. наук. Алма-Ата, 1963, вып. 4. Она же. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.).— В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968; Могильников В. А. Археологическая разведка на севере Омской области.— КСИА, 1973, вып. 136; Он же. Исследование Малотебендинских курганов.— КСИА, 1969, вып. 120; Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Логиновское городище.— ВАУ. Свердловск, 1969, вып. 8; Уманский А. П. Археологические памятники у с. Иня.— В кн.: Изв. Алтайского отдела географического общества СССР. Барнаул, 1970, вып. 11; Троицкая Т. Н. Красный Яр — памятник позднего железного века.— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978; Коников Б. А. Новые материалы I тыс. н. э. из лесостепного и таежного Прииртышья.— В кн.: Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978.

стоящее время исследователи отмечают наличие культурного единства в Обь-Иртышском бассейне, прослеживаемого, прежде всего, по керамическим сосудам с фигурно-штамповой орнаментацией[2], а также по отдельным элементам духовной и материальной культуры[3]. При этом надо учесть, что посуда с фигурно-штамповой орнаментацией в лесных и лесостепных районах Западной Сибири происходит в основном из городищ и реже — погребений. В Павлодарском же Прииртышье она известна только из хорошо датированных захоронений двух курганных групп у села Бобровки и у села Качиры[4].

Особенностью вещевого комплекса погребений Обь-Иртышского междуречья является обязательное сопровождение умерших большим количеством глиняной и деревянной посуды. Так, в бобровских десяти курганах было найдено 44 сосуда, из них 31 — с трупосожжением, остальные 13 — с трупоположением. Не останавливаясь на технике производства и орнаментации[5], следует отметить, что сосуды горшковидной и баночной формы имеют аналогии в большинстве случаев с посудой из городищ Логиновское[6], Мурлинское, Большой Лог[7], Ново-Никольское[8], Потчеваш[9], а также поселений Иня[10] и Ордынское-5[11]. Некоторое сходство керамики из бобровских курганов обнаруживается в формах и орнаментальных сюжетах посуды могильника Рёлка. Хорошо профилированные остроребериые, круглодонные или остродонные сосуды из Павлодарского Прииртышья аналогичны

---

[2] См.: Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. — ПАДИУ. М., 1972, с. 271—273; Федорова Н. В. О культурной принадлежности Обь-Иртышских памятников I тыс. н. э.— В кн.: Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978, с. 79—80.

[3] См.: Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник; Агеева Е. И., Максимова А. Г. Указ. соч., с. 54—56.

[4] См.: Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья. Указ соч., с. 106—107.

[5] См.: Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Логиновское городище. Указ. соч., с. 117—118.

[6] См.: Чагаева А. С. Указ. соч., с. 237, табл. 1.

[7] См.: Могильников В. А. Культура племен лесного Прииртышья IX—начала XIII вв. н. э.— Тр. Камской археологической экспедиции, Пермь, 1968, вып. IV, с. 272, рис. 2.

[8] См.: Мошинская В. В. Указ соч., с. 207, табл. IX.

[9] См.: Уманский А. П. Указ. соч., с. 62, рис. 5.

[10] См.: Романцева В. Д. Жилища поселения «Ордынское-5».— Вопросы археологии Сибири. Новосибирск, 1972, вып. 38, с. 63, рис. 2.

[11] См.: Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби.— Томск, 1977, рис. 13, *19;* 23, *10, 11;* 27, *11;* 28, *4;* 30, *10—12;* 36, *9, 10, 14.*

рёлкинским [12]. Широкое использование гребенчатого и гладкого штампов для нанесения простейших узоров по венчику, шейке или верхней части тулова было присуще племенам Прииртышья и Приобья. Отличительной особенностью орнаментальных сюжетов бобровских сосудов является отсутствие штампа «уточка», встречаемого на посуде типа Рёлка. Однако надо отметить, что для широкой лесостепной и лесной полосы Сибири керамика с «уточкой» встречается в это время реже [13]. Гораздо чаще для нанесения многозональных композиций на кувшинах бобровские племена использовали фигурные штампы (ромбы, уголки, треугольники, полулунницы). Известно, что ареал фигурно-штамповой керамики ограничивается лесной и лесостепной зоной [14]. Очевидно, это не случайно. По мнению В. Н. Чернецова, «фигурный» штамп возникает в охотничьей среде, для которой он может считаться типичным [15]. На основании изучения опубликованных коллекций средневековой керамики из Прииртышья и Приобья можно наметить внешнее формальное сходство фигурных штампов, использованных в разных вариантах для орнаментации посуды. Наряду с этим для каждого локального региона выявляются специфические стилевые черты в композиционном построении орнамента. Это, по-видимому, в равной мере объясняется как узколокальными традициями, так и творческой импровизацией исполнителя, разумеется, в рамках заданного канона. Элементы узора на многих предметах являлись изображениями следов зверей и птиц. Оттиски следов; в свою очередь, как бы заменяли собой целые фигуры животных — тотемных апотропеев [16]. При рассмотрении семантики узора на глиняных сосудах Бобровского могильника именно с этой точки зрения нетрудно заметить, что фигурно-штамповым орнаментом были украшены главным образом кувшины, найденные по одному, вместе с массовой посудой (до восьми сосудов), оставленной в богатых мужских погребениях. Подобная закономерность наблюдается и в курганах могильников Малая Тебендя, Окунево, Аргаиз, Имшегал и Иня, где керамика (только в форме круглодонных горшков) с фигурно-штамповой орнаментацией происходит из

[12] См.: Там же, с. 60, табл. 5.
[13] См.: Федорова Н. В. Указ. соч., с. 79.
[14] См.: Чернецов В. Н. Указ. соч., с. 238.
[15] См.: Там же.
[16] См.: Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.—Л., 1963, с. 100, 160.

богатых мужских захоронений, содержащих железные и костяные наконечники стрел, зооморфные изображения.

Что касается конфигурации штампов, составляющих орнаментальный узор на бобровских кувшинах, то для них характерны треугольники, ромбы, уголки, полулунницы. Аналогичные штампы использовали племена Казахстана еще в эпоху бронзы. Однако композиционно орнамент средневековой посуды находит большее сходство в материалах VII—XII вв. н. э. лесной и лесостепной полосы Обь-Иртышского междуречья, где он традиционно сохранился до XX в.[17] Следует заметить, что отдельные элементы штампового орнамента применялись литейщиками-ювелирами на зооморфных изображениях, в частности, птиц. Обычно это чередующиеся ряды уголков, покрывающих крылья, туловище и хвост[18]. Подобные композиции из чередующихся рядов, нанесенных уголковым штампом, прослежены на посуде Бобровского могильника, а также на сосуде из малотебендинского кургана. Примечательно, что туловище птицы, изображенной на родовых тамгах обских угров, всегда передано в виде гладкого ромба или ромба с точкой в центре[19]. Ромб как орнаментальный элемент очень часто присутствует на бобровских кувшинах, причем в самых разнообразных вариантах. Нет ли здесь смысловой связи? Ведь в процессе создания тех или иных зооморфных форм ханты и манси тоже использовали имевшиеся геометрические узоры, более или менее соответствующие по своей конфигурации силуэтам (или части тела) какого-либо конкретного зверя или птицы[20].

Особого внимания в этом плане заслуживают схематичные антропоморфные изображения на ряде сосудов из курганов и городищ Обь-Иртышского междуречья. Истоки антропоморфных изображений на посуде уходят в глубокую древность и связаны с идеологическими представлениями племен Средней Азии, Западной и Восточной Сибири, а также При-

---

[17] См.: Чиндина Л. А. Древние личины из Васюганья.— СА, 1971, № 4, с. 234, рис. 2, 4.

[18] См.: Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX вв.— ТИЭ, нов. сер. М.—Л., 1954, т. XXII, с. 31—32, рис. 11; 16, *8*; 23, *4*.

[19] См.: Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник, с. 160.

[20] См.: Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 2. Самусьская культура. ИИС. Томск, 1973, вып. 10, с. 97—102, рис. 62, 63, 67—69.

морья[21]. Семантика этого сюжета достаточно хорошо освещена и не вызывает сомнения у специалистов о его культовом смысловом значении[22]. Большая часть исследователей Сибири композиции с контурными изображениями человека связывает с южными культурными общностями[23]. Осуществлялись эти связи, как предполагает В. И. Матющенко, «через племена, расселенные в конце III — начале II тыс. до н. э. в степях Казахстана»[24].

Накопленный к настоящему времени материал из разновременных памятников свидетельствует о существовании достаточно тесных контактов населения северо-восточного Казахстана с западносибирскими племенами на протяжении многих столетий. Еще одним подтверждением существовавших контактов является найденный (пока единственный в Казахстанском Прииртышье) сосуд с антропоморфными изображениями.

Известно, что композиции из фигурок человека бытовали достаточно широко на посуде и металлических изделиях в Обь-Иртышском междуречье, Восточной Сибири, Средней Азии, Казахстане и на Кавказе. Сакральный характер этого узора сохраняется долго, однако стиль и техника исполнения в разное время были не совсем идентичны. В памятниках эпохи бронзы и раннего железа Сибири контурные фигурки на посуде были нанесены в основном прочерченными линиями, а в средневековье использовался гребенчатый штамп, который применялся, кстати сказать, вплоть до XIX в. Судя по этнографическим материалам, своеобразной имитацией оттисков зубчатого штампа является точечный орнамент, передающий контуры фигурок человека или лица на металлических пластинках и подвесках к шаманскому костюму самодийской группы народов Сибири[25]. Прочерченными линия-

---

[21] См.: Славнин В. Д. Некоторые аспекты развития ранних форм религии в лесном Приобье в эпоху металла.— В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978, с. 14, 15, рис. 1; Студзинская С. В. Изображения человека на сосудах из Приморья и Восточной Сибири.— В кн.: Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978.

[22] См.: Матющенко В. И. Указ. соч., с. 112, 113; Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972, табл. XXIV.

[23] Матющенко В. И. Указ. соч., с. 114.

[24] См.: Иванов С. В. Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX вв. Л., 1970, с. 103—107, рис. 92—96.

[25] См.: Плетнева Л. М. Керамика Томского Приобья эпохи раннего железа.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1973, вып. 7, с. 133, рис. 1, 5, 7, 12, 13.

ми обозначены фигурки людей на керамике с поселения Самусь IV.

Контурные антропоморфные изображения эпохи бронзы, по-видимому, подверглись переработке в среде племен эпохи раннего железа и воспроизведены на посуде в еще более схематичных линиях, символизирующих фигуру человека[26]. В этой связи уместно напомнить, что две или три наклонные линии на оленных камнях изображают лицо человека[27]. Од-

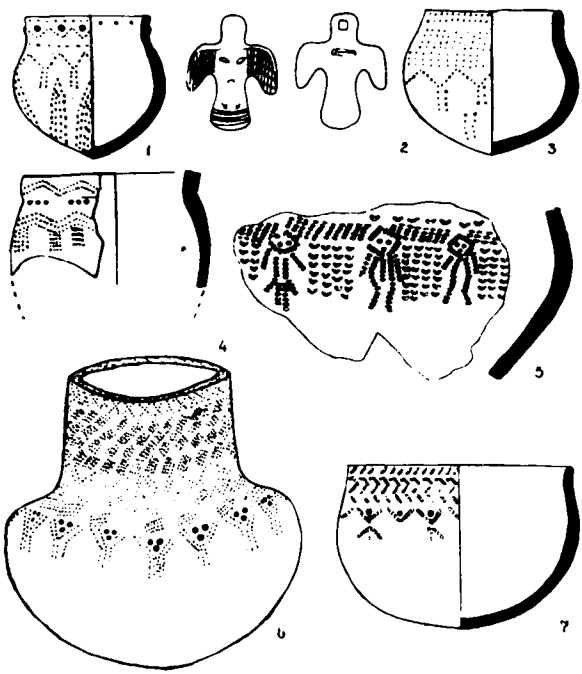

Рис. 1. *1, 3, 4* — могильник у д. Релка; *2* — случайная находка из Павлоградского Прииртышья; *5* — могильник у д. Малая Тебенда; *6* — могильник у д. Бобровка, курган 1; *7* — могильник у д. Имшегал, курган 1, 3—7 — глиняные сосуды, 2 — бронза

[26] См.: Савинов Д. Г., Членова Н. Л. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности.— В кн.: Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978, с. 73.

[27] См.: Плетнева Л. М. Памятники кулайского типа в Томском Приобье.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности

нако сохраняется и реалистический стиль изображения человека в виде личины или объемной фигурки, отлитых в металле[28].

Схематично изображение человека (рис. 1, *1, 3, 4*) и на посуде могильника Рёлка[29]. Самобытны личины на глиняной посуде Кижировского городища[30]. На большинстве из них изображены пять вертикальных черточек и лишь на одной — четыре. Возможно, это было связано с половым различием, так как, судя по этнографическим материалам обских угров, «у мужчин имеется пять душ, у женщин — четыре»[31]. Связь числа «4» и «5» с женским и мужским полом можно проследить по многим угорским обрядам и представлениям. Стилизованная манера передачи фигурок человека сохраняется до XIX в. у ряда народов самодийско-угорской группы населения Сибири[32].

Таким образом, на протяжении многих столетий антропоморфные изображения, как правило, являлись составной частью орнаментального мотива и завершали многозональные композиции расположенные по венчику и шейке сосуда. Орнаментальный бордюр горшка обычно состоял из оттисков простого и фигурного штампов, характерных для средневековой посуды лесостепной и лесной полосы Западной Сибири. Воспроизводились контурные фигурки человека на сосудах разных форм — в Среднем Прииртышье на круглодонных слабопрофилированных горшках, в Павлодарском — на узкогорлых кувшинах. Кстати, на Логиновском городище, судя по публикациям, керамика с фигурно-штамповым орнаментом представлена также сосудами кувшиновидной фор-

---

археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 166, табл. 1.

[28] См.: Чиндина Л. А. Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1973, вып. 7, с. 168, табл. 3, 3, 10; Матющенко В. И. К вопросу об этнической принадлежности Еловско-Ирменских памятников и историческая преемственность в культуре населения Толесско-Нарымского Приобья.— ИИС. Томск, 1973, с. 83, рис. 1, 4.

[29] См.: Старцева Л. М. Керамика городища Кижирово.— Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 1966, с. 77, табл. VI, 3.

[30] Чернецов В. Н. Представление о душе у обских угров.— Тр. ИЭ АН СССР. М., 1959, т. 2, с. 113, 139.

[31] См.: Иванов С. В. Скульптура народов Севера Сибири XIX— первой половины XX вв., рис. 92—96.

[32] См.: Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Указ. соч., табл. 55, 56.

мы[33], в то время как на памятниках лесного и лесостепного Прииртышья преобладающей формой являются круглодонные горшки[34]. Надо отметить, что посуда с антропоморфными изображениями в основном повторяет общепринятые в быту формы сосудов.

Наиболее четко изображены три фигурки человека с опущенными руками на фрагменте глиняного сосуда из малотебендинского кургана[35] (рис. 1, *5*). У всех этих фигурок схематично переданы голова, глаза и рот — в виде ромба с тремя круглыми ямками в центре. Руки, ноги и туловище обозначены прямыми или наклонными линиями, оттиснутыми зубчатым штампом. Ноги двух фигурок слегка согнуты и расставлены. В области туловища центрального изображения дополнительно нанесена вертикальная короткая линия. Такие же две вертикальные линии воспроизведены ниже ног соседней фигуры (слева), являющиеся составной частью орнаментальной композиции. Антропоморфные фигурки были изображены, по-видимому, по окружности тулова сосуда и отделены друг от друга четырьмя вертикальными рядами чередующихся оттисков уголкового штампа. Еще более схематично переданы шесть фигур человека — с поднятыми (под углом 45°), соединенными руками и расставленными ногами — на горшке из кургана Имшегал (рис. 1, *7*)[36]. Голова обозначена круглой ямкой, контуры рук, туловища и ног намечены прямой и наклонными короткими линиями. Между фигурами, в таком же стиле, изображены голова и поднятые руки (без торса и ног), а все вместе составляет как бы хоровод взявшихся за руки людей.

Стилистически близки к имшегальским антропоморфным изображениям схематически переданные контуры человека (21 фигурка) и на сосуде из бобровского кургана (рис. 1, *6*). Глаза, рот, как и на малотебендинских фигурках, обозначены тремя круглыми ямками. Над головами — по четыре коротких наклонных линии (оттиснуты мелкозубчатым штампом). Строго определенное число этих линий, как и на Кижировском сосуде, является, возможно, показателем пола.

Рассмотренные композиции стилизованных человеческих

---

[33] Могильников В. А. Культура племен лесного Прииртышья IX—начала XIII вв. н. э., с. 272, рис. 2, 3.

[34] См.: Могильников В. А. Исследование Малотебендинских курганов, с. 90, рис. 39.

[35] См.: Коников Б. А. Указ. соч., с. 67, табл. V, 6.

[36] См.: Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Указ. соч., с. 126.

фигурок на средневековых сосудах Прииртышья, несомненно, отражают проявление какого-то культа, стабильно существовавшего у населения разных эпох лесного и лесостепного региона. Устойчивость конкретных орнаментальных узоров при индивидуальной форме производства сосудов объясняется, по-видимому, не только развитием художественных принципов, но и их смысловым содержанием[37]. Толкование этих изображений можно извлечь из археологического материала предшествующих эпох и данных этнографии. На наш взгляд, убедительна трактовка бордюрного орнамента и антропоморфных изображений на самусьских сосудах, данная В. Д. Славниным на основе интеграции археологических и этнографических источников[38]. Предложенная интерпретация декора сосудов ранней бронзы как отражения картины мира в понимании не только рыболовов-охотников, но и земледельцев находит подтверждение и в поздних прииртышских средневековых материалах. Особенно это касается обряда, связанного с культом предков, тотемистическими и анимистическими представлениями древних племен. Основанием для такого суждения является удивительное композиционное сходство орнамента на самусьских и средневековых сосудах. Единство наблюдается в позе антропоморфных фигурок (с опущенными или поднятыми руками), наличии между ними разделительных полос (из вертикальных линий), в расположении контуров фигуры человека (по окружности сосуда, всегда под орнаментальным бордюром). Примечательно и однообразие узоров (крестовидные фигуры или волнистые и ломаные линии) орнаментального пояса, окаймляющего верхнюю часть сосудов. Следует отметить общность в построении отдельных фигур, воспроизведенных без головы или когда обозначена только голова без туловища[39]. Близость изобразительных приемов и орнаментальных композиций самусьских и прииртышских сосудов отражает древнейшую традицию сакрального характера узора на посуде.

Изучение геометрических узоров на глиняных и металли-

[37] См.: Славнин В. Д. Указ. соч., с. 16—18.

[38] См.: Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век), рис. 62, 63; Могильников В. А. Исследование Малотебендинских курганов, с. 87, рис. 36, *3;* 39; Чиндина Л. А. Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа, табл. 3, *3, 8, 10.*

[39] См.: Матющенко В. И. К вопросу об этнической принадлежности Еловско-Ирменских памятников и историческая преемственность в культуре населения Томско-Нарымского Приобья, с. 83.

ческих изделиях позволяет проследить сохранение их в различных вариациях с эпохи неолита до позднего средневековья. Нельзя не упомянуть в этой связи выявленную В. И. Матющенко историческую преемственность в культуре Томско-Нарымского Приобья [40], а также возрождение отдельных узоров предшествующих эпох в керамике типа Рёлка [41] и прииртышских курганов [42]. Процесс переосмысления и «оживления» старых геометрических узоров был отмечен Е. Ю. Кричевским, позднее обратил на это внимание и крупнейший исследователь орнамента народов Сибири С. В. Иванов [43].

Рассмотренные на средневековых сосудах орнаментальные композиции, включающие антропоморфные изображения, восходят к одному древнейшему прототипу. Они выражали господствующие религиозные представления, связанные с образом человека, но в каждом отдельном случае приобретали, по-видимому, новые семантические оттенки. Показательны в этом отношении аналогии мотивам орнамента прииртышских сосудов в памятниках предшествующих эпох, а также этнографических материалах, наглядно свидетельствующие о существовании культа предков и связанных с ним сложных ритуальных церемоний. Для древних людей личина и фигурка человека являлись изображением души умершего сородича. Местом обитания души могли быть и зооморфные фигурки. Иногда таким убежищем души (до ее переселения в другое тело) является котел, который надевали покойнику на голову [44]. Не исключено, что в кувшинах с антропоморфным и фигурно-штамповым орнаментом хранилось питье для ритуальных целей согласно обычаю обских остяков хранить воду для исцеления болезней в золотой чаше с изображением на ней золотого кумира [45].

---

[40] См.: Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби, с. 126.

[41] См.: Арсланова Ф. Х. Могильник ранних кочевников на правобережье Иртыша.— Изв. АН Каз. ССР. Алма-Ата, 1962, вып. 2 (10); с. 80, табл. III; с. 81, табл. IV; Корячкова Л. Н. Могильник Саргатской культуры у с. Красноярка.— СА, 1979, № 2, с. 194, рис. 2; с. 197, рис. 5; с. 198, рис. 6, 5, 6; Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.), с. 10—12, табл. 1, рис. 118—123.

[42] См.: Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник, с. 20—22.

[43] См.: Чернецов В. Н. Представление о душе у обских угров, с. 139.

[44] Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби, с. 99.

[45] Левина Л. М. К вопросу об антропоморфных изображениях в Джетысасарской культуре.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 174, рис. 3; с. 176, рис. 4.

Одновременно следует упомянуть о наличии схематичных изображений человека на посуде VI—VII вв. оседлого населения Средней Азии и Казахстана[46]. Контурная фигура человека с расставленными руками и ногами передана там при помощи рельефного налепа. Поза антропоморфных изображений на сосудах тождественна бронзовым литым фигуркам, найденным в памятниках Средней Азии и Казахстана, а также соседних регионов; по мнению Л. М. Левиной, и те и другие передают один и тот же образ. Если учесть, что бронзовые фигурки изображали стоящих мужчин[47] (судя по воспроизведенным признакам пола), то аналогичные рисунки (с расставленными ногами и разведенными руками) на глиняном сосуде из кургана Малая Тебендя также следует отнести к разряду мужских образов.

Для характеристики прииртышских многофигурных антропоморфных композиций, представляющих собой как бы хороводы людей с поднятыми руками, не меньший интерес представляют поясные наконечники и накладки со схематическим изображением фигурок человека из дьяковских памятников VII—VIII вв. н. э.[48]. По аналогии с воспроизведенными на Огубской пластине изображениями, олицетворяющими, по мнению Т. Н. Никольской, богиню плодородия[49], есть основание и прииртышские фигурки на сосудах (рис. 1, *3, 4*) отождествить с женскими образами. В пользу этого говорит и наличие четырех наклонных линий, оттиснутых над схематичным изображением головы на сосуде из Бобровского могильника, что соответствует, по В. Н. Чернецову, «четырем душам женщины».

Рассмотренный керамический материал из курганов Казахстанского Прииртышья свидетельствует о том, что племена, жившие на территории Павлодарской области, были окраинной группой лесостепного населения Западной Сибири. В силу своего географического положения им суждено было стать, в какой-то степени, проводниками культурных достижений населения Среднего Прииртышья и Приобья в более западные районы, а возможно и наоборот. В этой связи сле-

---

[46] См.: Там же, с. 169, рис. 2.

[47] См.: Розенфельдт И. Г. Детали ритуальных поясов с позднедьяковских городищ.— СА, 1980, № 1, с. 268, рис. 1—11.

[48] См.: Никольская Т. Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э.— МИА, 72. М., 1959, с. 108, рис. 39.

[49] Место находки неизвестно. Хранится в Павлодарском областном музее.

дует обратить внимание на взаимопроникновение племен Обь-Иртышского междуречья, в результате чего получали распространение определенные изделия и культурные традиции, не характерные для местного казахстанского населения. Так, в Павлодарской области случайно обнаружен птицевидный идол с человеческой личиной (рис. 1, 2) [50]. Стилизованная фигурка представляет собой одностороннее изображение птицы с развернутыми крыльями и распущенным хвостом (длина 5,5, ширина 4,2 см). Перья на крыльях показаны пересеченными линиями — «сеткой». Хвостовое оперение передано пятью поперечными линиями. Прижатые к туловищу ноги обозначены в виде отпечатка трехпалой птичьей лапы. Глаза воспроизведены двумя точками в середине полой головы. На брюшке имеется изображение личины человека, состоящее из наклонно поставленных овалов глаз (наружными углами вниз) и дуговидного (концами вниз) рта; на оборотной стороне — скобообразная петля для крепления. Точных аналогий данному образцу неизвестно, однако близкие по сюжету и стилю фигурки найдены в Мурлинском кладе, могильнике Рёлка [51], Прикамье [52] и Приуралье [53]. Кроме того, в Казахстанском Прииртышье распространяется керамика с фигурно-штамповым орнаментом, устойчиво и широко бытующая в лесостепной и лесной областях Сибири. То же можно сказать и относительно антропоморфных изображений на глиняных сосудах. В свою очередь, изделия (поясные и сбруйные наборы, оружие), присущие степным скотоводческим тюркоязычным племенам Верхнего Прииртышья, проникали в соседние лесостепные и лесные районы. Надо полагать, что в результате этнических диффузий, происходивших в VII—XI вв., шел процесс тюркизации отдельных групп самодийско-угорского населения.

Визуальное изучение черепов из Бобровского могильника позволяет сделать вывод о неоднородности населения, оставившего этот погребальный комплекс. «В целом создается впечатление,— отмечает О. Исмагулов,— что в тюркское вре-

---

[50] См.: Чернецов В. Н. Бронза Усть-Полуйского времени.— МИА, 35, М., 1953, т. 1, с. 153, табл. XII, 2, 3.

[51] См.: Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Рис. 35, 9.

[52] См.: Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль.— Пермь, 1976, рис. 2, 9а.

[53] См.: Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. М., 1975, табл. VI, 2.

мя ни одна локальная группа Казахстана не имела таких, столь разнообразных, смещений, как прииртышские насельники VII—IX вв.[54]. «Исходя из их общей антропологической близости автор предполагает, что это население тяготеет к иным этническим группам, в частности к урало-алтайской группе. Одновременно в палеоантропологических материалах синхронных курганов Барабинской степи отмечен монгольский компонент, имеющий южное происхождение[55].

Таким образом, намеченное сходство в материальной культуре Павлодарских курганов не случайно, так как оно отражает существовавшие процессы инфильтрации племен Обь-Иртышского междуречья.

---

[54] Исмагулов О. Антропологические данные о тюрках Прииртышья.— В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 84.

[55] См.: Дремов В. А. Антропологические данные о древнем населении Обь-Иртышского междуречья: Усть-Тартасский могильник.— В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978, с. 181.

В. И. ВАСИЛЬЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЧИСЛЕННОСТИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА И СЕВЕРНОЙ СИБИРИ В XVII В.

Как известно, основными документальными источниками, в которых нашли отражение родо-племенной и численный состав этнических групп коренного населения Европейского Севера и Северной Сибири, являются ясачные книги.

Специфика этого источника состоит в том, что в ясачные книги вносилось только мужское население в возрасте 16—60 лет, причем верхняя возрастная граница, как правило, была значительно выше [1]. Дети, женщины и инвалиды ясак не платили, и поэтому в ясачные книги не включались.

Для подсчета общей численности коренного населения сибирского и североевропейского регионов в XVII в. (на основе данных ясачных книг) в современной научной практике используется коэффициент 4. Этот методический прием был предложен около 20 лет назад выдающимся советским сибиреведом Б. О. Долгих. Во введении к своей фундаментальной работе «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» он писал: «Численность установленных нами... группировок коренного населения мы определяем, исходя из численности плательщиков ясака, т. е. трудоспособных мужчин, число которых умножали на 4. Правильность коэффициента 4 мы проверили по данным переписи 1926/27 г. По этим данным, число трудоспособных мужчин в возрасте от 18 до 59 лет у народов Севера составляет в среднем около четверти всего населения» [2].

---

[1] В подворной переписи 1681 г. по Мангазейскому уезду среди ясачных плательщиков Хантайского зимовья, куда вносили дань тундровые энцы, упоминаются, например, имена Горластика, Марады, Выроруя, Нелейко, Вараптея, Козеводы, Сесы. Первый из них был поверстан в ясак 70 лет назад, Марада состоял плательщиком ясака 60 лет, а пятеро остальных — 50 лет (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 708, л. 103—116).

[2] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.— ТИЭ. М., 1960, т. 55, с. 13.

Конечно, сопоставление материалов переписи 1926/27 г. с ясачными списками XVII в. можно производить лишь с определенной долей условности. Это определяется не только значительностью временного промежутка, разделяющего оба источника, но и их содержанием. Схема разбивки материалов переписи 1926/27 г. включала, например, графу «мужчины в возрасте от 18 до 59 лет», что было уже фактического возрастного круга ясачных плательщиков в XVII в.; в то же время в указанную графу входили инвалиды и нетрудоспособные, отсутствовавшие в ясачных списках. Б. О. Долгих учитывал эти расхождения и оговаривал их в своей работе. «По нашим расчетам,— писал он,— плательщики ясака у народов Северной Сибири составляли в XVII в. около 27—28% всего населения. Но так как, несомненно, был известный процент лиц, уклонявшихся от уплаты ясака, то, принимая коэффициент 4, мы несколько (примерно на 10%) страхуем себя от излишнего преуменьшения численности населения»[3].

Методика Б. О. Долгих нашла широкое признание у историков-сибиреведов. На ее основе написаны десятки научных трудов по этнической истории различных групп коренного населения Северной Сибири в период прихода русских.

В то же время введение в научный оборот новых архивных материалов и в первую очередь ревизских переписей конца XVIII — первой половины XIX вв., которые содержат данные о численности всех категорий населения, показали, что использование коэффициента 4 по ряду этнических групп Крайнего Севера дает завышенную цифру итогового численного состава[4].

Это обстоятельство и побуждает вновь обратиться к вопросу об универсальности коэффициента 4 для установления общей численности коренного населения Европейского Севера и Сибири на основании ясачных списков XVII в. В качестве исходных материалов автор использовал главным образом данные ревизий 1782 и 1795 гг., отличающиеся наибольшей полнотой, и лишь по отдельным этническим группам (европейские ненцы) — данные более поздних переписей начала XIX в.[5]

---

[3] Там же.

[4] См.: Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979, с. 103.

[5] В ГААО первичные материалы IV (1782 г.) и V (1795 г.) ревизий по самодийскому населению Европейского Севера значатся утраченными.

Ниже дается изложение этих материалов в разрезе основных этнографических групп северных самодийцев (ненцев и энцев).

В отношении предков современных энцев (хантайских и карасинских самоедов) в нашем распоряжении имеются материалы IV ревизии (1782 г.) В этом источнике энцы учтены в количестве четырех групп, приписанных по месту административной принадлежности к Карасинской (две группы лесных энцев), Тазовской (еще одна группа лесных энцев) и Хантайской волостям Туруханского ведомства Енисейской губернии.

Наши подсчеты дают следующую картину численного состава этих групп по материалам указанной ревизии (табл. 1).

Таблица 1[6]

Этнографическая группа, „род"[7]	Ясачные плательщики[8]	Мужчины (всего)	Женщины (всего)	Итого
Тундровые энцы				
«Род» Совалов	13	20	20	40
«Род» Туголуков	11	26	26	52
«Род» Смирной	5	14	16	30
«Род» Бареев	9	14	18	32
«Род» Инзекеев	—	—	1	1
«Род» Лебедин	1	3	2	5
«Род» Тушнолобов	3	7	6	13
«Род» Лорин	4	10	11	21
«Род» Моторин	3	3	4	7
«Род» Горластиков	2	7	4	11
«Род» Чернеев	1	3	1	4
«Род» Оловин	8	18	19	37
«Род» Керков	2	2	1	3
«Род» Пелюгов	1	1	4	5
«Род» Мудателин	4	6	5	11
«Род» Сарабуев	1	2	2	4
«Род» Оленных	1	4	1	5
«Род» Тягирев	—	1	2	3
Новокрещенные	4	9	3	12
Прочие, записанные отдельно	5	10	9	19
Итого	78	160	155	315
Лесные энцы[9]				
1-я карасинская группа	15	35	36	71
2-я карасинская группа	14	32	19	51
Итого	29	67	55	122
Тазовская группа	25	68	52	120

Удельный вес ясачных плательщиков по отношению ко всему населению составляет по группе тундровых энцев 24,7% (причем по отдельным структурным подразделениям он колеблется довольно значительно: 16,6% —«род» Смирной, 32,5% —«род» Совалов). Для лесных энцев тот же показатель равен 24,6%, с учетом тазовской группы[10] — 22,3%. Интересно соотнести число ясачных плательщиков и всего мужского населения. По обеим этническим группам оно примерно одинаково и составляет 40% для тундровых энцев и 40,9% для лесных энцев. Для лесных энцев с учетом тазовской группы этот показатель несколько ниже и равен 36,8%.

На основании материалов V ревизии (1795 г.) нами составлена таблица 2, отразившая численный состав тундровых и лесных сибирских ненцев. Тундровые ненцы в указанное

Таблица 2[11]

Этнографическая группа, род	Ясачные плательщики	Мужчины (всего)	Женщины (всего)	Итого
Тундровые ненцы				
Каменная сторона				
Род Езынгги (Езынгей)	100	138	122	260
Род Яптик (Яптиков)	67	85	66	151
Низовая сторона				
Род Яр (Яров)	94	132	82	214
Род Нгадер (Адеры)	45	74	51	125
Итого	306	429	321	750
Лесные ненцы				
Род Карцы	56	82	64	146
Род Ракли	54	73	70	143
Род Логачи	24	32	24	56
Итого	134	187	158	345

[6] Таблица составлена на основе первичных материалов переписи, хранящихся в ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 85—88, 96 об.— 111.

[7] Слово «род» берется нами в кавычки, так как под этим термином в переписных документах указанного времени чаще всего выступают патронимии, хотя случаи совпадений численного состава патронимий с кровнородственными родами, вероятно, имели место.

[8] В эту графу мы включаем всех взрослых мужчин в возрасте от 16 лет и выше.

[9] Разбивка по родам в документах отсутствует.

[10] Впоследствии (к началу нынешнего столетия) представители этой энецкой группы вошли в состав енисейских ненцев.

[11] Первичные материалы переписи, положенные в основу таблицы, хранятся в ТФ ГАТО, ф. 154, оп. 8, д. 270, л. 104 об.— 111 об., 129 об.— 133 об., 156—161, 164—166; д. 75[3], л. 33 об.— 38 об., 41—45 об., 48—49 об.

время принадлежали к Обдорской, а лесные — к Казымской волостям Березовского ведомства Тобольской губернии. Сведения по обеим группам даются выборочно. По тундровым ненцам (обдорским самоедам) взяты материалы по двум родам Каменной стороны и двум родам Низовой стороны. По лесным ненцам приводятся данные по трем родам (из шести). Удельный вес ясачных плательщиков по этим группам для тундровых ненцев составляет 40,8%, в том числе по включенным в таблицу родам: Нгадер — 36%, Езынгги — 38,4%, Яр — 43,9%, Яптик — 44,4%. По группе лесных ненцев удельный вес плательщиков ясака равен 38,8%. Показатели по отдельным родам следующие: Ракли — 37,8%, Карцы — 38,3%, Логачи — 42,9%.

Переходим к ненцам Европейского Севера. Для их численной характеристики нами привлечены материалы VII ревизии (1816 г.); более ранние переписи не отличаются полнотой либо в первичном виде отсутствуют. В начале XIX в. европейские ненцы в административном отношении подразделялись на следующие ведомства (волости), входившие в состав Мезенского уезда Архангельской губернии: Тиманского (Тиунского) берега, Канинского берега, Ижемское, Пустозерское и Усть-Цилемское. В табл. 3, составленной нами по

Таблица 3[12]

Территориальная группа, род	Ясачные плательщики	Мужчины (всего)	Женщины (всего)	Итого
Канинские ненцы	233	406	376	782
Тиманские ненцы	218	360	238	598
Пустозерские ненцы				
в том числе:				
Род Выучи (Выучейского)	34	63	50	113
Род Тысыя (Тысый)	125	229	130	359
Род Яв-Тысыя (Яв-Тысыйского)	36	66	42	108
Род Нохо-Тысыя (Нохо-Тысыйского)	42	91	46	137
Итого	237	449	268	717
Лесные (ижемские) ненцы				
В том числе:				
Род Хэтанзи (Хатанзейского)	72	164	143	307
Род Вануйта (Ванюты)	32	61	67	128
Род Выучи (Выучейского)	2	7	4	11
Род Вэли (Валей)	46	85	82	167
Итого	152	317	216	613

[12] Таблица составлена на основе первичных материалов переписи, хранящихся в ГААО, ф. 51, оп. 11, т. 5, д. 8432, л. 16 об.—104, 125 об.—152.

материалам VII ревизии, нашел отражение численный состав европейских ненцев по первым трем волостям (полностью) и Пустозерскому ведомству (частично, без рода Лэхэ).

Отношение количества ясачных плательщиков к общей численности ненецкого населения Европейского Севера в разрезе представленных в табл. 3 территориальных групп выражается в следующих показателях. По западной группе европейских тундровых ненцев: Канинский берег — 29,6%, Тиманский берег—36,4%. По восточной (большеземельской) группе европейских тундровых ненцев: Пустозерское ведомство — 33%, в том числе по родам: Выучи — 30%, Нохо Тысыя — 30,7%, Яв-Тысыя — 33,3%, Тысыя — 34,8%. По ижемским лесным ненцам — 24,8%, в том числе по родам: Хэтанзи — 23,4%, Вануйта — 25%, Вэли — 27,5%.

* * *

Выводы данной статьи далеко не окончательны и в целом могут быть сведены к двум основным положениям. Изложенные материалы показывают, что использование коэффициента 4 для подсчета общей численности коренного населения по количеству ясачных плательщиков, может быть оправдано лишь для отдельных этнических формирований (в наших примерах — все группы энцев и ижемские лесные ненцы Европейского Севера). Для всех остальных этнических групп, рассмотренных в настоящей статье, использование этого коэффициента дает завышенные (причем иногда весьма значительно) показатели общей численности населения, трудно или вовсе не сопоставимые с материалами последующих ревизий (конца XVIII — начала XIX столетий), когда наряду с мужчинами стали учитываться и женщины. Поэтому, видимо, правильнее будет признать, что течение демографических процессов у различных этнических групп Крайнего Севера на протяжении рассматриваемого времени происходило неодинаково.

Вероятно, для каждой этнической группы следует установить собственный коэффициент числа ясачных плательщиков. Возможно, при надлежащей полноте картины удастся выявить и определенные закономерности в течении демографических процессов, что позволит вывести региональные или этнорегиональные коэффициенты. Но это вопрос дальнейших исследований.

В. М. КУЛЕМЗИН

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ У ХАНТОВ

Известно, что в языках многих первобытных народов отмечены многочисленные случаи, когда наблюдается несоответствие между количеством прилагательных-цветообозначений и количеством цветов, практически различаемых зрением. В свое время такое явление дало основание для возникновения псевдонаучных взглядов и теорий, утверждающих, что если в языках отсутствуют специальные термины для обозначения тех или иных оттенков цветовой шкалы, то эти народы не различают их и практически[1]. Из предложенной хантам р. Юган цветовой шкалы, состоящей из шестнадцати оттенков различного цвета, информантами были названы только четыре цвета: *нэви* 'белый', *пыхтэ* 'черный', *виртэ* 'красный', *востэ* 'синий'. Остальные цвета ими не были выделены и складывалось впечатление, что они для хантов «не существуют». Однако в ходе дальнейших выяснений удалось установить, что предложенные цвета и их тончайшие оттенки передаются описательно, хотя «абстрактных», отвлеченных терминов для них и не существует. Так, темно-фиолетовый цвет можно назвать *пыхтэ-востэ* (буквально 'черно-синий', а светло-фиолетовый — *сагум сык курасып* (букв. 'сок черники похожий'). Светло-зеленый обозначается словосочетанием *«нярых пум* 'свежая трава', темно-зеленый — *пыхтэ нярых пум* 'черная свежая трава', светло-коричневый — *люк мок* 'маленький глухарь', темно-коричневый — *ем кар* 'черемухи кора', желтый — *айневрем поть курасып* 'маленького ребенка испражнения похожий', оранжевый — *тугур* 'гнилое дерево', красно-оранжевый — *кориенк курасып* 'отвар коры лиственн-

[1] См., напр.: Шерцль В. И. Названия цветов и символическое значение их. Воронеж, 1884, с. 23.

ницы похожий'[2], оранжево-коричневый — *пой-кар* 'кора осины', серый — *торэх* 'журавль'. Кстати, данный термин прочно закрепился за названием сукна, привозимого купцами для хантов, а еще позднее им стали называть солдатскую шинель.

Приведенные термины являются наиболее распространенными стереотипами. Следует однако заметить, что в разговорной речи часто фигурируют и другие слова. Цвет того или иного предмета может передаваться самым различным образом, в зависимости от окружающей местности и предметов, хорошо знакомых хантам. Иногда цвет сравнивают с сухим или сырым песком, с осенними листьями осины, свежими листьями деревьев и т. д. Затруднения в обозначении представляют те случаи, когда в окружающей действительности отсутствует «эталон» для сравнения, как это имело место, например, при определении бирюзового цвета. В подобных случаях информанты утверждали, что «нет такого цвета» или «нет названия». Если для характеристики оттенка «темный» применяется термин *пыхтэ,* буквально означающий 'черный', то для подчеркивания оттенка «светлый» применяется термин *нэви,* буквально означающий 'белый', или термин *волэк,* буквально означающий 'светлый, прозрачный'. Так, *волэк востэ* будет обозначать 'светло-синий', т. е. голубой. Термин *сив* одновременно имеет следующий ряд значений: 'украшение, цвет, краска, примесь'.

Таким образом, способность различать хантами оттенки цветовой шкалы, конечно, не может подлежать никакому сомнению. Понятным становится и отсутствие в словаре некоторых прилагательных-цветообозначений. Объясняя данное явление, один из ведущих советских психологов А. Р. Лурия указывал, что богатство цветовых обозначений одних языков и бедность других не является биологической особенностью носителей этих языков, а является результатом того, что в условиях различных культур цвета имеют не одинаковое практическое значение[3]. Данный автор, ссылаясь на результаты исследований самых разных культур, приводит примеры, когда у отдельных народов существуют десятки названий для оттенков белого цвета (важность различия оттенков снега), а оттенки красного и зеленого цветов не находят отражения в словаре. К аналогичному выводу, основанному на громадном

[2] Отвар коры лиственницы используют для дубления и окраски шкур животных, идущих на изготовление обуви и одежды.

[3] Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974, с. 35.

количестве материалов, пришли американские исследователи М. Коул и С. Скрибнер[4]. Не является уникальным и употребление хантами для обозначения цветов прилагательного в качестве существительного (возьмем пример с серым цветом).

Аналогичные примеры можно найти и у других народов. «На архипелаге Бисмарка — пишет Л. Леви-Брюль,— нет особых названий для обозначения цвета: данный предмет сравнивают с другим, цвет которого взят как бы за образец. Словом «ворона» обозначают предметы, имеющие черный цвет»[5]. Возможно, что те четыре цвета, которые мы назвали абстрактными (белый, черный, красный и синий), точно так же происходят от цвета конкретных вещей; ответ на этот вопрос может дать только детальный лингвистический анализ. Так, Л. А. Алиткина приводит этимологию названий почти всех цветов в селькупском языке[6]. В своем большинстве они происходят от названий широко распространенных объектов природы. Нам представляется, что наиболее важно ответить на вопрос о том, почему в языке хантов, а также и других народов, сохранивших в своей культуре некоторые древние черты, одни термины-цветообозначения являются отвлеченными, «устоявшимися», тогда как другие цвета передаются описательно, а потому и неодинаковым способом. Зеленый цвет хантам известен так же хорошо, как белый или черный, однако у него нет «своего» термина. В связи с этим интересным явлением, очевидно, уместно вспомнить ту символику, которую имеют в культуре хантов белый и черный цвета.

Белый цвет символизирует добро, общее благополучие, удачу и т. д. По представлениям хантов, небесный бог *Торум,* поборник справедливости, выглядит седым старцем, живущим на небе. На небе растет белый березовый лес, и в прошлом подарки *Торуму* подвешивали на березу. У южных хантов это божество *Сангэ,* и этот термин обозначает одновременно свет, белизну. У васюганских хантов священными являются все животные и птицы, имеющие белый цвет: горностай, лебедь, а также животные-альбиносы. У них же охотничью добычу предвещал образ лося из белого камня, якобы внезапно появляющийся из-под земли перед охотником;

[4] См.: Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977, с. 123—154.

[5] Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930, с. 112.

[6] См.: Алиткина Л. А. Прилагательные-цветообозначения в селькупском языке.— В сб.: Языки и топонимия. Томск, 1977, вып. 4, с. 62—70.

такую же удачу предвещал и белый камень, который иногда находили при свежевании лося.

Черный цвет, наоборот, символизирует, болезнь, смерть, подземный мир, тьму, страх. По представлениям хантов, «бог» подземного царства *Кынь-ики* (букв. 'болезней старик') — человекоподобное существо, одетое во все черное, откуда его другое название — *Пыхтэ сакын ики* ('черное платье старик'). Считалось, что он любит все черное, поэтому жертвовались ему куски тканей, одежда черного цвета, а жертвы приносились в густых зарослях или закреплялись на пихте. Местом обитания злых наземных духов считались заросли черемухи или чащи островов. По представлениям хантов нижний мир хотя принципиально и не отличался от среднего, но тем не менее «там темно, сыро, неуютно». Рыбами мертвецов считались налим и карась из-за их способности закапываться в ил. Ханты считали, что выходящие за живыми людьми из мира мертвых покойники любят темноту, поэтому действуют ночью; они специально крадут луну, чтобы сделать ночь еще темней (лунное затмение). Для хантов правила поведения ночью были совсем иными, чем в дневное время. Белый и черный цвета использовались хантами при изготовлении шаманской одежды[7], причем совершенно очевидно ,что они несли какую-то смысловую нагрузку и применение их было не случайным. К сожалению, в свое время подробных сведений об этом получить не удалось. Возникает предположение о связи белого и черного цвета с камланием в верхний или нижний мир, хотя оно не всегда подтверждается материалами.

Приведенная символика белого и черного цвета, конечно, не является характерной только для хантов. Подтверждающих примеров можно найти громадное количество не только у сибирских народов, но и за пределами азиатского континента, что, несомненно, указывает на древность и живучесть представлений, аналогичных описанным. Известно, что исследователи некоторых культур приводят достаточное количество сведений, раскрывающих амбивалентность символизма красного: оно сочетает в себе символику как белого, так и черного, но в материалах наших экспедиций имеются лишь косвенные указания: если красный цвет ассоциируется с огнем (огню делались жертвоприношения в виде кусков ткани, головных платков красного цвета, крови), то сам огонь

[7] См.: Кулемзин В. М. Шаманство васюганско-ваховских хантов.— В кн.: Из истории шаманства. Томск, 1976, с. 48—51, 69—70.

воспринимался двояко: как очистительное средство и как сила, способная к полному уничтожению предметов материального и сверхъестественного мира. Информанты указывали на символическое значение и других цветов, связывая их с цветом промысловых животных [8].

Представляется, что поиски цветовой символики не лишены перспективы, вполне возможно, что данные выводы несколько преждевременны и ограничены небольшой частью имеющихся материалов, поскольку многое осталось за пределами наших знаний духовной культуры этого народа. В приведенном сообщении я хотел лишь подчеркнуть, что устойчивость названий белого и черного цветов может быть объяснена не только различиями в зрительном восприятии цветового спектра, но и той символикой, которая своими корнями уходит в глубочайшую древность.

---

[8] См.: Там же, с. 73.

Н. В. ЛУКИНА, О. М. РЫНДИНА

О СЕМАНТИКЕ ОРНАМЕНТА ВОСТОЧНЫХ ХАНТОВ

Внимание к орнаменту как к историческому источнику в последнее время неуклонно возрастает. При этом многие проблемы, для решения которых требуется дальнейшее изучение орнамента, остаются спорными. В частности, нет единого мнения по вопросу о том, насколько устойчивы местные названия. Приведем высказывания по этому поводу двух широко известных исследователей. С. В. Иванов в одной из своих работ отмечает: «Для нас прежде всего важен вполне доказанный факт крайней неустойчивости местных названий орнаментальных мотивов»[1]. В. Н. Чернецов считает иначе: «Все орнаменты имеют свои названия, весьма устойчивые, если принять во внимание обширную территорию их распространения. Встречающиеся иногда в некоторых названиях колебания, кажется, следует скорее рассматривать не как локальные вариации, а просто как забвение или смешение их отдельными лицами»[2].

Попытаемся проследить степень устойчивости местных названий орнаментальных мотивов на материалах восточных хантов, которые проживают в бассейне притоков Оби — Васюгана, Ваха, Югана, Агана, Салыма, Пима и Тромъегана. Материалы относятся ко времени с начала XX в. и по 1970-е г., хранятся они в музеях[3] или собраны авторами не-

[1] Иванов С. В. Народный орнамент как исторический источник. — СЭ, 1958, № 2, с. 12.

[2] Чернецов В. Н. Орнамент ленточного типа у обских угров. — СЭ, 1948, № 1, с. 143.

[3] Н. В. Лукиной изучены коллекции Томского областного краеведческого музея (сборы М. Б. Шатилова, 1926 г. и др.), Тобольского государственного музея-заповедника (сборы Г. С. Дмитриева-Садовникова, 1914 г., Л. Р. Шульца, 1911 г. и др.), Государственного музея этнографии народов СССР (сборы Р. П. Митусовой, 1923, 1925 гг. и др.), Музея антропологии и этнографии АН СССР (сборы И. М. Мягкова, 1932 г.; И. С. Гудкова и В. П. Сенкевич-Гудковой, поступление 1945 г. и др.).

посредственно у хантов[4], использованы также литературные данные[5].

При первичной выборке выяснилось, что некоторые названия встречаются лишь на одной реке. Больше всего таких названий относится к р. Вах: *пёх-ох* 'сосновые шишки'; *вясэх-пайлан* 'крыло утки'; *вайах-пахал-канча* 'след дичи'; *вели-лонк-канча* 'лапа дичи'; *воке-лар-канча* 'лапа лисы'; *нором-сас-лёк-канча* 'след куницы'; *кутерки-чун-лер-канча* 'полоска на спине бурундука'; *сас-лок-канча* 'пятка дичи'; *пор-кат-канча* 'чум; *пёнк-кёр* 'рябчик'; *пэлэйен-канча* 'зубец скалы'; *чухи-йохол-канча* 'радуга'; *сур-канча* 'оленье пастбище' и др.[6]. Однако выделяется определенная группа названий, которые встречаются не только на одной реке. Эти названия приведены в табл. 1 с указанием числа зафиксированных случаев на каждой из рек.

Первый вопрос, который следовало выяснить,— не объединяются ли под одним названием разные орнаментальные мотивы? Проанализируем приведенные названия. «Заячьи уши» — встречается у всех групп восточных хантов, кроме салымских, пятнадцать раз оно отнесено к мотиву, изображенному на рис. 1*а*. Обращает на себя внимание тот факт, что даже при значительном усложнении мотива за ним сохраняется это название. Например, мотив на рис. 1*б* тоже называется «заячьи уши». Интересно, что когда мы попросили мастерицу показать, где же в этом узоре «заячьи уши», она закрыла все усложнения, оставив лишь мотив, как на

[4] Материалы этнографических экспедиций под руководством Н. В. Лукиной, организованных Томским университетом в 1969—1978 гг., хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири ТГУ.

[5] См.: Sirelius U. T. Ornamente auf Birkenrinde und Fell bei den Ostjaken und Wogulen. Helsingfors, 1904; Semayer W. Wogulisch-ostjakische ornamentierte Rindergefässe. — Anzeiger der Ethnographischen Abteilung des ungarischen Nationalmuseums, Jahrg. XIV. Budapest, (1905) 1908; Vahter T. Ornamentik der Ob-ugrier. — Société Finno-ougrienne, Travaux ethnographiques, IX. Helsinki, 1953; Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX вв.). Народы Севера и Дальнего Востока. М.—Л., 1963; Лукина Н. В. Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа). Томск: Изд-во ТГУ, 1981 и др.

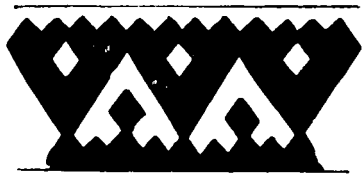
[6] Sirelius U. T. Op. cit. Здесь и далее (по техническим причинам) хантыйские слова переведены из транскрипции, использованной разными авторами, в русский алфавит.

Таблица 1

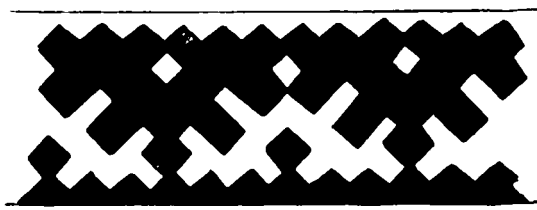
Название мотива	Вах	Пим	Аган	Юган	Тромъеган	Салым	Без указания реки
Чехур-пэль 'заячьи уши'	3	2	5	1	11		6
Кор-онат 'оленьи рога'		2	3	1	1		3
Сугмент-юх 'березовая ветвь'	4		6	2			5
Ворын-отнас 'кедровок стая'	3	1	1	1	2		
Пут-лих 'сошки тагана'		1	4		3		
Амп-ляголь 'собачья лапа'		1	3		3		2
Сорт-пенк 'щучьи зубы'	1		2		7		1
Пирна 'крест'	1	1	1	1	2		
Пирна-кёр 'крест-голова'		1			1		
Чжоу-ох 'тучи на небе'	2		12	1	1		2
Комалки 'жук'			1		4		
Сапарки 'лягушка'		2			2		
Тэгу-нют 'лошади нос'			5	1			2
нанк-торт 'корни лиственницы'	5			2		1	1
танки-пёнк 'белки зуб'	1		1				2
'соболь'	2						1
Кенкунни 'локоть песца'			1	2			1
'змея'	1					2	

рис. 1 *а*, и повторила вновь то же название. Материал, таким образом, показывает, что существует устойчивая связь между определенным мотивом и его названием «заячьи уши», причем иногда название оказывается консервативнее мотива. Отметим, что в двух случаях название давалось фону, форма которого очень незначительно отклонялась от мотива на рис. 1 *а*. Пример дан на рис. 1 *в*.

Широкое распространение имеет и название «оленьи рога». На Югане, Тромъегане и Пиме пять раз оно давалось одному и тому же мотиву (рис. 2 *а*). В двух случаях такое название было дано несколько иному мотиву (рис. 2*б*). Однако нам кажется, что он укладывается в мотив на рис. 2*а*, являясь более простым. На р. Аган, кроме того, дважды «оленьими рогами» был назван мотив рис. 4*а*, который отличен от мотива 2*а*, но может считаться и усложнением последнего. Название «оленьи рога» иногда дополняется определением «большие» или «маленькие»: мотив на рис. 2*а* называют «большого оленя рога», но вместе с тем и «маленького оленя рога», а мотив на рис. 2*б* имеет имя «большие рога оленя». Таким образом, установить связь этого дополнения с орнаментальным мотивом не представляется возможным. В целом же название «оленьи рога» довольно устойчиво и

а

б

в

Рис. 1. «Заячьи уши»

а

б

Рис. 2. «Оленьи рога»

прочно связано с определенным мотивом на рис. 2*а*. Последнее можно подтвердить и тем, что в имеющемся материале данный мотив под другим названием не встречается.

Переходим к анализу названия «березовая ветвь». Под этим именем на реках Вах, Аган, Юган восемь раз значится одинаковый мотив (рис. 3*а*). Правда, такой мотив дважды назван «корнями лиственницы», по одному разу — «заячьими

ушами» и «крыльями чайки». Кроме того, У. Т. Сирелиус записал название «березовая ветвь» применительно к иному мотиву (рис. 3*б*). Однако мы склонны рассматривать эти факты как исключение не только потому, что случаев совпадения мотивов с названием больше, но и еще по одной причине. Мотив на рис. 3*а* иногда называется не просто «березовая ветвь», а

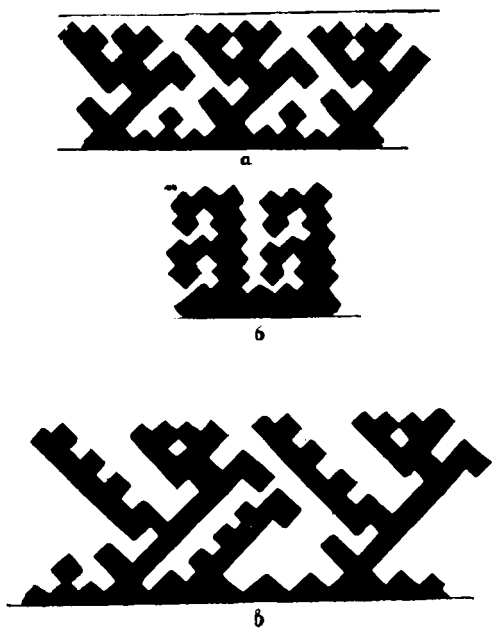

Рис. 3. «Березовая ветвь»

«маленькая березовая ветвь». Более сложный мотив на рис. 3*в* тоже называется «березовая ветвь», но чаще — «большая березовая ветвь», «двойная березовая ветвь», «многочисленные ветви березы». Таким образом, в названии подчеркивается большая или меньшая сложность мотива. С мотивом на рис. 3*а* связано и еще одно обстоятельство: в четырех случаях он называется «сук березы». К сожалению, во всех этих случаях название приводится только по-русски и возможно, что здесь имеет место неточность перевода. Но даже если перевод и верен, то, на наш взгляд, нет принципиальной разницы между названиями «сук березы» и «ветвь березы». По-

этому число совпадений названия с мотивом можно увеличить с восьми до двенадцати.

Несколько названий связано с кедровкой. На Агане, Пиме и Тромъегане три раза встречается название «стая (семья) кедровок», и во всех случаях оно относится к одному орнаментальному мотиву (рис. 4*а*). В связи с частичным изменением мотива происходит и частичное изменение названия. Так, мотив на рис. 4*б* называется «кедровки-малыши», а на рис. 4*в* — «кедровки голова». Изображение на рис. 4*г* и подобные ему также называются «головы кедровок». Возможно, в последнем случае мы имеем дело со стилизацией

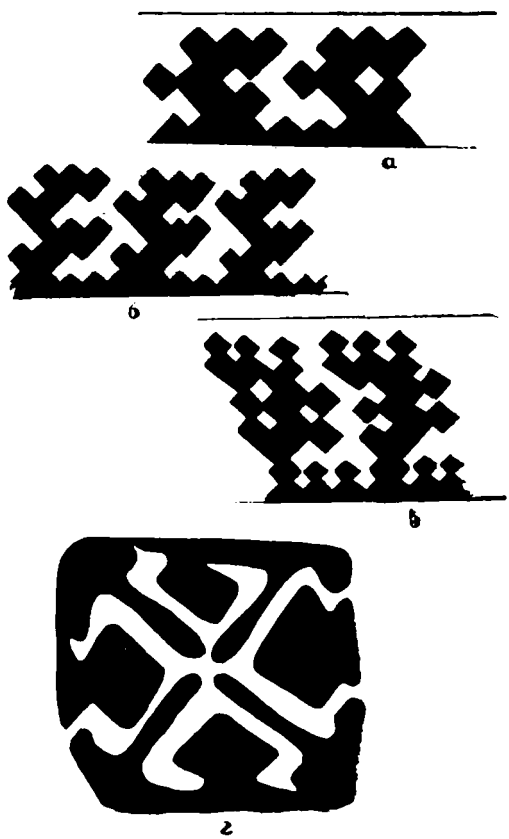

Рис. 4. «Стая кедровок»

мотива. Но не исключено, что здесь нет связи с мотивом, который мы положили в основу (рис. 4*а*). В целом же мы склонны видеть в этом случае устойчивую связь названия с мотивом.

«Сошками тагана» на Агане, Пиме и Тромъегане трижды назван мотив рис. 5*а*. В некоторых случаях это название дано, видимо, фону (рис. 5*б*, 5*в*). На рис. 5*г* изображен мо-

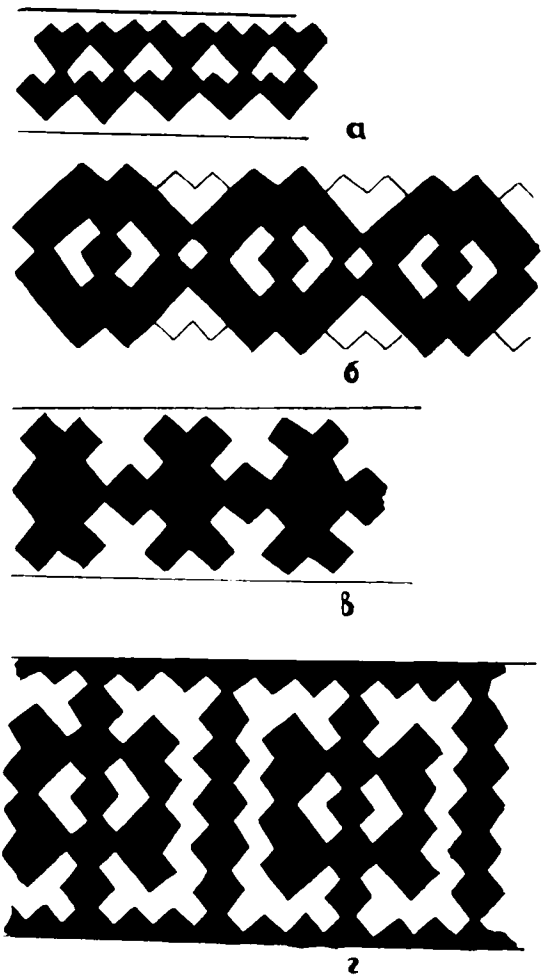

Рис. 5. «Сошки тагана»

тив, также имеющий название «сошки тагана». Этот довольно сложный узор составлен, видимо, из более простых элементов. В данном случае мотив мог получить имя по названию одного из своих элементов, изображенных на рис. 5*а*.

Название «собачья лапа» в четырех случаях из девяти дано мотиву рис. 6*а*. Другого названия для данного мотива в наших материалах нет. На Тромъегане и Агане это название было дано несколько иному, но сходному мотиву (рис. 6*в*). Подобное название давалось, вероятно, не только узору, но и фону, пример дан на рис. 6*б*. Как видим, в данном случае существует связь между названием и мотивом.

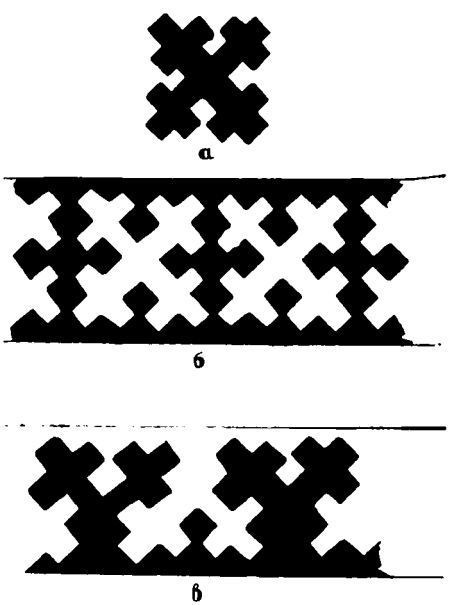

Рис. 6. «Собачья лапа»

Название «щучьи зубы» распространено весьма широко и связано с ломаной линией (рис. 7*а*). Но ломаную линию можно рассматривать и как расположенные в ряд треугольники. В некоторых случаях это выступает особенно явственно (рис. 7*б* и 7*в*). Не исключена возможность, что под названием «щучьи зубы» понимается ряд треугольников.

Косой крест и узоры, составленные из него, называются «крест» (рис. 8*а*). Фигура, составленная из ромбов (рис. 8*б*), тоже называется «крест», но значительно чаще «крест-голова». Если похожую форму имеет фон, то и ему дается название «крест» или «крест-голова» (рис. 8*в*).

Название «тучи на небе» шестнадцать раз отнесено к мотиву рис. 9. Он широко распространен у восточных хантов. Помимо указанного названия, он был записан как «головки», «сосновые шишки». Но эти названия единичны. Иногда мотив называется *чух-ох*. Точного перевода этого термина нет, известно лишь, что он означает «голова». *Чух-ох* и *чжоу-ох*

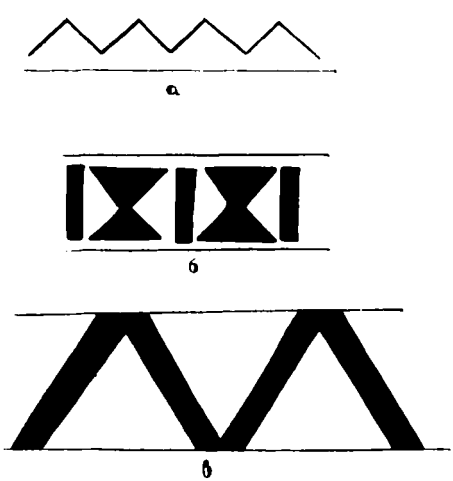

Рис. 7. «Щучьи зубы»

вполне могут оказаться различными вариантами записи одного и того же термина.

С мотивом, изображенным на рис. 10*а*, связаны два названия — «жук» и «лягушка». Других названий у этого мотива не обнаружено. Трудно отдать предпочтение какому-либо из двух названных терминов. На р. Аган этот мотив назвали «жуком», на р. Пим — «лягушкой», а на р. Тромъеган — тем и другим; причем названия везде зафиксированы по одному разу. Встречается и более простой мотив (рис. 10б), он дважды назван «маленькой лягушкой» и один раз «жуком». В связи с этим названием упомянем следующий факт. Мотив рис. 10*в* был выполнен

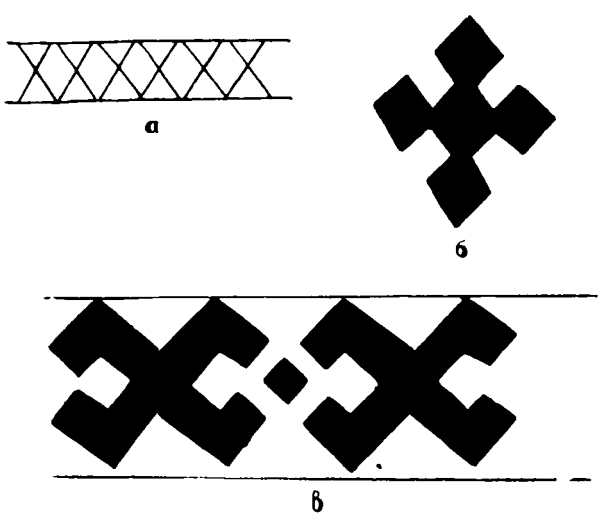

Рис. 8. «Крест» и «крест-голова»

из бисера молодой хантыйской девушкой по образцу, заимствованному в журнале «Крестьянка». Название «жук» ему дали женщины старшего возраста, когда увидели нашу зарисовку. И действительно, мотивы на рис. 10*а* и 10*в* имеют немало общего. Итак, мотив рис. 10*а* имеет два названия, с каждым из которых он связан в равной мере.

Рис. 9. «Тучи на небе»

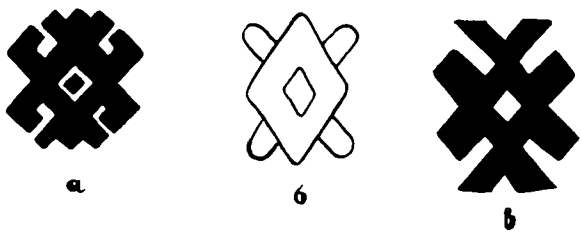

Рис. 10. «Жук» и «лягушка»

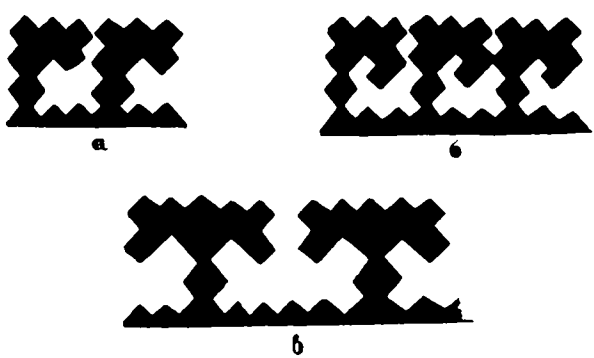

Рис. 11. «Лошади нос»

Довольно распространенным является название «лошади нос». Оно дано мотивам рис. 11*а*, 11*б*, 11*в*. Различия между мотивами столь незначительны, что они могут быть сведены к одному. Мотив 11*а* назван так дважды. И все-таки в этом

случае трудно установить определенную связь между мотивом и названием «лошади нос», так как мотив рис. 11*а* трижды был назван «корнями кедра».

Часто встречается и название «корни лиственницы *(нанкторт)*, но оно применяется не для совершенно одинаковых мотивов (рис. 12*а*, 12*б*, 12*в*). Мотив, очень близкий к 12*а* в трех случаях был назван «корнями кедра» *(нахгорн-торт)*. Связь между приведенными названиями и мотивами может

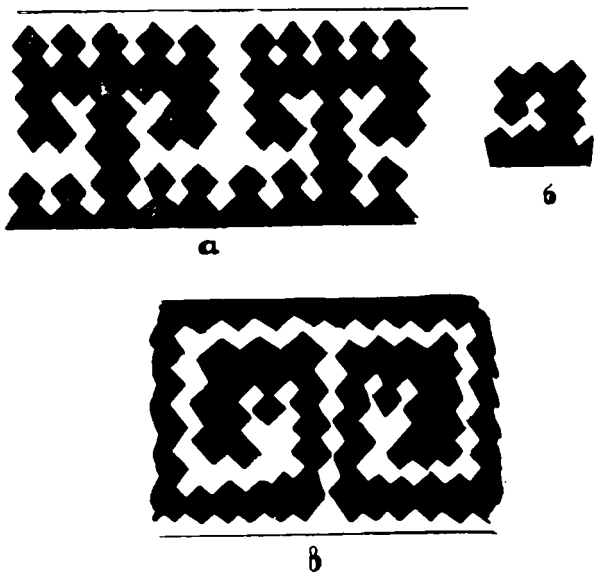

Рис. 12. «Корни лиственницы»

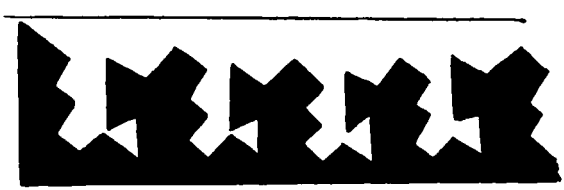

Рис. 13. «Зуб белки»

быть определена после точного перевода хантыйских терминов.

Название «зуб белки» встречается четыре раза. Трижды оно отнесено к мотиву рис. 13 и однажды к мотиву 12*б*.

В этом случае есть основания говорить о связи мотива с названием.

О названии «соболь» сведений мало. Оно встречается лишь дважды и оба раза относится к одинаковым мотивам (рис. 14*а*). Даже часть этого мотива имеет связь с названием. Изображение на рис. 14*б* носит имя «длинного соболя туловище». Но мотив рис. 14*а* дважды был назван «корнем кедра» и однажды — «корнем осины». Итак, в данном случае четкой связи между названием и мотивом не выявляется.

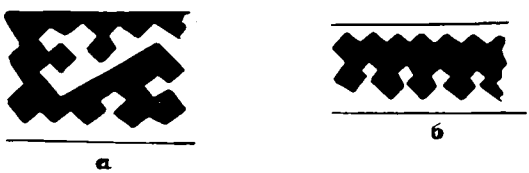

Рис. 14. «Соболь»

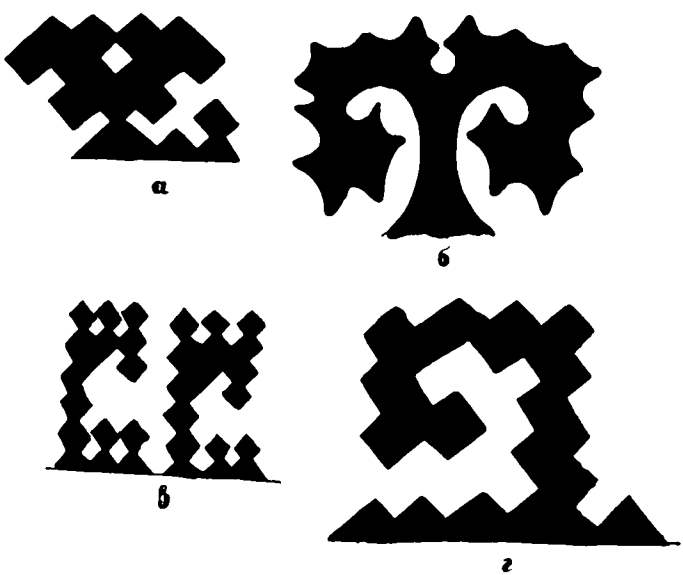

Рис. 15. «Локоть песца»

Не дает возможности материал установить и связь между названием «локоть песца» и определенным мотивом. Это название относится к рис. 15*а*, 15*б*, 15*в*. Кроме того, мотив на

рис. 15*г* именуется «лапа песца» (имеется только русское название).

На двух реках было зафиксировано название «змея». Но на Вахе так назвали волнистую линию, на Салыме — S-образный элемент, на Агане же волнистую линию назвали «волны».

Итак, анализ наиболее распространенных названий, данных в табл. 1, показывает, что некоторые из них несомненно связаны с определенным мотивом. Они занесены в табл. 2, где цифрой показано число совпадений названия и мотива.

Таблица 2

Число совпадений названия мотива и орнамента

Название мотива	Вах	Пим	Аган	Юган	Тромъеган	Без указания реки
Заячьи уши	3	1	3	1	3	5
Оленьи рога	3	1		1	1	2
Березовая ветвь	4		4	1		3
Кедровок стая		1	1		1	
Сошки тагана		1	3		3	
Собачья лапа		1	1		2	1
Щучьи зубы	1		2		7	1
Крест	1			1		1
Крест-голова		1			3	
Тучи на небе			12	1	1	2
Зуб белки	1		1			1

Из восемнадцати анализируемых названий к устойчивым мы относим одиннадцать. Если учесть, что всего в материале было сорок пять названий, то эти одиннадцать составляют 24,4%. Очевидно, есть основание говорить о существовании у восточных хантов группы устойчивых названий орнаментальных мотивов. Но эта группа не так уж велика. К тому же в ней имеются нарушения связей между названием и мотивом. Так, мотив на рис. 7*в* кроме довольно устойчивого названия «щучьи зубы» в одном случае на р. Вах назван «следом выдры»; этот же мотив, но в несколько ином исполнении (рис. 12*б*) в одном случае назван «пятка дичи». В ряде случаев мотивы выявленной группы лежат в основе более сложных мотивов (примеры с «кедровками-малышами», «березовой ветвью», «заячьими ушами», «сошками тагана»).

В заключение отметим два момента. В процессе сбора материала среди хантов мы следовали совету С. В. Иванова (полученному в устной беседе) о необходимости выяснения

у информаторов, чему дается название — мотиву или фону. Практика показала, что название чаще дается рисунку, но иногда и фону. В беседах с мастерицами выяснилась еще одна любопытная деталь. В некоторых случаях они «видят» в сложном узоре какой-то более простой, но излюбленный ими мотив или элемент и по нему дают название всему узору. Это обстоятельство следует учитывать как при сборе материала по семантике орнамента, так и в процессе дальнейшего его изучения.

К. И. КОЗЛОВА

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ СОСЬВИНСКИХ МАНСИ

Происходящий в настоящее время процесс ускоренного народнохозяйственного развития Сибирского Севера с его новой системой территориально-производственного размещения старожильческого и пришлого населения оказывает существенное воздействие на образ жизни и формы этнокультурного общения коренных этнических групп (хантов, манси, ненцев и др.), включенных в эту систему на базе внутренней миграции и укрупнения населенных пунктов. На Обском Севере, в частности в Березовском районе, подвергнутом нашему обследованию[1], типичными становятся новые благоустроенные поселки со смешанным этническим составом жителей — коренных национальностей и приезжих русских, находящихся между собой в тесном производственном и социально-бытовом взаимодействии. Например, селение Няксимволь, расположенное в верховьях Северной Сосьвы, стало центром сосредоточения окружающего населения. Сюда почти полностью переселились манси из небольших селений Яныпауль, Усть-Тапсуй, Нёрохи и частично из других селений, входящих в Няксимвольский сельсовет. В Няксимволе, помимо манси, значительный процент населения составляют коми-ижемцы, а также русские. Поселок Сосьва, расположенный в среднем течении Северной Сосьвы, является центром всех населенных пунктов, составляющих обширный Сосьвинский сельсовет. Манси из небольших селений, таких как Шомы, Патрасуй, полностью перебрались в Сосьву. Отдельные семьи переселяются и из других селений. В Сосьве со-

[1] Данная статья написана на материалах этнографических экспедиций Московского университета в 1977—1978 гг. под руководством автора статьи. В экспедициях принимали участие студенты кафедры этнографии исторического факультета МГУ Е. Гуленкова, И. Качанова, Е. Шишова и Л. Дементьева.

средоточено значительное число манси, кроме того, там живут русские и немногие представители других национальностей Севера.

Концентрация мансийского населения в крупных поселках, вызванная потребностями повышения эффективности местного промыслового хозяйства за счет модернизации техники и более совершенной организации труда, а также потребностями улучшения культурно-бытовых условий жизни коренного населения, способствует изменению его образа жизни.

В районах расселения манси вместо мелких рыболовецких колхозов и других промысловых артелей созданы совхозы и крупные кооперативные промыслово-охотничьи хозяйства с отделениями на местах. Помимо традиционных видов занятий — охоты и рыболовства, эти хозяйства включают и другие отрасли, такие как заготовка и обработка древесины, содержание молочного скота, звероводство. Например, в укрупненных поселках Няксимволь и Сосьва существуют местные отделения Березовского промыслово-охотничьего хозяйства. Основным занятием населения в Няксимволе является охота. Кроме того, здесь есть рыболовецкая бригада и работает пилорама. Большинство населения Сосьвы занято в рыболовстве. Выловленная рыба поступает на Березовский рыбокомбинат. В Сосьве имеется звероферма чернобурых лисиц.

Производственные бригады в различных отраслях хозяйства обычно смешанные по своему этническому составу, но большинство манси занято в традиционных для них промыслах — рыболовстве и охоте.

При изучении современного образа жизни манси большой интерес представляет исследование соотношения реорганизуемого материального производства и существующих трудовых традиций. Оснащение промыслового хозяйства новой техникой усиливает тягу мансийской молодежи к ее освоению. Среди молодых манси много желающих попасть в школу механизаторов в Ханты-Мансийске, чтобы после ее окончания вернуться в родные места.

Профессии рыбака, охотника продолжают сохранять свое престижное значение, чему в немалой степени способствуют удерживающиеся здесь промысловые навыки, а также высокие заработки охотников и рыбаков. У подрастающего поколения большим уважением пользуются передовые охотники и рыбаки. Им подражают, с них берут пример. Передача

опыта в охотничьем и рыболовном промыслах от поколения к поколению происходит не только в семье, так как большинство родителей-манси продолжают работать в промысловом хозяйстве, но и в процессе совместной производственной деятельности разных поколений в рыболовецких и охотничьих бригадах, куда вливается молодежь после окончания школы.

Совершенствование местных промыслов и организация новых отраслей хозяйства полностью поглощают мужской труд и предоставляют возможности для роста его квалификации, но не создают достаточных условий для полной занятости женщин в общественном производстве. В небольших мансийских селениях женщины по-прежнему продолжают заниматься главным образом домашним хозяйством, которое в значительной степени сократило свой объем, так как почти полностью исчезло домашнее изготовление необходимых вещей, столь характерное для манси в прошлом. Теперь большинство необходимых предметов домашнего обихода и одежды приобретается в магазинах, сократилось время и на воспитание детей, ибо все дети школьного возраста учатся в школах-интернатах.

В укрупненных поселках больше возможностей для применения женского труда в общественном производстве. Женщины-манси работают на молочных и зверофермах там, где они имеются, но в подавляющем большинстве они заняты в сфере обслуживания, однако это, как правило, неквалифицированный или малоквалифицированный труд. Девушки-манси после окончания школы стремятся приобрести специальность, с этой целью едут учиться преимущественно в медицинское и педагогическое училища в Ханты-Мансийске, где для них созданы особые условия, а также в профессионально-технические училища в города Тюменской области. По окончании учебы не все из них возвращаются в родные селения, так как не всегда есть возможность получить работу по специальности, поэтому они работают в разных местах в пределах округа или области.

Этнокультурные контакты сосьвинских манси с окружающим населением в современных условиях принимают различные формы. В старых, как правило, небольших поселках, где манси составляют подавляющее большинство, этнокультурные контакты в значительной степени ограничены и осуществляются преимущественно за пределами поселка, затрагивая главным образом только внешние стороны быта. Боль-

шую роль в этих контактах играет молодежь, поддерживающая тесные связи с родным селением.

Иные формы принимают этнокультурные контакты манси в укрупненных поселках. Прочное оседание на одном месте, в гетерогенной этнической среде приводит к ломке устоявшегося веками привычного образа жизни. Но чтобы привыкнуть к новой обстановке, необходимо время и соответствующие условия. Постепенно появляется потребность отбросить некоторые старые бытовые привычки и выработать новые, влиться в необычное этническое окружение, приспособиться к стилю жизни крупного поселения, выработать также новый стереотип поведения. У манси соответственно изменяются ценностные ориентации при выборе профессии.

Труднее всего адаптация к новым условиям дается старшему поколению. Поэтому неудивительно, что некоторые манси пенсионного возраста остаются жить в заброшенных поселках без электричества, радио, магазина и т. п. Бывает так, что пожилые манси, переехавшие со своими родными в укрупненные селения, возвращаются хотя бы на короткое время на старые места жительства. Особенно это наблюдается в летний период.

В укрупненных поселках создаются все необходимые условия для повышения культуры быта: снабжение электроэнергией позволяет пользоваться всеми бытовыми электроприборами, в домах устанавливаются газовые плиты с привозными газовыми баллонами; в поселке несколько специализированных магазинов, пекарня, общественная баня, Дом культуры, аптека, почта, больница, детские ясли, детский сад, средняя школа-интернат, аэроплощадка для приема самолетов, связывающих укрупненный поселок с районным центром, и т. п.

Улучшение быта не сразу становится потребностью старшего и среднего поколения манси, особенно женщин, в ведении которых находится бытовая сторона жизни семьи. В первую очередь происходят изменения в потреблении предметов материальной культуры. Обосновываясь в укрупненном поселке, тесно связанном с внешним миром, со сложившимися традициями и стереотипом поведения, манси вынуждены принимать существующие элементы материальной культуры, характерной для большинства жителей такого посслка.

На новом месте поселения манси уже не строят маленьких низких домиков с одним жилым помещением. Их дома

по внешнему виду ничем не отличаются от домов других жителей поселка, преимущественно русских и коми-ижемцев. Но, например, в поселке Няксимволь получилось так, что манси стали селиться в одной стороне поселка, где они сохраняют некоторые старые традиции в строительстве и использовании жилого помещения.

Во внутренней планировке дома манси тоже стремятся отгородить кухню и выделить одну-две жилые комнаты. В благоустройстве жилища мансийским женщинам большую помощь оказывают женские советы, имеющиеся при сельских Советах. Бытовые комиссии женсоветов следят за благоустройством и чистотой жилищ в поселке, в том числе и мансийских, помогают семьям манси оборудовать свое жилище. Например, в укрупненных селениях на Северной Сосьве срубные дома коми и русские штукатурят и белят изнутри известью. То же делают и манси, подражая местному обычаю. Еще в школе девочек-манси знакомят с элементарными правилами домоводства, что отражается на содержании жилища. Особенно это бросается в глаза в домах молодоженов, где всегда выделена кухня и чаще две комнаты, которые обставлены современной мебелью и содержатся в чистоте.

У среднего, а особенно старшего поколения манси современная мебель и другие предметы домашнего обихода еще не стали повседневной потребностью в их домашней жизни: сказывается старая привычка жить в тесном помещении и обходиться минимумом вещей.

Перестройка быта манси затрагивает и другие стороны их материальной культуры, в частности одежду. У сосьвинских манси еще сохраняются некоторые элементы традиционной одежды, преимущественно у пожилого и среднего поколения женщин, но в современных условиях эта одежда не претерпевает изменений в направлении приспособления к новым моделям костюма, а постепенно выходит из употребления. Из традиционной одежды еще продолжают бытовать рубахи-платья из ярких однотонных, теперь часто и пестрых, хлопчатобумажных и шелковых тканей традиционного покроя (на кокетке, с длинным рукавом и орнаментацией в виде полос мелких геометрических узоров, выполненных аппликацией из светлой, преимущественно белой ткани). Эти платья носят с бусами и украшениями из бисера собственного изготовления.

Голову покрывают платками, по-прежнему наиболее любимыми остаются яркие пестрые шерстяные платки с кистя-

ми. Традиционные платья носят в сочетании с самой различной современной верхней одеждой и обувью, чем совершенно нарушается национальный колорит мансийского костюма. Ношение традиционной одежды местными манси воспринимается как яркий признак этнической принадлежности. В беседах с молодыми женщинами и девушками-манси, которые уже не носят традиционных платьев, нам приходилось слышать о желании сшить такое платье из красивого шелка «на память».

Традиционная меховая зимняя одежда также утрачивает свое значение при жизни в укрупненном поселке. У многих она хранится в сундуках, особенно женская. Мужская употребляется чаще, главным образом когда мужчины отправляются в дорогу или на промысел далеко от дома. Повсюду еще бытует меховая обувь, и некоторые мансийские женщины шьют ее не только для своей семьи, но и на продажу, так как такую же обувь зимой носит и все окружающее население. Широкое применение получила обычная зимняя одежда, приобретаемая в магазинах.

Таким образом, сосьвинские манси еще сохраняют навыки изготовления традиционной одежды, но круг ее бытования все время сужается, меньше становится мастериц, обладающих высоким искусством ее орнаментации.

Что же касается традиционной духовной культуры, выражавшейся в прошлом у манси преимущественно в бытовании различных жанров фольклора, следует отметить, что в настоящее время она почти полностью исчезла. С трудом, даже среди старшего поколения, можно найти людей, которые еще помнят немногие произведения фольклора. Среднее поколение и особенно молодежь не проявляют особого интереса к мансийскому фольклору.

Старшее поколение, не участвующее уже в производственной деятельности и живущее в старых селениях, выступает носителем старых традиций, стремится сохранить свой привычный образ жизни. Необходимые в современных условиях новации в быту не затрагивают самой сущности быта этого поколения, не вносят каких-либо изменений в восприятие им окружающей среды. При переселении в укрупненные поселки оно не в состоянии сохранить старое жилище, но старается уберечь традиции его использования, многие элементы традиционной одежды, традиционную пищу и патриархальные семейные обычаи и обряды.

В образе жизни людей среднего поколения, как правило,

сочетаются традиционные явления и новшества, привнесенные современными бытовыми потребностями, а также непосредственным воздействием окружающей инонациональной среды в процессе повседневного общения как на производстве, так и в быту.

Новации охватывают главным образом сферу материальной культуры. Семья приобретает различные предметы убранства дома и утварь, но не все они используются по назначению, иногда совсем не используются. Чувствуется привычка обходиться немногими предметами домашнего обихода, характерная для жизни в юртах, т. е. новые предметы благоустройства быта еще не стали повседневной потребностью, хотя уже имеется стремление обзавестись ими.

Сложнее обстоит дело с духовной культурой. Большинство манси среднего поколения, как мы установили по похозяйственным книгам, малограмотны, поэтому потребности в духовном развитии очень низки. Из этого поколения мало кто ходит в кино, пользуется библиотекой, хотя в укрупненных поселках существуют возможности для культурного роста.

Глубина воздействия традиций на поведение людей в первую очередь связана с условиями социализации молодого поколения. У манси эти условия на протяжении жизни трех поколений претерпели значительные изменения, особенно в последнее время. Как известно, социализация подрастающего поколения начинается в семье. По отношению к манси следует отметить, что социализация детей в их семьях происходит неодинаково, несмотря на малочисленность манси и отсутствие у них резкой социальной градации. Большое влияние на процесс социализации мансийских детей оказывают: уровень образования родителей, род их занятий, этническое окружение семьи, пребывание детей в дошкольных детских учреждениях, обучение в школе-интернате и другие факторы.

Как было отмечено выше, большинство манси среднего поколения имеют начальное образование, поэтому воспитание детей малограмотными родителями происходит преимущественно в рамках тех традиций, в которых протекало их собственное. В данном случае следует также учитывать местожительство семьи. В небольших мансийских селениях слабее представлены средства коммуникации и соответственно ниже уровень получаемой информации, что, несомненно, отражается на характере социализации. Кроме того, в таких селениях большинство жителей составляют манси, т. е. со-

циализация протекает фактически в однородной этнической среде. Все это способствует закреплению традиционных черт поведения в сознании молодого поколения.

В укрупненных поселках дети, помимо семьи, имеют возможность получить больший поток информации через действующие учреждения культуры, а также благодаря иноэтничному окружению, через общение со своими сверстниками других национальностей в школе, при проведении досуга и т. п. Все это ослабляет влияние традиции.

Большое место в социализации мансийских детей занимают детские дошкольные учреждения и школа. Политика советского государства, направленная на повышение материального и культурного уровня жизни малых народов Севера, уделяет особое внимание подрастающему поколению. Государство берет на себя все затраты по содержанию детей манси в яслях, детских садах и школах-интернатах.

В школах-интернатах, имеющихся в каждом укрупненном поселке, живут и учатся обычно дети манси из других селений, но и местные школьники-манси тесно связаны с интернатом. Так как мансийские семьи обычно многодетны (в среднем в семье бывает 5—7 детей), то часто дети школьного возраста из этих семей получают в интернатах питание, одежду.

Расширение контактов мансийской молодежи с молодежью других национальностей приводит к широкому распространению среди манси гетерогенных в этническом отношении браков. В большей степени в такие браки вступают девушки-манси, которые наиболее мобильны среди мансийской молодежи и имеют более широкие возможности брачного выбора. Насколько мы могли наблюдать, в национально смешанных семьях молодые женщины-манси довольно быстро адаптируются в новой этнической среде.

Таким образом, у мансийской молодежи возникают потребности в приобретении специальности помимо традиционных промыслов, повышении квалификации за счет овладения новейшей техникой, улучшении бытовых условий, более интересном проведении досуга и т. п. У молодого поколения манси вырабатываются новые ценностные ориентации, новые нормы поведения, новые взгляды на жизнь.

А. И. ПИКА

СОСЕДСКАЯ ОБЩИНА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СЕВЕРОМАНСИЙСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

В советской этнографической науке изучение этнической истории народов Северной Сибири всегда велось параллельно с социально-историческим исследованием внутренней структуры организации их общества на разных этапах развития. Такой подход продиктован самой логикой исторических изменений в Сибири, где в XVI—XVII вв. в период вхождения народов Севера в состав Русского государства этнические процессы сопровождались значительными изменениями социально-экономических условий общественного развития.

Большое значение для понимания общественных отношений у народов сибирского Севера в XVI—XIX вв. имеют работы видных советских ученых-сибиреведов Б. О. Долгих, М. Г. Левина, И. С. Гурвича, установивших и осветивших одну из наиболее значительных тенденций в развитии северных обществ в это время — присущий почти всем народам Северной Сибири постепенный переход от родоплеменных связей к территориально-соседским. Процесс распада родовых связей и замена их соседскими, общинными, по мнению Б. О. Долгих и М. Г. Левина, привели к тому, что в XVII—XVIII вв. уже «...не племя, род или фратрия определяли социальную организацию и размещение по территории народов Сибири..., а возникшие в результате распада родовых связей объединения по территориально-соседскому принципу» [1].

В работах этих ученых проделан глубокий историко-социологический анализ различных форм общинной органи-

[1] Долгих Б. О., Левин М. Г. Переход от родоплеменных связей к территориальным у народов Северной Сибири.— ТИЭ. М., 1951, т. 14, с. 97; см. также: Гурвич И. С. Соседская община и производственные объединения у малых народов Севера.— В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970, с. 389.

зации у народов сибирского Севера, разработана типология таких общин, отражающая их фактические структурные особенности, обусловленные различными факторами социально-экономического и хозяйственно-экологического порядка.

Там, где в результате долговременных социально-культурных контактов этнические процессы развивались в направлении интеграции и ассимиляции разноэтнического населения, они протекали в рамках довольно сходных у народов Северной Сибири социальных структур и в значительной степени определялись ими. В этот период в границах более широких территориально-этнических общностей (этнографическая группа населения) соседская община представляла «...постоянное поле многостороннего взаимодействия людей...», т. е., по определению Л. П. Лашука, «автогенную социально-этническую среду», в которой, собственно, и протекали процессы этнической интеграции и ассимиляции[2]. В настоящее время тот факт, что мансийское население бассейна Северной Сосьвы (как этнографически обособленная группа народа манси) сформировалась довольно поздно, вслед за русской колонизацией севера Западной Сибири, является общепризнанным. Тем не менее в истории заселения и контактов хантов и манси в этом регионе еще много неясного. О времени заселения манси этой территории существуют различные мнения. Н. А. Абрамов считал, что манси расселились здесь только к началу XIX в. По мнению С. В. Бахрушина, уже в XVII в. весь бассейн Северной Сосьвы был заселен манси. Б. О. Долгих и Ю. Б. Симченко отнесли завершение миграции манси в бассейн Северной Сосьвы к середине XVIII в. З. П. Соколова и Н. А. Миненко считают, что наиболее интенсивные ханто-мансийские ассимилятивные процессы происходили в 30—40-е гг. XVIII в.[3]. И действительно, основания для столь разных суждений об этнической принадлежности аборигенного населения бассейна Северной Сосьвы имеются, поскольку даже в начале XX в. некоторые исследователи называли сосьвинских манси «вогульскими остяками»[4]. Миграция манси в бассейн Северной Сосьвы из районов верхней Камы, Печоры, с Лозьвы и Пелыма в сере-

---

[2] Лашук Л. П. Введение в историческую социологию. М., 1977, вып. 2, с. 12.

[3] См.: Соколова З. П. К происхождению современных манси.— СЭ, 1979, № 6.

[4] ТФ ГАТО. Фонд Н. Л. Скалозубова. Ф. 147, оп. 2, св. 2, д. 27, л. 74.

дине XVIII в. в той форме, как это описывают ряд исследователей, не объясняет причин, по которым хантыйское население Сосьвы и Ляпина вынуждено было покинуть эти места и отступить на северо-восток к Оби, Казыму и Куновату. Очень внимательные ко всем волнениям среди ясачного населения, источники XVIII в. не содержат каких-либо сведений о конфликтах между хантами и манси в этом регионе. В то же время единичные переселения мансийских групп в аборигенную хантыйскую среду не могли бы заставить хантов уйти из бассейна Сосьвы, тем более, привести к их ассимиляции. Скорее следовало бы ожидать, что манси «растворятся» в хантыйском этносе. По-видимому, проблема формирования этнического состава населения бассейна Северной Сосьвы не может быть удовлетворительно решена только переселением манси и отступлением местного хантыйского населения на другие территории. Важную роль здесь сыграли долговременные этнокультурные контакты хантов и манси в этом регионе. Не исключено, что отмеченный рядом исследователей приток мансийских этнических групп в бассейн Сосьвы и Ляпина в XVIII в. лишь ускорил начавшийся задолго до этого процесс взаимной ассимиляции обских угров в этом регионе. При этом этнические процессы хронологически совпали и сопровождались изменением структуры расселения в процессе становления территориально-соседской общины. Поэтому изучение различных форм и внутренней структуры поселений-общин XVI—XVIII вв., выявление их роли как социальной среды этнических процессов способствовало бы более адекватному представлению о путях формирования этнической принадлежности аборигенного населения Сосьвинского Приобья.

В источниках XVI—XVIII вв. встречаются два обозначения для поселений аборигенного населения — «городок» (ᵘs — сосьв. манси) и «юрты», пауль (pavl — сосьв. манси). В это время, по мнению С. К. Патканова и В. Чернецова, словом пауль называли неукрепленные жилища, расположенные вблизи обычно обнесенного валом и частоколом «городка». По данным С. К. Патканова, площадь этих городков обычно не превышала 70—140 кв. сажень (100—250 кв. м). Такие городки могли вместить небольшое количество жителей. Большая часть населения группировалась вблизи городков в виде селений (пугот — хант., паул, павыл — манс.), «состоявших из большего или меньшего числа жилищ и рас-

положенных часто у подножия таких террас, на которых находились городки»[5].

Хотя поселения-городки часто упоминаются в источниках XVI—XVIII вв., мы встречаем большей частью описание их внешнего вида, военно-оборонительных особенностей и т. п. Значительно меньше достоверных сведений имеется об организации общественной жизни в таких общинах, о взаимоотношениях родовых и патронимических групп, особенностях ведения хозяйства такими общинами. Не выяснены экономические основы имущественно-правовой стратификации внутри общин.

Древние эпические песни и сказания хантов и манси сообщают ряд ценных, по-видимому, реальных деталей, рисуют картину довольно неоднородного в социальном отношении общества. В героических песнях и преданиях обских угров упоминаются «главы городов», старейшины, военачальники. Есть данные о «народных собраниях», бедных и богатых воинах, о патриархальном рабстве и постоянных военных столкновениях.

В конце XV в. на Сосьве и нижней Оби было много укрепленных городков. Отряды военной экспедиции князя Семена Курбского и Петра Ушатого, продвигаясь вниз по Сосьве, а затем по Оби, в 1499—1501 гг. захватили 33 вогульских и остяцких городка в Югре и на Обдоре. Документы конца XVI в. позволяют нам узнать названия этих городков. В жалованной грамоте 1588 г. царя Федора Иоанновича ляпинскому князю Лугую упоминаются подвластные ему «...Куноватский, Ляпинский, Мункесский да Березов городок». Царь приказывает своим воеводам «...не воевать его (князя Лугуя.— *А. П.*) и племя его все и его людей, которые в тех шти городках сидят»[6].

В первой половине XVII в. знания о географии поселений в сосьвинской тайге значительно расширились. В «Книге Большому Чертежу» мы находим подробное географическое описание размещения городков в бассейне Сосьвы и Ляпина: «А по Сосве и по Сысве (имеется в виду Сыгва, т. е. р. Ляпин.— *А. П.*) городы. С верху по Сысве город Юил, а с другой стороны на низ 30 верст Мункус. А ниже Мункуса 30 верст

[5] Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям.— Живая старина, 1891, вып. III—IV, с. 7.

[6] Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв.— В кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955, т. 3, ч. 2, с. 137.

Ляпин. А ниже Ляпина 60 верст, на другой стороне на Сосве — Искар. А ниже 80 верст Тапсы. А ниже верст 40 Нячин, а с другой стороны Заглеи, а ниже Заглеи 50 верст Вороней. А ниже Воронея 50 верст — Хюликар, а ниже Хюликара 60 верст — Эстын. А на усть реки Сосвы с вышней стороны — Махтын а с нижней стороны — Березовой. И те городы по Сысве и по Сосве, Югра»[7]. Во второй половине и в конце XVIII в. «югорские городы» все реже упоминаются в источниках. В XVIII в., когда сведения о поселениях на Сосьве теряют свою географическую новизну и становятся обычными сведениями, необходимыми для административного управления «ясачным» населением, на вопросы историка Г. Ф. Миллера, разосланные им в губернские и уездные города Сибири в 1741 г. из Березовской канцелярии был прислан реестр поселениям «остяков» в Сосьвинской и Ляпинской волостях, где, за исключением Юильского городка, все поселения были названы «юрты». На вопрос Г. Ф. Миллера о старых «остяцких» селениях было сказано, что были у них прежде «ясачные зимовья, как остроги»[8]. Но вот к кон(цу XVIII в. в материалах V ревизии населения (1795 г.) вновь встречаются упоминания о сосьвинских городках. Искарский городок в верховьях Сосьвы — место жительства сосьвинского князца Ивана Сянтлина, в Ляпинской волости — семь городков, из них два на Сосьве — Шоминский городок (51 чел.) и Кугинский городок (54 чел.), а также Шоганский городок (281 чел.), в XIX в. Шоганские хантыйские юрты в верховьях р. Вогулки, Ляпинский (Обской) городок (263 чел.), Ляпинский городок на р. Ляпин (277 чел.), Юильский городок (401 чел.), Мункапский городок (131 чел.). Последние три городка с мансийским населением по количеству жителей резко отличались от других поселков на Сосьве и Ляпине[9]. Материалы X ревизии не содержат сведений о городках в Сосьвинской волости середины XIX в. В Ляпинской волости упоминается только Юильский городок (106 чел.). В это время Юильский городок был даже не самым крупным поселением в Ляпинской волости. Юрты Щекурьинские (по-видимому, включавшие в себя население п. Ясунт у устья р. Хулги, а также население по р. Манья) — 321 чел., юрты Хурумпаульские — 139 чел., Межипауль — 140 чел.[10].

[7] «Книга Большому Чертежу». М., 1950, с. 170.
[8] ЦГАДА, ф. 199, № 481, ч. 3, д. 8, л. 125.
[9] ТФ ГАТО, ф. 154, оп. 8, св. 71, д. 272.
[10] ТФ ГАТО, ф. 154, оп. 8, св. 261, д. 992, л. 26—143.

Спустя полвека А. А. Дунин-Горкавич уже не застал ни одного городка на Сосьве и Ляпине.

Постепенное уменьшение количества укрепленных поселений — «городков» с многочисленным окружающим населением — «пауль», по-видимому, было связано с изменением и ослаблением роли, которую играли городки в жизни аборигенного населения. Г. Ф. Миллер придавал первостепенное значение оборонительной функции городков, которые должны были «во время вражеского нападения дать безопасный приют женам и детям остяков с их лучшими пожитками» [11]. С. В. Бахрушин и С. В. Баландин отводили им роль центров родоплеменных объединений. Некоторые городки, такие как Вежакар на Оби и Лопынг-ус (близ современного поселка Ломбовож) на р. Ляпин, по мнению В. Н. Чернецова и З. П. Соколовой, были центрами периодических ритуальных празднеств членов фратрий Пор и Мось. А. И. Мурзиной определены не только основные функции городков, но и пути их дальнейшей трансформации. «По-видимому,— считает А. И. Мурзина,— городок служил центром, укрепленным местом, вокруг которого располагались родовые поселки, на смену которым пришли территориально-соседские общины» [12]. Близкую к этой оценке позицию занял В. Г. Бабаков, рассматривая городки XVIII в. как «территориальные общины смешанного родового состава с коллективной собственностью на охотничьи и рыболовные угодья» [13], т. е., нечто иное, чем были эти городки в XV—XVI вв., где социально-имущественное расслоение уже достигало значительных размеров.

Термин русских документов «юрты» в XV—XVI вв. обозначал сезонные промысловые поселения («вешние и зимние юрты») небольших хозяйственных коллективов, тяготеющих к какому-либо «центру» — городку. «Юрты», пауль второй половины XVIII—XIX вв. представляли собой несколько иной тип поселения. Обычно они состояли из 3—4 сезонных поселков, ни один из которых не считался «центральным». В течение года жители переселялись из одного поселка в другой. «Жилища имеют разные: зимние вешние, летние и осенние, в которые и переезжают по означенным време-

[11] Миллер Г. Ф. История Сибири. М.—Л., 1937, т. 1, с. 246.

[12] Мурзина А. И. К вопросу о социальном строе народов Северо-Западной Сибири.— Учен. зап./ЛГУ. 1948, вып. 2, с. 296.

[13] Бабаков В. Г. Территориально-племенные общности обских угров и нарымских селькупов (XVII—XIX вв.). Дис... канд. ист. наук (рукопись). 1973, с. 113—121.

нам»,— писал капитан-исправник Березовского уезда Иван Леонтьев[14]. Полуоседлый образ жизни населения зауральской тайги отмечал И. Г. Георги: «Житье у них между кочевым и одноместным среднее»[15]. В XVIII—XIX вв. поселки манси не были большими. «Деревушки их,— как отмечал И. Завалишин,— почти везде состоят из пятка, а много из десятка изб, у достаточных и с горницами»[16]. Улиц в поселках не существовало. Фасады домов были ориентированы в разные стороны. И. П. Инфатьев так описывает мансийский поселок в верховьях Пелыма: «Турсунт-пауль — это небольшая кучка построек, сооруженных среди леса... здесь живет три семьи, ютящиеся в нескольких грязных юртах. Две-три юрты, несколько сарайчиков для защиты скота от зимних морозов и вьюг, штук шесть-семь амбарчиков, построенных на высоких сваях — вот и все строение пауля»[17]. В середине XVIII в. от верховий Сосьвы до Березова можно было насчитать 21 такой поселок. К концу XVII в., по данным V ревизии, население Сосьвинской волости жило в 15 «юртах», а в Ляпинской волости шесть поселков названы «городками» но только три из них действительно представляли собой более крупные, чем «юрты», соседские общины. В середине XIX в. в Сосьвинской волости насчитывалось 16, а в Ляпинской — 11 «юрт» и Юильский городок, немногочисленное население которого можно с полным правом отнести к остальным одиннадцати. К началу XX в. на Сосьве насчитывалось до 28, по Ляпину — 7 и на Тапсуе — 6 мансийских поселений — пауль. К середине XIX в. небольшая (50—80 чел.) община-пауль, состоящая из четырех сезонных поселков, представляла собой преобладающий тип поселения на Сосьве.

Комплекс причин, обусловивших эти изменения, был тесно связан с политическими последствиями русской колонизации севера Западной Сибири и Зауралья. Прекращение внутренних междоусобиц, снижение авторитета и изменение роли и функции местных «князцов», административная и ясачная система управления и сбора налогов приводили к

---

[14] См.: Андреев А. И. Описание о жизни и упражнениях обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцев.— СЭ, 1947, № 3, с. 94.

[15] Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Спб., 1799, т. 1, с. 89.

[16] Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862, т. 1, с. 253.

[17] Инфантьев И. П. Путешествие в страну вогул. Спб., 1910, с. 17.

быстрому ослаблению родовых и особенно племенных связей в рамках и без того непрочных «сборных княжеств» — Сосьвинского и Ляпинского. Влияние русской колонизации как один из наиболее заметных факторов ослабления родоплеменных общественных отношений отмечал И. С. Гурвич [18]. Но вольно или невольно способствуя разрушению традиционных родоплеменных связей, русская администрация не занималась формированием новой поселенческой структуры. Становление общины — «пауль» произошло в процессе адаптации населения к неустойчивым хозяйственно-экономическим условиям, при возраставшей в XVII—XVIII вв. роли пушного промысла, обмена и торговли. Пушной промысел приводил к удлинению сроков автономного пребывания в тайге семейных и более крупных охотничьих коллективов. Стремление к увеличению добычи пушнины в условиях периодически повторяющихся колебаний численности и миграции пушных животных приводило к неустойчивости промысла, делало невозможным ведение промысла только на ограниченной «родовой» или «общинной» территории, вынуждало аборигенов осваивать все новые, ранее не использованные участки тайги. В XVII—XVIII вв. складывается новый, модифицированный товарообменными, торговыми и фискальными отношениями способ жизнеобеспечения аборигенного населения, где индивидуальный (семейный) пушной промысел в сочетании с торговлей и обменом представлял наиболее динамичный в социальном аспекте компонент хозяйственного уклада. В недрах общинных и крупных родовых коллективов общественные отношения, связанные с пушным промыслом, обменом и торговлей, фактически представляли собой «парцеллярный труд, как источник частного присвоения» [19], несовместимый с прежними коллективистскими принципами общественной жизни. Крупная (300—400 чел.) территориально-родовая община XVI—XVII вв. была экономически обособленной, но не являлась и не могла быть отдельной промыслово-хозяйственной ячейкой общества. Распад крупных общин — «городков» и становление общины — «пауль» представлял собой, в известном смысле, процесс слияния базовой хозяйственной и экономической ячейки аборигенного общества. В хозяйственно-экологическом отношении эти же процессы выразились в форме приближения по-

[18] См.: Гурвич И. С. Указ. соч., с. 389.
[19] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 419.

селений к сезонным промысловым угодьям (четыре типа поселений) и переходе от сезонно-маятниковой к сезонно-круговой миграции коллективов в течение годового хозяйственного цикла.

Какова же была внутренняя структура мансийской общины в середине XIX в.? По данным X ревизии населения 1858 г., общее количество учтенного мансийского населения Сосьвинской и Ляпинской волостей Березовского уезда составило 2234 чел. В Подгородней волости, где проживало смешанное хантыйское и мансийское население,— 391 чел. В это время в Сосьвинской волости преобладали небольшие поселки с числом жителей 40—60 чел. В Ляпинской волости поселения были более многолюдны. Плотность населения в бассейне Сосьвы составляла примерно 3 чел. на 100 кв. км. Однако относительная плотность населения в Ляпинской волости была выше. Здесь население было сконцентрировано преимущественно, в крупных поселках по берегу относительно небольшой по протяженности (90 км) реки Ляпин. На один километр береговой линии здесь приходилось до 10 чел., в то время, как на Сосьве (включая «юрты» Ляпинской волости — Шоминские, Кугинские, Оурьинские и Посолдинские — всего 259 чел.) на один километр береговой линии приходилось только 2,2 чел. Из крупных поселков с числом жителей более 100 чел. следует отметить Искарские юрты в верховьях Сосьвы, а по Ляпину — юрты Щекурьинские и Межипаульские. Соотношение населения мужского и женского пола в целом по волостям и почти во всех поселках было в пользу мужчин. Количество человек в семьях от 2 до 20 (редко более) в больших «неразделенных» семьях. Среднее количество человек в семье по Сосьвинской волости — 5,2, по Ляпинской — 5,4 чел. Из 198 семей в Сосьвинской волости большие «неразделенные» семьи составили 34,3%, в Ляпинской волости — 32%. Хотя количественно малые семьи в середине XIX в. преобладали, тем не менее большая патриархальная семья оставалась основной структурной ячейкой соседской общины манси.

Возрастная структура населения мансийских поселков характеризуется обычной для групп, живущих в суровых и экстремальных условиях, невысокой долей людей старшего возраста. Люди старше 60 лет составляли только 3% от всего населения, старше 50 лет в Сосьвинской волости составили 13,4%, в Ляпинской — 12,8%. Количество детей и подростков от 1 до 15 лет в Сосьвинской волости — 35,8%, в Ля-

пинской — 33,9%. Основная в демографическом и социальном аспектах категория населения мансийских поселков — взрослые мужчины и женщины от 16 до 50 лет, они составили по Сосьвинской волости — 51,2%, по Ляпинской — 53,3%.

Интенсивность брачных контактов этой группы, по материалам X ревизии, оказалась неожиданно низкой. В Сосьвинской волости в момент переписи не состояло в браке и не образовывало брачных пар 53% мужчин и 38% женщин, в Ляпинской волости — 64% мужчин и 49% женщин. Столь низкая интенсивность брачных контактов, как нам кажется, могла быть следствием совокупного действия ряда факторов, одни из которых затрудняли вступление в брак (калым, ограничения патронимической и фратриальной экзогамии), другие способствовали пониженному стремлению к вступлению в брак (свобода добрачных контактов, пережитки сорората и левирата в патриархальных семьях). В целом, возрастная структура сосьвинских манси в середине XIX в. (35:50:15) обеспечивала нормальное соотношение трудоспособного и нетрудоспособного населения.

В середине XIX в. соотношение кланово-патронимической организации и территориально-соседской общины сосьвинских манси определялось общей закономерностью укрепления связей территориальных, соседских и ослабления родовых. Мансийские экзогамные группы родственников, которые В. Н. Чернецов называл «родами», а впоследствии — «генеалогическими тотемными территориальными общностями», в середине XIX в. действительно были локализованы в пределах определенной территории, чаще всего в границах одной из волостей, но отдельные семьи и группы семей проживали в разных поселениях, лишь изредка образуя отдельную общину. Из 14 наиболее крупных сосьвинских и ляпинских патронимических групп представители четырех — Монины и Тасмановы на Сосьве и Гындыбины и Кимлобазовы в Ляпинской волости — жили в разных поселениях. Как правило, община — «пауль» имела смешанный патронимический состав. Группы родственников-однофамильцев проживали вместе с другими подобными группами семей. В середине XIX в. только три патронимии жили обособленно, составляя отдельную общину: в Хошлогоских юртах исключительно Авасевы — 7 семей (25 чел.), в Шоминских юртах Кимлобазовы — 7 семей, две семьи Мелентьевых жили обособленно в Сартыньинском погосте. Ранее, в конце XVIII в., Мелентье-

вы жили в Рагакарском городке у устья Малой Сосьвы. По-видимому, в процессе сегментации крупных территориально-родовых общин, сформировавшихся вокруг городков еще в XVI в., выделялись не строго патронимические группы, а небольшие хозяйственные коллективы смешанного патронимического состава, что придавало общине — «пауль» изначально «соседский», а не «родовой» характер.

Факт совместного проживания на одной территории, в одном поселении сам по себе никогда не был причиной брачных запретов внутри соседской общины. Ориентация брачных контактов отдельной семьи, группы семей, общины в целом определялась местом и положением членов своей и ближайших общин в структуре родственных связей, которая, в свою очередь, была обусловлена существующей системой родства, общепринятой номенклатурой терминов и норм поведения, определяющих права и обязанности родственников по отношению друг к другу, в том числе и в сфере брака. По данным В. Г. Бабакова, в конце XVIII в. население Сосьвинской и Ляпинской волостей 59% всех браков заключало в своей среде. Жители сосьвинских городков и юрт брали жен также из Подгородной, Казымской и Куноватской волостей, Чемашевского и Шеркальского погостов. Жители Ляпинского городка брали жен из Шонгальского и Юильского городков. В то же время Мунканский городок почти не имел связи с Ляпинским, а Шонгольский — с Юильским[20]. Эти особенности брачной ориентации отдельных поселков были связаны с этнической, фратриальной и клановo-патронимической принадлежностью их жителей. Интересно, что в XVIII—XIX вв. отсутствовали брачные связи населения Сосьвы и Ляпина с южными группами манси. В какой-то мере это было обусловлено хантыйским этническим компонентом в составе населения этого региона. Изменение типа территориально-соседской общины в процессе адаптации населения к новым социально-политическим и экономическим условиям в XVII—XVIII вв., становление общины — «пауль» в результате ослабления традиционных родоплеменных связей, индивидуализации труда вовлеченных в пушной промысел и торговлю, вынужденных платить ясак аборигенов Сосьвы и Ляпина — все это представляло своеобразную динамичную социальную среду формирования этнической общности мансийского населения.

[20] См.: Бабаков В. Г. Указ. соч., с. 64.

Культурно-этническая и лингвистическая консолидация аборигенного населения на основе мансийского этноса в XVI—XVIII вв. имела свои политические, хозяйственно-экономические и географические предпосылки. До XVII в. географическое единство территории Сосьвинского бассейна не оказывало воздействия на формирование хозяйственно-экономической общности и складывание социополитических объединений в этом регионе. Ляпинское «княжество» Лугуя включало территорию и население бассейна р. Ляпин, часть средней и нижней Сосьвы, а также население в бассейнах Сыни и Куновата. Жители верхней и средней Сосьвы в XV—XVI вв. составляли отдельную социополитическую общность. И только в конце XVII — начале XVIII вв., когда роль прежних «сборных княжеств» в жизни населения бассейна Сосьвы ослабла, а в экономическом и хозяйственном отношениях население в значительной степени было ориентировано на пушной промысел, уплату ясака и торговлю пушниной (при этом изменились сроки и формы общественной организации летнего рыболовного промысла), река Сосьва становится главным связующим путем населения таежного Зауралья с приобской частью сосьвинского бассейна и административно-торговым центром Березово. Все это способствовало установлению более регулярных контактов, укреплению связей, расширению общерегиональных коммуникативных процессов и, наряду с другими факторами, ускорило формирование в XVII—XVIII вв. северомансийской этнической общности в бассейне Северной Сосьвы.

Р. К. САТЛЫКОВА

КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Среди разноязычного и разнородного по этническому происхождению населения Западной Сибири выделяются западносибирские татары, отличные по ряду этнографических признаков от других татарских групп. Данная статья связана с изучением группы тарских татар, расселенных по Среднему Иртышу и его притокам — Таре, Ую, Шишу, Ишиму и др. В районе Среднего Прииртышья в 1594 г. был образован Тарский уезд «для сбора ясака с сибирских татар, живших вверх по Иртышу, для приведения в русское подданство барабинских и некоторых других групп татар...»[1]. Тарский уезд выделялся из других западносибирских уездов большим числом ясачного татарского населения. Среднее Прииртышье было местом обитания коренных сибирских татар, которые до покорения Сибири Ермаком здесь составляли самостоятельное государство. Остальное население образовалось в результате переселений (бухарцы — выходцы из Бухарского эмирата, русские — после присоединения Сибири к России, «российские» татары — выходцы из Поволжья и Приуралья).

О росте населения за счет переселенцев говорят следующие данные. Материалы V—X ревизий (1795—1858 гг.) показали, что в первой половине XIX в. происходил усиленный рост русского населения в Сибири: в 1795 г. русские составляли 69,24% всего населения, а в 1858 г. их удельный вес поднялся до 76,77%[2]. Что касается Прииртышья, то к концу XIX в. доля пришлого населения была довольно значительной — в среднем по округам (в том числе и по Тарско-

[1] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 49.

[2] См.: Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в.— В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М., 1973, с. 265.

му) она составляла 30% и более. Из общего числа татар Тобольской губернии (около 38 тысяч) в Тарском округе в конце XIX в. проживало 6830[3]. В результате переселений Среднее Прииртышье к исходу дореволюционного периода представляло собой район с довольно сложным этнодемографическим составом. Наиболее многочисленной среди пришлого населения была группа славянского происхождения, представленная в основном русскими. Из данных переписи 1897 г. видно, что в формировании населения Среднего Прииртышья принимали участие выходцы почти из всех губерний Европейской России, хотя и не в равной мере. Основную роль в заселении сыграли выходцы из черноземных губерний России. Приведенная таблица — результат исследований Н. М. Ядринцева во время его поездок по Западной Сибири в 80-е г. XIX в.[4]

Таблица

СООТНОШЕНИЕ

русского и нерусского населения округов Тобольской губернии

(дано нерусское население в % к русскому)

Округа	Бухарцев	Татар	Вогулов	Остяков	Самоедов	Всего нерусского населения в округе
Тобольский	3,5	10,23	2,05	1,18	—	16,92
Тюменский	2,92	6,42	—	—	—	9,34
Тарский	1,59	5,48	—	—	—	7,06
Ялуторовский	0,07	2,98	—	—	—	3,05
Туринский	—	—	6,72	—	—	6,72
Березовский	—	—	—	292,26	152,62	445,9
Сургутский	—	—	—	354,67	—	354,67
Всего в губернии	1,54	5,15	1,07	3,92	1,22	13,12

Из таблицы видно, что русские во всех округах Тобольской губернии, имеющих и тюркоязычное население, численно преобладали.

[3] См.: Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Спб., 1912, т. 1, с. 76.

[4] См.: Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Спб., 1891, с. 268.

Поскольку переселения крестьян совершались обычно после посылки ходоков или по «призывным» письмам уже живущих там земляков и родственников, практически обнаруживалось тяготение к местам, которые были уже освоены выходцами из их же губерний. «Самое лучшее, селиться поблизости земляков, из той же губернии или стороны, так как в этом случае меньше всего бывает несогласий и ссор, которые почти неизбежны, когда сходятся люди совсем друг другу незнакомые»[5]. Приселение к старожилам было редким, так как несмотря на то, что приселение имело ряд преимуществ (более удобные земли, возможность с помощью старожилов быстрее обзавестись своим хозяйством), это не всем приезжим было по средствам. Старожильческие общества за подселение зачастую требовали больших денежных взносов в мирскую кассу[6]. Но бывали случаи, что и получив деньги, старожилы не давали приемных договоров и не разрешали строиться.

В отчетах о состоянии Тобольской губернии за 1856 г. местной администрацией отмечалось, что татары «не составляют почти нигде сплошного населения и селения их разбросаны между русскими деревнями»[7]. О чересполосном с русскими размещении татар писал в конце XIX в. и известный русский сибиревед Н. М. Ядринцев[8].

Поселение русских на землях, принадлежавших коренным сибирским татарам, встречало недовольство последних, хотя в дальнейшем, видя огромную положительную роль русских в хозяйственном освоении земель «аборигенов», местное население начинает оказывать лишь слабое сопротивление. Тем не менее число русских в татарских волостях было невелико. С другой стороны, и татары не селились в русских волостях. Поскольку наиболее плодородная земля принадлежала обществу сибирских татар, то русские и другие переселенцы прибегали к системе аренды пашни, сенокосов и других угодий у местных жителей. Приезд русских крестьян-земледельцев сыграл прогрессивную роль в развитии земледелия у сибирских татар. Тем не менее степень

---

[5] Сибирь. Вып. 1. Справочные издания переселенческого управления Министерства внутренних дел. Спб., 1897, с. 20.

[6] См.: Прудникова Т. П. Основные проблемы истории крестьянства пореформенной Сибири (60—90-е годы).— В кн.: Проблемы истории советского общества Сибири. Новосибирск, 1970, вып. 2, с. 436—437.

[7] ЦГИАЛ, ф. 1265, оп. 6, д. 36, л. 11.

[8] См.: Ядринцев Н. М. Указ соч., с. 28.

использования удобных для земледелия земель в татарских селениях была невелика. Так, по архивным данным, в 1908 г. она составила в Коурдакской волости Тарского уезда 5,6%, в Саргатской волости — 4,2%, в Аялынской — 2,7%. Средний размер посева на одно хозяйство не превышал 1,6 десятины [9].

Основными источниками существования сибирских татар были различные неземледельческие промыслы. Широкое распространение имели рыболовство, охота, сбор ягод и кедровых орехов. Рыбная ловля составляла главный предмет занятий тарских татар. В тех местах, где имелась возможность для хлебопашества, рыбная ловля переставала быть главным занятием населения и являлась лишь вспомогательным. Но все живущие на реках и озерах ловили рыбу как для собственного пропитания, так иногда и на продажу, но в более поздние времена. Приемы рыбной ловли у тарских татар были те же, что и у соседних русских жителей. Ловили рыбу неводом, переметом, сетями и самоловами. В середине XIX столетия рыболовные озера «принадлежали либо крестьянским и инородческим обществам вместе или одним обществам инородцев-татар или, наконец, отдельным членам этих последних. От них русские берут в содержание озера на несколько лет, с платою, иногда вперед, от 100 до 200 руб. сер. за озеро в год» [10].

Сбором кедровых шишек и ягод занимались почти во всех татарских селениях, расположенных в лесных районах. Например, в Аялынской волости так называемым «шишкованием» занимались жители юрт Сеитовских (в количестве 3 человек). Во всех селениях Тавско-Утузской волости занимались этим промыслом 50 человек, которые в год собирали до 480 пудов орехов. Урожай сбывали местным торговцам по 1—1 руб. 20 коп. за пуд [11]. Из всех татарских волостей Тарского округа наибольшее число жителей занималось кедровым промыслом и охотой в волости Коурдакской, расположенной на северо-западе округа [12]. Из кедровых орехов жители били масло в грубых маслобойках для себя, а также для продажи (3—4 руб. за пуд).

---

[9] Архив Западно-Сибирского отделения Русского географического общества, ф. 209, оп. 1, д. 80, л. 8.

[10] Скотоводство и рыболовство в Тарском округе Тобольской губернии.— ЖМВД, 1857, ч. 23, кн. 4, с. 108.

[11] Ежегодник Тобольского Губернского Музея. 1902, вып. 13, с. 79, 80.

[12] Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Спб., 1888, вып. 1, с. 101—102.

Появление кустарной промышленности в Тобольской губернии связано с первыми переселенцами. Прибывшие из Новгорода, Вологды и Устюга Великого принесли с собою кузнечное, столярное ремесла; выходцы из Бухарии, поселившиеся в окрестностях Тюмени и Тары, распространили кожевенное и ковровое производства. Из продуктов скотоводства возникли в виде кустарного промысла выделка шерсти, производство крестьянского сукна, вязание из шерсти шарфов, поясов, а также выделка ковров, шляпное производство. Крестьянское сукно, известное под названием «сермяги», выделывалось в большом количестве из шерсти овец «русской» породы.

Размеры кустарного производства, продукты которого предназначались первоначально лишь для собственного потребления, были, конечно, незначительны и связаны с изготовлением самых простых предметов, необходимых для домашнего обихода,— одежды, холста, сукна и «сермяги», посуды, колес, телег, осей, веревок из мочала и конопли и т. д. Изготовлением этих предметов занималось большинство татарских хозяйств. Как и соседние русские крестьяне, сибирские татары повсеместно строили множество лодок различной величины, которые предназначались как для летних сообщений, так и для рыбной ловли, в связи с чем изготовлялись и рыболовные снасти [13].

Хозяйственные контакты татарско-бухарского и русского населения Среднего Прииртышья осуществлялись в различных направлениях. Прежде всего такие контакты проявлялись в аренде русскими переселенцами-крестьянами рыбных озер, покосов, а также леса, которым щедро были наделены татарские юрты, явившиеся главными поставщиками пушного ясака. В свою очередь, местные жители имели арендованные у русских пашни. Поскольку в первые десятилетия XVII в. Сибирь была в основном еще промысловой, а не земледельческой, то первоначально русские переселенцы вынуждены были заниматься рыболовством и охотой, так как «добытая пушнина служила основным товаром, в обмен на который они получали от русских торговых людей хлеб, ткани, одежду, предметы домашнего обихода, промысловое снаряжение и т. д.» [14]

[13] Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 1075, ед. хр. 3, л. 248, 249, 250.

[14] Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967, с. 26.

Пашенное земледелие — результат влияния русских переселенцев. Сельское хозяйство сибирских татар велось в общих чертах так же, как у поволжских татар и русских крестьян. Техника обработки земли и способы ведения хозяйства на первый взгляд были в целом сходными. Но местное население вело свое хозяйство менее интенсивно, поэтому и хозяйства сибирских татар были экономически слабее, чем у переселенцев из России. Техника обработки больших участков земли была перенята от русских переселенцев, что имело положительное влияние на дальнейшее развитие земледелия коренных жителей.

Вследствие неоднократных переселений из Европейской России в районе Среднего Прииртышья сложилось довольно пестрое по этническому составу население, основную часть которого составили русские — выходцы из разных мест и татары — коренные сибирские и пришлые (казанские). По данным этнографических экспедиций 1974, 1975 и 1977 гг., в настоящее время большая часть населения здесь (районы Омской области) — русские и татары. Например, в Усть-Ишимском районе русские составляют 3,5 тысячи из более чем 5-тысячного населения; численность же татар превышает 1,5 тысячи человек, другие национальности (украинцы, белорусы, чуваши, марийцы, немцы, латыши, поляки) представлены незначительным числом [15]. Таково же этническое соотношение и по соседним районам.

Если в более отдаленные времена совместное поселение русских и татар было явлением крайне редким, то в настоящее время идет процесс смешения населения. Особенно заметны эти изменения в последние 20—25 лет, когда повсеместно проводимые укрупнения колхозов приводят зачастую к поселению в одной деревне как русских, так и татар. В качестве примера могут послужить деревни Качуково и Малая Кава бывшей татарской Коурдакской волости (ныне Знаменский район Омской области). В Качуково из 114 дворов 28 составляют русские, а примерно половину — семьи казанских татар. Большая часть русских семей поселилась в Качуково в недавнее время, в 50—60-х гг. [16] В Малой Каве примерно половина семейств (из 21) представлена русскими. Соотношение сибирских и казанских татар в Малой Каве примерно такое же, что и в Качуково, но появление послед-

[15] Материалы архива Усть-Ишимского райисполкома Омской области.

[16] Полевые материалы Западно-Сибирской этнографической экспедиции (ПМЗСЭЭ), 1977, т. 10, л. 1, 17, 19, 23.

них в этой деревне относится еще к прошлому столетию. Русские же, по рассказам жителей, стали появляться в Малой Каве с 30-х гг. XX столетия. В конце прошлого столетия в Малой Каве не было ни одной русской семьи, а в Качуково — три семьи русских переселенцев [17].

К коренным жителям Среднего Прииртышья Н. М. Ядринцев относил и потомков «нахлынувших туда в XV—XVI столетиях тюркских племен Средней Азии», называвших себя «бухарлык» или «бухарцы». Бухарцы, появившиеся среди татар раньше русских, «имели когда-то огромное культурное значение среди инородческих племен», распространив мусульманство, привив грамотность и снабжая татар среднеазиатскими товарами [18]. Наибольшее число бухарцев проживало в Тарском округе Тобольской губернии. По сведениям переписи 1897 г., при их общей численности по губернии 11307 человек, 4515 человек проживало в Тарском округе [19].

Селились бухарцы в одних с сибирскими татарами деревнях, реже — в собственных поселках, разбросанных чересполосно с татарскими. Этому способствовала очевидная близость культуры и обычаев тех и других. В Тарском округе бухарцы образовали свою Бухарскую волость, в которую, по данным материалов ревизии 1795 г., одновременно входили и деревни Подгородной волости, населенные сибирскими татарами [20].

В 1904 г. число бухарцев в Тарском уезде возросло до 4608 человек. Они жили в 16 отдельных селениях Бухарской волости и в 19 — совместно с татарами. Наиболее крупными бухарскими селениями были: Яланкульская (216 чел.), Черналинская (158), Сентово (144), Курмановское (112), Куйгалинское (110) [21]. Расселение бухарцев происходило малыми и большими группами. По заявлению самих бухарцев в 1710 г., отцы и деды их в количестве 79 человек поселились «на покупных крепостных селах юртами ради своего прокормления» [22]. Поскольку бухарцы были пришлыми, то они

---

[17] Патканов С. К. Указ. соч,. т. 2, с. 70—73.

[18] См.: Ядринцев Н. М. Указ. соч., с. 28.

[19] См.: Патканов С. К. Указ. соч., т. 1, с. 20.

[20] См.: Сатлыкова Р. К. Вопросы исторической демографии тарских татар по материалам ревизских сказок (1795—1858 гг.).— В кн.: Проблемы истории СССР. Изд-во МГУ, 1979, вып. 8, с. 149.

[21] Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск, 1904, с. 190—191.

[22] Зияев Х. Средняя Азия и Сибирь. Ташкент, 1964, с. 75.

жили в деревнях «по доброте и для того что де у бухарцев вотчинных земель и пашен и угодий нет, а пашут земли у них же, татар, по упросу»[23]. Вероятно, здесь речь идет о переселенцах-бедняках, не имевших средств на покупку земли и обзаведение хозяйством.

В течение длительного времени бухарцы в основном сохраняли свой бытовой уклад, культуру, внешнее и внутреннее устройство жилищ, одежду, пищу. Однако, обитая в продолжение нескольких столетий бок о бок с татарами и общаясь с другими народами, особенно с русскими, бухарцы в XIX в. утратили свои традиционно-этнические особенности, позабыли родной язык. Тем не менее и в наши дни бывшие бухарцы помнят о своем происхождении и определяют себя «бухарцами» (в отличие от «сибиряков», т. е. сибирских татар). Опросы жителей во время этнографических экспедиций показали, что потомки бухарцев, особенно старшее поколение, родившееся на рубеже XIX—XX вв., помнят о месте выхода своих предков. Так, житель д. Черналы Большереченского района (бывшая д. Черналинская Бухарской волости Тарского уезда) Карим Ниязов (1897 года рождения) указал, что он сам, отец его и дед ведут свое происхождение от бухарцев. Но на вопрос, имеются ли какие-либо различия между сибирскими татарами и бухарцами, ответил, что о таких различиях не знает[24].

Из общей массы пришлого населения Среднего Прииртышья следует выделить татар — выходцев из районов Поволжья, начавших переселяться в этот край еще с XVIII в. и известных среди «сибиряков» под собирательным названием казанские татары. Общее число их в Тобольской губернии, по переписи 1897 г., равнялось 8074. Коренных (сибирских) татар в конце XIX в. здесь было около 38 тысяч, а сибирских бухарцев — свыше 11 тысяч. Более всего поволжских татар в конце XIX столетия насчитывалось в округах Тарском (около 3 тысяч) и Тобольском (почти 1,5 тысячи). Казанские татары жили в селениях местных татарских волостей[25]. В последующие десятилетия доля пришлых татар в Прииртышье продолжала увеличиваться за счет новоприбывших из Казанской, Саратовской, Уфимской, Оренбургской губернии. В 1908 г. из общего числа татарского насе-

---

[23] Там же, с. 76.
[24] ПМЗСЭЭ, 1977, т. 10, л. 72.
[25] Патканов С. К. Указ. соч., т. 1, с. 51.

ления Тарского уезда 76,7% (2276 дворов) являлись коренными жителями, а 33,3% (652 двора) были пришлыми[26].

Довольно значительным было к концу XIX в. количество пришлых (поволжских) татар в волостях татар-аборигенов. Более всего расселялись казанские татары в волостях Аялынской — более 1200 человек и Коурдакской — около 900 человек. Меньше всего насчитывалось выходцев из районов Поволжья в Бухарской волости[27]. В русских волостях казанские татары представлены небольшими группами в 10—15 чел., но существовали волости, где число пришлых татар не превышало двух человек (Логиновская, Тевризская). Лишь в 2 русских волостях (Бергамакской и Мало-Красноярской) численность татар — выходцев из Поволжья достигала 50—55 человек[28].

Хотя татары Поволжья сильно смешались к концу XIX в. с сибирскими татарами, и в настоящее время по внешнему облику и говору их можно различать среди тюркоязычного населения Среднего Прииртышья. Опросы жителей в период полевых исследований показали, что выходцы из Поволжья выделяют себя как особую группу «казанских татар» («козан татары»), указывая на существующие различия в языке и внешнем облике. Несомненно, что соседство «российских» татар не могло не оказать влияния на коренных жителей этих мест. Пришлые татары стояли на более высоком уровне экономического и культурного развития и потому сыграли положительную роль в дальнейшем историческом развитии «сибиряков». Следует отметить, что не сразу сибирские татары восприняли культуру и религию пришлых татар. Наиболее ярким примером этого могут служить браки между коренными жителями и переселенцами.

Браки сибирских татар заключались преимущественно в среде своей этнографической группы. А если и бывали случаи браков с представителями другой национальности, то это были близкие к сибирским татарам по культуре и обычаям бухарцы, а позже — татары-переселенцы. Так, по данным V ревизии (1795 г.), на 1024 брака приходилось лишь 109 браков, когда один из супругов — бухарец, либо «бухарская дочь». Из них 65 мужчин — сибирских татар взяли себе

---

[26] См.: Колесников А. Д. О национальном составе Омской области.— В сб.: Материалы к третьему научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. Омск, 1966, с. 91.

[27] См.: Патканов С. К. Указ. соч., т. 2, с. 2—3.

[28] См.: Там же.

в жены бухарских девушек и 44 сибирские татарки вышли замуж за бухарцев[29]. Наибольшее число татарско-бухарских браков было заключено жителями Подгородной волости. Объяснение данного явления заключалось в особенностях административно-территориального устройства татар Подгородной и Бухарской волостей. Соседство с бухарцами, а иногда и совместное проживание в одной деревне обусловили такие браки.

Что касается браков сибирских татар с татарами-переселенцами из европейской части России, то первоначально такие браки рассматривались как нежелательные, особенно со стороны приезжих татар, которые не хотели смешиваться с народом более низкой культуры. Сейчас такие браки — обычное явление. И процесс ассимиляции стал настолько сильным, что выявить частоту браков сибирских татар с так называемыми казанскими татарами не представляется возможным, так как в книгах регистрации браков у обоих супругов стоит одна национальность — татарин (татарка).

Если браки сибирских татар с такой категорией переселенцев, как российские татары и бухарцы, на первых порах хотя и неохотно, но все же заключались, то с русскими — крайне редко, преимущественно в тех случаях, когда дети находятся в отъезде (работают или учатся в городе). Естественно, что и в деревнях молодежь нарушает традиции отцов и дедов. Старшее поколение начинает привыкать к подобному явлению и не особенно сопротивляется, хотя и не высказывает по этому поводу полного одобрения. Доказательством редкости межнациональных браков являются материалы загсов Тарского и Тевризского районов Омской области за период с 1921 по 1973 гг.[30].

В ходе полевых этнографических исследований было установлено, что, несмотря на длительное совместное обитание переселенцев — татар и русских — среди коренного тюркоязычного населения Среднего Прииртышья, они сохранили свои этнографические особенности, хотя социокультурная адаптация к местным условиям и вызвала появление новых черт в быту и культуре, общих для всего населения Среднего Прииртышья.

В современном быту традиционные особенности матери-

---

[29] См.: Сатлыкова Р. К. Указ. соч., с. 156—157.

[30] См.: Сатлыкова Р. К. Хозяйственный уклад и семейный быт тарских татар.— В кн.: Проблемы истории СССР. 1976, вып. 5, с. 108—109.

альной культуры, присущие каждой из описываемых этнографических групп — русским, казанским и сибирским татарам,— сохраняются лишь частично. Из старых бытуют только те элементы культуры, которые отвечают привычным условиям жизни и обыденным запросам, однако и они под влиянием растущих потребностей населения все более изменяются и дополняются новыми (изменения в планировке домов, интерьере, формах одежды).

Не меньший интерес представляет изучение конкретных следствий этнокультурной адаптации прежних переселенцев и их потомства на материалах языка, духовной культуры и самосознания. В результате длительного совместного проживания русских, украинцев, белорусов внутри этой новой демографической общности восточнославянских переселенцев произошла известная нивелировка, вследствие которой потомки этих переселенцев называют себя не русскими, украинцами, белорусами, а обобщенно-российскими (по отношению к тюркоязычному населению). Примечательно, что «российскими» т. е. выходцами из центральных районов России, осознают себя и потомки казанских татар. Так же называют их и коренные сибирские татары, когда хотят подчеркнуть место их выхода — Россию.

Живя продолжительное время рядом с татарами, русские тем не менее не усвоили татарского языка. Даже в смешанных русско-татарских семьях основным языком является по преимуществу русский, хотя второе поколение говорит на двух языках.

Интересен вопрос о степени распространения русских имен в татарской среде. Старшее поколение в семье носит, как правило, татарские имена. Представители среднего поколения, получившие при рождении татарские имена, в быту называют себя по-русски, как и представители младшего поколения. В смешанных русско-татарских семьях в том случае, если отец — татарин, дети, как правило, называются татарскими именами; если же отец — русский, то часто имена у детей — русские.

Из бесед с информаторами выявилось сохранение этнического самосознания. Почти все опрошенные представители старшего поколения помнят и до сих пор сохраняют свое самоназвание[31]. Татары Тарского района деревень Себеляково, Сеитово, Ишеево называют себя «тыралу», отличая

[31] ПМЗСЭЭ, 1974, т. 1, л. 1—4, 30—34, 36, 50 и др.

себя от других групп татар — «коурдаков» Тевризского района, «сартов» — приезжих бухарцев, «аялы» — аялынских (по названию Аялынской волости) татар, казанско-уфимских татар. Выделяется группа татар-«мишари», расселенных в деревнях Нерпинка и Бусиме Тарского района. Это одна из групп поволжских татар. Называя по-особому группы соседних татар, информаторы называли и границы их расселения, указывая на различия во внешности, языке и др. Но различия эти весьма незначительны, ибо в целом все эти группы, кроме «российских» татар и бухарцев, представляют собой единое этническое образование — «сибирские татары».

Таким образом, если в прошлом в культуре и быте населения Среднего Прииртышья обращали на себя внимание этнокультурные различия, то в настоящее время в результате длительного обитания на общей территории и вследствие культурно-бытового взаимовлияния выступают общие черты культуры у описанных этнических групп населения Среднего Прииртышья.

Н. А. ТОМИЛОВ

ПОВОЛЖСКИЕ ТАТАРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVI — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX вв.

Актуальность изучения этнической истории определяется прежде всего тем, что углубление наших знаний по истории народов СССР имеет важное значение для патриотического и интернационального воспитания трудящихся [1].

Так, тесными этническими контактами в прошлом были связаны многие тюркоязычные группы Западно-Сибирской равнины, представлявшие собой разные этнические образования нашей страны. Основную часть тюркского населения здесь составили сибирские татары. Их этногенезу и этнической истории посвящены специальные работы многих исследователей [2]. Из тюркских групп, продвигавшихся на Западно-Сибирскую низменность из соседних регионов и проживавших здесь в разные годы XVI—первой четверти XIX вв., следует назвать многочисленных выходцев из Средней Азии, получивших в Сибири общее название бухарцев, а также поволжских и приуральских татар, казахов, каракалпаков, башкир, телеутов, ногайцев, енисейских киргизов и др. Рассмотрение некоторых вопросов этнической истории пришлых в Сибири поволжских, точнее поволжско-приуральских татар и является целью данной работы.

Следует сразу заметить, что вопрос о появлении и расселении в Сибири татар — выходцев из Поволжья и Приуралья, их численности так же, как и вопрос об их этническом развитии, является фактически неизученным [3]. Так,

[1] См.: XXVI съезд КПСС и задачи советской этнографической науки.— СЭ, 1981, № 3, с. 3—10.

[2] Библиография по этим проблемам приводится в работе: Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI—первой четверти XIX вв. Томск, 1981, введение (сноски 12 и 13) и список литературы.

[3] Это относится как к районам Западной, так и Восточной Сибири. Тем не менее в этнографическом отношении они явно представляют на-

даже в работах советских исследователей приводятся лишь отдельные сведения о расселении поволжских татар в районах Западной Сибири, в том числе и в прилегающих районах Зауралья[4]. Это приводило к тому, что некоторые ученые (в том числе и В. В. Радлов) преувеличивали их роль в формировании территориально-этнических групп сибирских татар на первоначальных этапах. С другой стороны, отсутствие исследований по этнической истории поволжских татар, переселившихся в Сибирь, еще относительно недавно приводило к утверждению, что они впервые появились здесь лишь в XVIII в.[5]. Такая противоречивость мнений и вызвала необходимость исследования вопроса о раннем периоде расселения поволжских татар в Сибири.

Известно, что казанские татары мигрировали на территорию Западной Сибири еще до появления здесь русских. Причины, вызвавшие эти миграции, были связаны, с одной стороны, с расширением экспансии феодалов Казанского ханства, а с другой — со стремлением трудового населения этого государства избавиться от феодального гнета и феодальных междоусобных войн. Но масштабы этих переселений в XV—первой половине XVI вв. остаются во многом нераскрытыми.

Как известно, связи между населением Поволжья и Сибири являются очень древними и прослеживаются по археологическим материалам, начиная с мезолита и неолита[6].

учный интерес. Общая численность татар в Сибири в 1970 г. составила 256,7 тыс. чел. См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1973, т. 4, с. 61, 74, 77, 85, 100, 117, 127, 132, 145, 150.

[4] См.: Валеев Ф. Т. К вопросу об этнических и этнокультурных контактах западносибирских татар с татарами Поволжья.— В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1976, с. 138—141; Дульзон А. П. Диалекты татар — аборигенов Томи.— Учен. зап./Томск. пед. ин-т., 1956, т. 15, с. 308—311; Томилов Н. А. У татар Томской и Новосибирской областей.— В кн.: Полевые работы 1969 года: Из истории Сибири. Томск, 1969, вып. 2, с. 104—109; Он же. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск, 1978, с. 36—37, 43—46, 61—62; Юсупов Ф. Ю. Татарские говоры Южного Урала и Зауралья (Челябинской и Курганской областей). Автореф. дис... канд филолог. наук. Казань, 1972, с. 4—5, 17, 32 и др.

[5] См.: Храмова В. В. Западносибирские татары.— В кн.: Народы Сибири. М.—Л., 1956, с. 474. Историографию по проблеме этнической истории сибирских татар см.: Томилов Н. А. Вопросы этнического развития сибирских татар в дореволюционной и советской литературе.— В кн.: Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978, с. 131—149.

[6] См.: Мухамедьяров Ш. Ф. К истории ранних этнических кон-

Они не прерывались и в последующие эпохи. В XIV—XVI вв. контакты тюркоязычных народов Поволжья, Приуралья и Западной Сибири наиболее ярко проявились, как считают исследователи этих вопросов, в первую очередь в этнической истории башкир и сибирских татар[7]. В первой половине XIV в. при хане Узбеке сибирские земли («страны Сибир, Ибир, Чулыман») входили вместе с землями башкирских племен в состав Золотой Орды[8]. Это, возможно, способствовало увеличению в этот период контактов населения Сибири и поволжско-приуральского региона.

Во второй половине XIV в. в среднем течении Тобола, низовьях Тавды и Туры возникло раннее политическое объединение сибирских татар — Тюменское ханство, которое находилось какое-то время в зависимости от Золотой Орды и управлялось ставленниками золотоордынских ханов[9]. В начале XV в. во главе Тюменского ханства стоял изгнанный из Золотой Орды хан Тохтамыш[10]. В 1408 г. власть в Тюменском ханстве оказалась в руках ставленника золотоордынского хана Чегры[11]. Не исключено, что из приходивших из Поволжья сподвижников этих ханов какая-то небольшая часть оседала на постоянное местожительство в Среднем Притоболье и смешивалась с местным тюркским населением.

Во второй половине XV в. правитель Тюменского ханства Ибак сначала поддерживал связи с правителем Большой Орды (Казанского ханства) Ахмед-ханом, поскольку они выступали вместе против Узбекской Орды[12]. Но в 1481 г. Ибак во главе отрядов тюменских татар вместе с ногайцами разгромил войско казанского хана Ахмеда, возвращавшееся домой после знаменитого «угринского стояния». Ахмед-хан был убит, и какое-то время Ибак стал фактически во главе Казанского ханства. Казáнским царем он назван в сибир-

---

тактов Среднего Поволжья, Приуралья и Западной Сибири в связи с проблемой тюркизации.— В кн.: Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979, с. 104.

[7] См.: Там же, с. 107.

[8] См.: Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960, с. 102; Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Спб., 1884, т. 1, с. 243.

[9] См.: Бояршинова З. Я. Указ. соч., с. 103.

[10] См.: Очерки истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв. М., 1953, ч. 2, с. 464.

[11] См.: Бояршинова З. Я. Указ. соч., с. 104.

[12] См.: Там же, с. 105—106.

ских летописях[13], да и в самом послании Ивану III в 1493 г. он сообщал, что ему дал бог счастье «Сиинский стол» взять и на Волге стоять. Под «Сиинским столом» подразумевается, как полагает З. Я. Бояршинова, «золотоордынский стол»[14]. Обращает на себя внимание тот факт, что после разгрома Ахмед-хана часть пленных вместе со скотом и другим имуществом Ибак увел в Тюмень[15]. Не исключено, что и в этот период небольшая группа казанских татар могла оказаться в Притоболье. Известно, например, что «...сторонник казанского хана Али, свергнутого Иваном III, Алгазый бежал к Ибаку в Тюмень и жил там у него; к Ибаку же поехали другие сторонники Али-хана: Бегиш с сыном Утешем, сеиды Табекай (Тевекел) и Касым и «иные их товарищи»[16].

В 1496 г. брат Ибака Мамук, стоявший во главе Тюменского ханства, действуя активно на западе, захватил Казань и ограбил ее[17]. В Казани он имел связи с частью местной татарской знати. Но в 1497 г. Мамук был изгнан из Казани вместе со своими сторонниками[18] и вернулся с ними в Тюмень. В XV—XVI вв. между Казанским ханством и Чимгой-Турой (столицей тюменских правителей) существовали и торговые связи, которые обеспечивались в основном восточными (среднеазиатскими) купцами. В Казани в тот период одни из ворот назывались Тюменскими[19].

В генеалогических преданиях саргатско-утузских татар[20] рассказывается, что сначала по берегам Иртыша жили остяки, пришедшие с юга. Затем сюда подселились татары, а позднее их появились выходцы из Бухары — шейхи[21].

---

[13] См.: Сибирские летописи. Спб., 1907, с. 18.

[14] См.: Бояршинова З. Я. Указ соч., с. 109.

[15] См.: Там же, с. 107; Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.—Л., 1950, с. 94.

[16] Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в.— В кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955, т. 3, ч. 2, с. 156.

[17] См.: Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941, с. 115.

[18] См.: Бояршинова З. Я. Указ соч., т. 110; Бахрушин С. В. Указ соч., с. 156.

[19] Бояршинова З. Я. Указ соч., с. 115; Бахрушин С. В. Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв.— В кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 4. М., 1959, с. 195.

[20] Об этническом делении сибирских татар см.: Томилов Н. А. Этническая дифференциация тюркского населения Западно-Сибирской равнины.— В кн.: Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979, с. 144—148.

[21] МСЭЭ ОмГУ, 1978 г., к. 283.

В последнем случае речь идет, видимо, о религиозных войнах конца XIV в [22]. Некоторые жители деревень Усть-Ишимского района Омской области рассказывают сейчас, что татары, смешавшиеся здесь с остяками, пришли с запада, якобы со стороны Казани, а некоторые прямо говорили, что это казанские татары [23]. Эти сведения остаются ничем не подтвержденными.

Во второй половине XVI в. переселения казанских татар в Западную Сибирь имели место после присоединения Казанского ханства к России. Выходцы из Казани были в то время преимущественно представителями татарской знати, и их было, видимо, немного [24]. Казанские беглецы «...могли предложить новому сюзерену только свою службу и ожидали от него самого жалования и феодов» [25]. Каких-то конкретных данных о пришельцах из Казани во второй половине XVI в. до водворения на престол Сибирского ханства Кучума мы все же не имеем.

В местах проживания искеро-тобольских татар во времена Кучума осели отдельные небольшие группы казанских татар [26]. Так, по данным летописи, Кучум побывал в Казани и взял себе в жены дочь казанского хана Мурата. А вместе с нею в Сибирь прибыли многие чуваши, абызы и «русского полону люди» [27]. Нам представляется, что чуваши были в основном военными людьми (они, действительно, были затем в войске Кучума) [28], а казанские татары — абызами, т. е. священнослужителями [29]. От казанской знати правители Сибирского ханства получали, видимо, иногда и оружие. Так, в городке князя Бегиша у татар были две пушки, привезенные из Казани [30].

Завершая рассмотрение вопроса о переселениях поволжских татар в Сибирь до прихода русских, отметим прежде

---

[22] См.: Катанов Н. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири.— Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 14. 1904, с. 21—22.

[23] См.: МСЭЭ ОмГУ, 1978 г., к. 283, 284, 289.

[24] См.: Трофимова Т. А. Тобольские и барабинские татары: Антропологический очерк.— СМАЭ, 1947, т. 1, с. 196.

[25] Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в., с. 156.

[26] Томилов Н. А. Современные этнические процессы среди сибирских татар, с. 36.

[27] Сибирские летописи, с. 319—320.

[28] См.: Там же, с. 323.

[29] См.: Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI—первой половине XIX вв.

[30] См.: Сибирские летописи, с. 341.

всего их нерегулярный характер и небольшой масштаб. Следы их обнаруживаются лишь среди тюменских татар тюменско-туринской группы и искеро-тобольских татар тобольской группы. Поэтому представляется явно преувеличенным бытовавшее в прошлом мнение у отдельных ученых, в частности историка В. И. Огородникова, о том, что тоболо-иртышские татары во второй половине XVI в. «...довольно сильно перемешались с явившимися в Сибирь казанскими татарами и утратили свою прежнюю племенную особность»[31]. Совсем не было казанских татар в XVI в. среди ясколбинских, курдакско-саргатских и тарских татар, также входивших в тоболо-иртышскую группировку.

Часть татар из европейской части России прибыла в Сибирь с войском Ермака. Летопись сообщает о том, что вместе с атаманами и казаками Ермака в Сибирь были посланы «...с ними литвы и немец и татар вкупе всех восемьсот сорок человек»[32]. Татары могли служить в отрядах Ермака в качестве военных людей и в качестве переводчиков (толмачей). Видимо, их было все же не так много, так как в других источниках сведений о них мы не встречаем.

С присоединением Сибири к Русскому государству процессы переселения поволжских и приуральских татар в Сибирь продолжали иметь место и даже приняли относительно постоянный характер. По-прежнему мигрировали татары в районы расселения тобольских и тюменских татар. Так, в 1623 г. в Тюмень прибыли «...из калмаков казанские торговые татарове, Уразбохта Уразлиев, Умамлико Евушев...»[33]. В середине 1620-х годов с р. Уфы переселилась группа татар в 16 чел. на территорию Тюменского уезда, которые были сначала на три года освобождены от ясака, а затем превращены в гонебных татар и вошли в Табынскую волость[34]. В XVII в. среди тюменских служилых татар казанцы (4 чел.) в качестве дворовых людей были отмечены в Матмасовских юртах[35]. В Тобольском уезде в конце XVII в. казанских татар, видимо, было больше. По данным довольно неполных «переписных книг захребетных татар», в тот период казанцы числились в юртах Супринских (4 чел.),

[31] Огородников В. И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Иркутск, 1920, ч. 1, с. 219.
[32] Сибирские летописи, с. 98.
[33] РИБ. Спб., 1875, т. 2, № 138 (5), с. 453—454.
[34] Там же, 1884, т. 8. № 11, с. 594—595.
[35] ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 445, л. 60—61.

Миримовских (7 чел.), Турбинских (1 чел.), Исеневых (10 чел.), Чашчинских (16 чел.), Байминских (3 чел.), Сузгунских (11 чел.), Иштаманских (1 чел.), Аремзянских (21 чел.), Астанинских (6 чел.) [36]. Всего по переписным книгам конца XVII в. в юртах тобольских татар насчитывалось 80 казанцев, не считая тех, которые названы еще бухарцами.

Среди тобольских татар поселялись пришлые из европейской части России татары, которые получили позднее общее название оброчных чувальщиков. Считается, что расселяться в Тобольском округе они стали с конца XVIII в. [37]. Основную их часть составили татары, переселившиеся, действительно, в XVIII в. из Казанской, Самарской и других губерний в Тобольск [38]. Постепенно они расселились по юртам местных тобольских татар, в самом городе их в 1782 г. оставалось лишь 24 чел. [39]. Относительно времени их появления в Сибири следует сделать существенное замечание. В документах начала второй четверти XIX в. об оброчных чувальщиках говорится, что расселялись они в Сибири уже более двухсот лет назад [40], т. е. фактически с XVII в. И действительно, в переписной книге живущих по Иртышу татар, относящейся, по всей видимости, к концу XVII в., в одном случае встретилось обозначение «татарина чувальщика казанца» [41]. Таким образом, появление первых чувальщиков в Сибири относится, на наш взгляд, по крайней мере ко второй половине XVII в.

В отличие от ясачных татар в XVIII в. чувальщики не платили ясак, а состояли в подушном окладе. Интересно то, что, несмотря на последнее обстоятельство, оброчных чувальщиков все же именовали и ясачными татарами наряду с обозначением их подушными людьми и крестьянами [42]. Видимо, какая-то часть коренных сибирских татар из ясачных и захребетников вошла также в состав оброчных чувальщиков.

---

[36] Там же, л. 4, 14, 27, 60, 62—62 об.; д. 525, л. 3, 11—12, 40, 57—61.

[37] См.: Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Тобольская, Томская и Енисейская губернии. Спб., 1911, т. 2, с. 120.

[38] См.: Нечто о Сибири и народах, в ней обитающих.— Санктпетербургский журнал, 1806, № 5, с. 92; Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977, с. 15.

[39] ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 1218.

[40] ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 367, л. 76.

[41] ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 525, л 3.

[42] ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 1217.

Всю эту категорию татар, на наш взгляд, следует считать поэтому смешанной сибирско-казанской группой населения. В конце первой четверти XIX в. они в отличие от «чистых» поволжско-приуральских татар-переселенцев, оставшихся в сословии крестьян, были переведены вместе с ясачными на положение оседлых инородцев.

В то время как поволжские татары в XVII в. двигались на восток в сторону Сибири, тюменские и тобольские татары еще со времен Сибирского ханства уходили далеко на запад и оседали частично в Приуралье[43]. Там они также вступали в контакты с поволжскими татарами, населившими в XVII в. частично Верхотурский уезд, прежде всего Уткинскую волость[44], а также другие территории. Имеются сведения о проживании в Верхотурском уезде касимовского татарина, о частых приездах сюда для торговли казанских и уфимских татар[45].

Но не только на территории тюменско-туринских татар расселялись поволжские переселенцы. В строительстве г. Тары в 1594 г. наряду с русскими приняли участие сто казанских и свияжских татар и триста башкир[46]. Отдельные представители их, возможно, остались жить в этих местах. Во всяком случае и вернувшись домой, они могли распространить сведения о богатстве сибирских земель среди казанских и уфимских татар. Тарская дозорная книга 1701 г. отметила большое количество в уезде захребетных татар, зависимых от тарских служилых татар, и в отдельных случаях указала, что это пришельцы из Казани[47].

Наиболее дальним восточным районом Западной Сибири, куда проникали поволжские татары, было Нижнее Притомье и прилегающие районы Приобья. Имеются, например, сведения о том, что во времена разгрома Кучума какие-то татары из районов бассейна Уфы продвинулись на Обь и оказались позднее в составе провско-соргулинской группы обских татар[48]. Отдельные казанские татары появились в

[43] См.: Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI—первой четверти XIX вв.

[44] См.: Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, с. 21.

[45] См.: Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII—начале XVIII в. М., 1956, с. 12, 16—17, 23, 30.

[46] См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.—Л., 1937, т. 1, с. 288; А начиналась Тара так...— Омская правда, 1970, 22 янв.

[47] См.: Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в., с. 170.

[48] МЭЭ ТГУ, 1969, т. 363—4, л. 22, 23, 26, 27.

бассейне Томи уже в первые годы существования Томска[49]. Документ 1625 г. фиксирует казанских татар в Притомье в качестве толмачей, посылаемых русскими к телеутскому правителю Абаку[50]. Видимо, в первой половине XVII в.[51] в Томске уже появилась небольшая группа казанских татар. В XVIII в. число татар — выходцев из европейской части России в Притомье увеличилось. Именно к этому времени относятся антропологические материалы раскопанной в середине 1950-х гг. А. П. Дульзоном значительной части мусульманского кладбища в Томске[52]. Особенность их заключается в том, что черепа относятся к европеоидному типу, резко отличаются от краниологических серий коренного тюркоязычного населения и представляют собою останки переселенцев — казанских татар и бухарцев[53]. Это свидетельствует о том, что последние указанные группы населения в Томске в тот период среди всех тюркоязычных жителей составляли большинство. В городе для управления казанскими татарами существовала особая Казанская волость[54].

Часть казанских татар Томского округа вместе с бухарцами, как считает Н. Ф. Емельянов, была, видимо, включена в состав ясачного населения[55]. Записи казанских татар в ясачные имели место и в других округах Западной Сибири[56]. Тем не менее большая часть татар — переселенцев из европейской части вошла в состав оброчных людей. Такого рода данные о пришлых татарах Тобольского округа мы выше уже приводили, касаясь вопроса об оброчных чувальщиках. По томской группе татар-переселенцев есть сведения 1671 г. о том ,что на двух гулящих татар Кувашку Кудинова и Сенгелды Болдиетева был наложен оброчный платеж по

---

[49] См.: Дульзон А. П. Указ. соч., с. 310.

[50] См.: Миллер Г. Ф. Указ. соч., 1941, т. 2, с. 92, 320.

[51] См.: Томилов Н. А. Современные этнические процессы у татар городов Западной Сибири.— СЭ, 1972, № 6, с. 89.

[52] См.: Дульзон А. П. Указ. соч., с. 309—310.

[53] См.: Дремов В. А. Краниологические данные о происхождении томских татар.— В кн.: Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969, с. 148.

[54] ГАТО, ф. 321, оп. 1, д. 10, л. 5—13.

[55] См.: Емельянов Н. Ф. Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII—первой половине XIX вв.— Из истории Сибири. Томск, 1976, вып. 19, с. 103.

[56] ГАТОТ, ф. 47, д. 2194, л. 116; ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 4, д. 1182, л. 348, 370, 413—413 об., 417 об.

16 алтын и 4 деньги на человека да на сысканного гуляще-го казанского татарина Ивашку Ахтугала — оброк в 8 алтын и 2 деньги[57]. Документы Тюменского уезда XVIII в. свидетельствуют, что там также большая часть пришлых поволжских и приуральских татар были оброчными людьми[58].

В конце XVII в. в Западной Сибири часть казанских татар была переведена из захребетных в оброчные. Такое изменение их социального положения зафиксировано, в частности, документами Тарского округа 1698 г.[59]. Но какая-то их часть по-прежнему оставалась ясачными или захребетными и в XVIII в. Кроме того, некоторые пришлые из европейской части страны татары оказались в составе служилых людей. Такого рода сведения содержатся в именных книгах служилых людей Томского уезда за 1680 г.— 2 казанских и 2 крымских татарина были поверстаны в пешую службу[60]. Казанские татары встречались также в социальных категориях дворовых людей[61], наемных работников[62], торговых людей[63]. Ссыльные татары, оказавшиеся в Сибири, в последней четверти XVIII в. переводились на положение государственных крестьян, как это было, например, в д. Сузгунской Тобольского округа[64].

По этническому составу пришлых татар данных у нас, к сожалению, для того времени очень мало, как и по местам их выходов. Часто в документах они записаны «казанцами», «оброчно-казанцами», «татарами из Казани», «казанскими татарами». Следует считать, что большую часть пришлых татар в Тюменском, Тобольском, Тарском и Томском округах Сибири составляли, действительно, казанские татары. В Тюменском округе нередки указания и на уфимских татар[65]. В Суз-

---

[57] См.: Томск в XVII в. Спб, б/д, с. 52—53.

[58] ГАТОТ, ф. 47, д. 835, л. 189—191; ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 481, ч. 3, л. 78—81 об., 86 об., 87 об.— 89, 91; Тюменский уезд в XVII—XVIII вв. (Обзор фонда-комплекса Тюменской приказной избы и воеводской канцелярии). Тюмень, 1969, с. 60, 62—63.

[59] ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 4, д. 1182, л. 348—348 об., 364—364 об., 370, 398 об., 400, 413 об., 417 об., 422.

[60] См.: Томск в XVII в., с. 86, 102, 112.

[61] ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 445, л. 61.

[62] Там же, л. 62; д. 525, л. 12, 40, 58; ф. 214, оп. 1, ч. 4, д. 1182, л. 348—348 об., 364—364 об., 370 и др.

[63] РИБ, т. 2, с. 453—454.

[64] ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 307—308.

[65] Тюменский уезд в XVII—XVIII вв., с. 60; ГАТОТ, ф. 47, д. 835, л. 189—191.

гунских юртах Тобольского округа в конце XVII в. в качестве наемных работников были отмечены мишари (3 чел.)[66]. В Томске в числе служилых людей в 1662 г. было 3 и в 1671 г.— 2 крымских татарина[67].

В Ишимском округе Тобольской губернии ревизия населения (1811 г.) зафиксировала 218 татар (мужчин) — выходцев из Сергачского уезда Нижегородской губернии и Мамадышского округа Казанской губернии[68]. Они расселились в д. Мавлютовой, Шубиной, Чемень, Икшигермы, Ташкинской слободе и Ташкинской заимке. Данные этой же ревизии о населении д. Мавлютовой показывают, что из 156 муж. душ 49 были сосланы на поселение в зачет рекрутов еще до IV ревизии населения, т. е. до 1782 г. (в 1795 г. в этой группе было 36 душ), 100 переселились самостоятельно из губерний европейской части страны и 7 вышли из плена[69].

Следует заметить, что точных сведений о численности пришлых поволжских и приуральских татар по всем уездам в документах изучаемого периода не отложилось. Кроме того, в переписных книгах и позднее в ревизских сказках население учитывалось в основном по социальным категориям. Отсюда не представляется возможным определить, например, сколько казанских татар числилось в составе ясачных, служилых, захребетных людей. Ниже нами приводятся только те данные, в которых имеются прямые указания о принадлежности татар к переселенцам из европейских районов страны.

В Тюменском округе в 1703 г. сдавших оброк казанских татар было 6 чел. муж. пола[70], т. е. всего примерно 20—25 чел. В 1740 г. в этом округе числилось 15 казанских татар (мужчин), «которые не в службе обретаются и в ясак неположены»[71]. В 1763 г. число казанских татар в округе составило 87 чел. обоего пола[72]. По данным IV, V и VII ревизий населения, в Тюменском округе в 1782 г. было зафиксирова-

---

[66] ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 525, л. 12.
[67] Там же, ф. 214, оп. 1, ч. 1, д. 438, л. 63; Томск в XVII в., с. 112.
[68] ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 289, л. 766—788.
[69] ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 226, л. 5—5 об.
[70] ГАТОТ, ф. 47, д. 835, л. 189—191.
[71] ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 481, ч. 3, л. 91.
[72] См.: Фальк И. П. Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска.— В кн.: Полное собрание ученых путешествий по России. Спб., 1824, т. 6, с. 347.

но 45 татар-переселенцев (15 муж. и 30 жен.), в 1795 г.— 7 (1 муж. и 5 жен.) и в 1816 г.— 15 (10 муж. и 5 жен.) [73].

В конце XVII в. в Тобольском округе в составе захребетных татар было отмечено 9 мужчин — выходцев из Казани [74], а всего в округе, по другим данным, проживало 80 пришлых поволжских татар (43 муж. и 37 жен.) [75]. В 1782 г. их число в юртах тобольских татар равнялось 42 (25 муж. и 17 жен.), а в 1816 г.— всего 6 чел. (4 муж. и 2 жен.) [76], но последние данные явно неполные.

В Тарском округе в 1698 г. было 10 хозяйств казанских татар [77], или всего около 40 чел. В 1702 г. в Коурдакской волости проживало 4 казанских татарина — глав семей [78]. Ревизия населения 1782 г. отметила во всем округе 4 (2 муж. и 2 жен.), ревизия 1795 г.— 3 (2 муж. и 1 жен.), ревизия 1816 г.— 6 (5 муж. и 1 жен.) казанских татар [79].

Таким образом, в трех округах Тобольской губернии в 1782 г. числилось по документам 91 и в 1816 г. всего 27 казанских татар. В действительности их было в этих округах (особенно в Тюменском и Тобольском), видимо, больше, поскольку, как уже отмечалось, отдельного их учета по этнической принадлежности в составе ясачных, захребетных, дворовых, служилых людей не приводилось. Часть казанских татар была в составе оброчных чувальщиков, но так как они в этой группе практически сливались с сибирскими татарами [80], выделить их здесь также не удается. В 1872 г. оброчных чувальщиков было в Тобольской губернии по одним данным 254 чел. муж. пола [81], по другим — 249 чел. [82], в

---

[73] ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 26, л. 1—55; д. 27, л. 945—1189; д. 108, л. 1—104; д. 109, л. 1—25; д. 110, л. 1—28 об., д. 111, л. 1—118; д. 212, л. 1—148; д. 347, л. 108—136; д. 354, л. 1—347, 361—405, 409—468.

[74] ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 254, л. 4—5.

[75] Там же, д. 445, л. 4, 14, 60, 62—62 об.; д. 525, л. 3, 11—12, 40, 57—61.

[76] ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 4, л. 976—1263; д. 289, л. 289—313; д. 997, л. 1199—1262 об.; д. 347, л. 1—177, 400—840; д. 347—1, л. 1—56; д. 354, л. 349—360.

[77] ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 4, д. 1182, л. 348—348 об., 370, 398 об., 400, 413—413 об., 417 об., 422.

[78] Там же, ф. 214, оп. 1, ч. 5, д. 1339, л. 204, 217 об.—220.

[79] ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, д. 31, л. 954—1189; д. 138, л. 1—214; д. 139, л. 1—38; д. 141, л. 1—61; д. 142, л. 1—167; д. 354, л. 472—915.

[80] См.: Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI—первой четверти XIX вв.

[81] ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, д. 4342, л. 466 об.; ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 295, л. 146 об.

[82] ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 295, л. 92—92 об.

1812 г.— 325 ревизских душ, а в 1816 г. 376 чел. муж. пола или 622 чел. обоего пола[83]. Если принять условно, что казанские татары составляли половину оброчных чувальщиков, то можно определить примерно их численность для 1782 г. в 340 чел. обоего пола и для 1816 г.— в 400 чел. Используя сведения III ревизии населения о казанских татарах Тюменского округа и об оброчных чувальщиках Тобольской губернии (их было тогда 174 чел. муж. пола)[84], можно предположить, что количество пришлых татар составляло в начале 1760-х годов около 250 чел. или лишь немногим больше.

По томской группе казанских татар для XVIII в. имеется сведение И. Фалька 1771 г., что в Томске было тогда около 200 татар и бухарцев обоего пола[85]. Не исключено, что при этом И. Фальк использовал данные III ревизии. Поскольку в 1763 г. в Томске числилось 56 бухарцев муж. пола[86], то долю татар этого города примерно можно определить в 90 чел. обоего пола. В 1816 г. Казанская волость Томского округа насчитывала 107 татар, в том числе 59 муж. и 48 жен.[87] В промежутке между 1763 и 1816 гг., видимо, существенных изменений в численности казанских татар не происходило, так же как и позднее, в 1820—1830-х гг.[88].

Таблица

Численность поволжских и приуральских татар во второй половине XVIII—начале XIX вв.

Округи	Год		
	1763	1782	1816
Тарский, Тобольский, Тюменский и Ялуторовский	250	340	400
Томский	90	100	107
Итого	340	440	507

[83] Там же, ф. 1264, оп. 1, д. 4, л. 56; Валеев Ф. Т. Указ. соч., с. 139—140; Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в.— В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М., 1973, с. 276.

[84] ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, д. 4342, л. 466 об.

[85] См.: Фальк И. П. Указ. соч., с. 541.

[86] См.: Томские губернские ведомости, 1862, № 12.

[87] ГАТО, ф. 321, оп. 1, д. 10, л. 5—13.

[88] В 1827 г. татар в Казанской волости было примерно 90—95 чел. (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 283, л. 2 об.), в 1834 г.— 93 чел. (ГАТО, ф. 3, оп. 4, д. 29, л. 286).

Сведенные в общую таблицу цифры о численности в исследуемом регионе Западной Сибири татар — переселенцев из европейской части страны свидетельствуют в целом об увеличении этой категории татар. За 53 года их количество возросло на 50%. Именно во второй половине XVIII в. И. Г. Георги писал о том, что число татар-переселенцев умножилось в Уфимской, Оренбургской и Тобольской губерниях[89]. Позднее С. К. Патканов, говоря о многочисленности пришлых татар и их потомков в Западной Сибири в конце XIX в., отмечал, что «...значительная часть их осела уже давно и обзавелась семьями и хозяйствами...»[90]. Но, видимо, все же было бы преувеличением считать, что большая часть поволжских татар переселилась в Сибирь уже в XVII — первой четверти XIX вв. Материалы свидетельствуют, что это произошло гораздо позднее — массовый характер переселение татар из Европы в Сибирь приняло лишь во второй половине XIX в.[91] Даже в первой четверти XIX в. пришлых татар в Западной Сибири, как видно из таблицы, было очень мало, немногим более 500 чел.

Записи родословных, произведенные участниками этнографических экспедиций Омского и Томского университетов в татарских деревнях Западной Сибири в 1969—1979 гг., показывают, что потомки пришлых в XVII — первой четверти XIX вв. из Поволжья и Приуралья татар в этих деревнях составляют буквально единицы. Так, например, из родословных татар деревень Иртышак, Чебурга, Медянки, Исеньево, Байгары, Епанчино, Ворогушино, Шамши, Сабанаки, Уки и Турбинской Тобольского района было выявлено 40% генеалогических линий всего взрослого населения[92]. Из этих данных видно, что только в д. Сабанаки зафиксированы потомки более ранних переселенцев — казанских татар Саитхуловых. Время миграции их в Сибирь относится к 1808 г. Предки остальных выявленных 15 генеалогических линий казанских татар появились в этих селениях позднее. В тюменской группе татар обнаружить потомков ранних европейских

---

[89] См.: Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Спб., 1799, ч. 2, с. 7.

[90] Патканов С. К. Указ. соч., 1912, т. 1, с. 49.

[91] См.: Томилов Н. А. Современные этнические процессы среди сибирских татар, с. 36; Козина Г. М., Кузнецова Н. В., Первых С. Ю. Влияние этнической ситуации на хозяйственные занятия тарских татар.— В кн.: Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978, с. 184.

[92] МЗСЭЭ ОмГУ, 1976, т. 15 — 1—27.

переселенцев не удалось, несмотря на то, что были обследованы издавна существующие крупные населенные пункты — деревни Ембаево, Тураево, Варваринская, Матмасы, Карбаны, Тарханская, Нижние Тарманы, Средние Тарманы, Яр, Сингуль и др.[93] Следует заметить, что по данным IV и V ревизий населения казанские татары в конце XVIII в. были отмечены в небольшом количестве только в Сингульских юртах. Память об этом среди современного татарского населения не сохранилась — их потомки отнесли себя к сибирским татарам. При заполнении генеалогических схем среди татар Омской области[94] только в д. Малые Туралы мы получили сведение о том, что казанские татары Сафиулины жили в Таре с начала XIX в., время прибытия в Сибирь остальных переселенцев определялось более поздними периодами.

Записи родословных, сделанные в 1972—1977 гг. в местах расселения барабинских татар (было охвачено 75% всех генеалогических линий татар 27 деревень Чановского, Усть-Таркского, Венгеровского, Кыштовского, Барабинского, Куйбышевского, Убинского и Каргатского районов Новосибирской области)[95], неожиданно при отсутствии фиксации казанских татар архивными источниками изучаемого периода дали нам сведения о таких относительно ранних переселенцах. В ауле Кошкуль Чановского района З. Ф. Каримова сообщила о своих предках шести поколений. В конце XVII—начале XVIII в. из района Симбирска в аул Тармакуль переселился Яхья Сулейманов сын. Уже в Кошкуле родились его сын Архгул и внук Мингул, а от правнука Абдул-карима пошла фамилия Каримовых[96]. В конце XVIII в. в Кошкуль приехал мишар Наурус, от имени его сына пошла фамилия Мухаметшиных)[97]. В общей сложности нам сообщили о 17 пришлых татарах в этих районах, переселение которых в Сибирь произошло до второй четверти XIX в.[98] К общему числу за-

---

[93] МЭСЭЭ ОмГУ, 1977, т. 30 — 1—17; МСЭЭ ОмГУ, 1978, т. 39 — 1—16; МСЭЭ ОмГУ, 1979, папка 57—14. Материалы этнографических экспедиций Омского университета хранятся в Музее археологии и этнографии ОмГУ.

[94] См.: Козина Г. М., Кузнецова Н. В., Первых С. Ю. Указ. соч., с. 185; МЭСЭЭ ОмГУ, 1976, т. 15—1—27; МЭП ОмГУ, 1976, т. 13 — 1—16; МЭП ОмГУ, 1978, т. 58 — 1—38.

[95] См.: Томилов Н. А., Кузнецова Н. В. Опыт изучения этнического состава барабинских татар.— В кн.: История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979, с. 96—103.

[96] См.: МЭЭ ТГУ, 1973, т. 542—2, л. 37.

[97] См.: МЭСЭЭ СмГУ, 1977, т. 29—6, л. 4.

[98] Архив МАЭ ОмГУ, инв. № 69—1, л. 47.

фиксированных нами переселений в эти районы (524) миграции указанного периода составили 3,2%. Как правило, ранние переселенцы записывались в состав ясачных барабинцев.

Отметим, что среди татарского населения Томского района Томской области в Тахтамышево, Калтае и Черной Речке (деревни чатов) генеалогиями были выявлены жители, предки которых были казанскими татарами, переселившимися в Сибирь в начале XIX в.[99] Этот факт интересен тем, что позволяет говорить о поселении поволжских татар в Притомье не только в Томске, где была создана Казанская волость, но и в сельской местности.

Таким образом, записи родословных раскрыли некоторые стороны, связанные с миграциями поволжских и приуральских татар в районы Западной Сибири в изучаемый период. Но и они в целом подтвердили общий вывод о том, что такие переселения не имели тогда массового характера и что пришлые татары в районах Западно-Сибирской равнины были в XVII — первой четверти XIX вв. немногочисленны, разбросаны по разным округам и фактически не связаны друг с другом. Основная их часть расселилась среди коренных сибирских татар, с которыми они и вступали в тесные контакты. Это прямым образом относится и к оброчным чувальщикам Тобольского округа, которые, несмотря на существование у них отдельной волости, давно уже, как писали в 1828 г., «...рассеялись и живут ныне одни от других на весьма дальнем расстоянии», даже в разных округах[100].

---

[99] МЭП ТГУ 1970—1973 гг. Хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета.

[100] ЦГИА, ф. 1261, оп. 1, д. 367, л. 76—76 об.

Л. Б. ЕРМОЛОВ

СРЕДСТВА ПАССИВНОЙ ОХОТЫ КАК ИНДИКАТОР ОСЕДЛОСТИ ЭТНОСА

Охота занимала одно из важнейших мест в жизни человечества на этапе его возникновения. Нет сомнения в том, что выделение охоты как особой системы хозяйства определяло развитие человеческого общества в этот период [1]. Можно думать, что охота также являлась и важнейшей предпосылкой для появления животноводства [2].

Но не только в прошлом, а и в настоящее время у многих народов главным источником существования является охотничий промысел. К таким народам относятся этносы, населяющие таежную полосу Сибири — область, не знавшую древнего земледелия и скотоводства. Охота являлась здесь основной отраслью хозяйства и отражала в себе все процессы общественного развития.

Рассматривая технику охоты как совокупность различных орудий и способов овладения добычей, С. А. Семенов делает заключение, что «ее развитие шло не путем их смены при переходе из одной эпохи к другой, а путем собирания, накопления и обогащения опытом» [3]. По мнению этого автора, к числу основных тенденций развития охоты на ее первобытном уровне принадлежит увеличение охотничьей добычи путем включения новых видов животных [4]. Следует особо отметить, что развитие охотничьего промысла идет в основном за счет включения новых типов орудий и совершенствования и модернизации уже существующих способов и приемов охоты. Большое значение в охотничьем промысле имеет

---

[1] См.: Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976, с. 21—22.

[2] См.: Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, с. 328.

[3] Там же, с. 325.

[4] Там же, с. 321.

техника его организации, а также вопросы биотехнического и чисто экономического характера.

Проблемы, связанные с присваивающим хозяйством древнего населения Сибири, неоднократно являлись предметом пристального внимания многих авторов. Описанию возможных орудий и способов охоты, существовавших в древности, посвящены работы П. Н. Третьякова[5], С. Н. Замятина[6], С. А. Семенова[7], Н. К. Верещагина[8] и многих других исследователей.

Как известно, в эпоху палеолита в Евразии, на территории которой была распространена фауна субарктической адаптации, охота играет особую роль, так как здесь формам охотничьего хозяйства были подчинены все стороны жизни человеческого общества: техника, идеология, искусство. Все необходимое для своего существования человек получал от охотничьей добычи[9].

В период сартанского оледенения, которое началось 25 тыс. лет тому назад, на территории Сибири были распространены открытые ландшафты перигляциального типа, представляющие собой холодные степи с участием тундровых элементов, не имеющие аналогий в современных растительных ассоциациях[10].

К сожалению, нам практически неизвестны те орудия и способы охоты, которые использовались древними охотниками. Основными дошедшими до нас фактическими свидетельствами охоты древних обитателей Сибири являются фаунистические остатки, обнаруженные при раскопках палеолитических стоянок. Судя по костным остаткам из таких хорошо известных верхнепалеолитических стоянок Сибири, как палеолитические стоянки Барабинской степи, Мальта, Бурять,

---

[5] См.: Третьяков П. Н. Первобытная охота в Северной Азии. Из истории родового общества на территории СССР.— Изв. ГАИМК. М.—Л., 1934.

[6] См.: Замятнин С. Н. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита.— ТИЭ, 1960, с. 4.

[7] См.: Семенов С. А. Указ. раб.

[8] См.: Верещагин Н. К. Охота первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР.— В кн.: Матер. по фаунам антропогена СССР. Л., 1971; Охота наших предков.— Охота и охотничье хозяйство, 1975, № 2.

[9] См.: Семенов С. А. Указ. раб., с. 322—323.

[10] См.: Равский Э. И. Перигляциальные явления и перигляциальные зоны плейстоцена Восточной Сибири.— В кн.: Вопросы геологии антропогена. М., 1961; Кинд Н. В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М., 1974.

Афонтова гора, Красный Яр, Кокоревские стоянки и др., основными объектами охоты палеолитического человека были мамонт, шерстистый носорог, зубр, северный олень, лошадь, кулан, сайга, аргали [11].

Следует отметить, что все это стадные животные, обитавшие на открытых пространствах. В послеледниковое время исчезли как сами перигляциальные ландшафты, так и свойственные им биоценозы, поэтому не всегда правомерно проводить этнографические параллели для реконструкции орудий и способов охоты того времени. Относительно способов охоты, существовавших в то время, можно сказать, что они, вероятно, были весьма разнообразны и сводились в основном к скрадыванию добычи на открытой местности. Значительно больший интерес представляют существовавшие в эпоху палеолита загонные охоты. При загонных охотах древние охотники использовали преимущества изрезанного рельефа местности [12], такие как обрывы вдоль коренных склонов рек и овраги, подобные оврагу у Амвросиевки, служившим местом загонной охоты на зубров [13].

В условиях открытых ландшафтов перигляциального типа палеолитическим охотникам легко было обнаружить пасущихся животных и поэтому все предполагаемые способы охоты, существовавшие в те времена, носят «активную» форму. Как уже показывает само название, «активная» охота предусматривает разыскивание, преследование и добычу зверя с помощью орудий. В это же время появляется и «пассивная» форма охоты, которая предполагает добычу животных с помощью различных ловушек, куда зверь попадает сам, без непосредственного участия охотника. К орудиям пассивной охоты палеолитического человека предположительно можно отнести ямы [14], которые могли возникнуть по анало-

[11] См.: Герасимов М. М. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальта.— В сб.: Палеолит СССР. М., 1935, с. 78—124. (Изв. ГАИМК, № 118); Сосновский Г. П. Поселение на Афонтовой горе.— Там же, с. 125—151; Ермолова Н. М. Терриофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск, 1978, с. 68—157.

[12] См.: Верещагин Н. К. Указ раб., с. 205—208; Семенов С. А. Указ. раб., с. 283; Громов В. И. Геология и фауна палеолитической стоянки Афонтова гора II.— Труды комиссии по изучению четвертичного периода, 1932, т. 1, с. 180.

[13] См.: Пидопличко И. Г. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенность.— КСИАУ, 1953, вып. 2, с. 65—67; Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, 1953, с. 548.

[14] См.: Замятнин С. Н. Указ. раб., с. 106; Семенов С. А. Указ. раб., с. 282.

гии с естественными ловушками, используемыми при загонной охоте. Ямы могли устраиваться на тропах и других узких местах. Кроме ям, в зимнее время могли применяться петли на зайцев. Можно с уверенностью сказать, что вначале, вероятно, существовало смешение активной и пассивной форм охоты, т. е. древние охотники специально гнали животных к месту, где были устроены ловушки. Яркий пример подобного смешения наблюдался Ф. Белявским [15] у приобских остяков в охоте на северного оленя, когда они специально загоняли стадо оленей к месту, где были установлены петли. Впоследствии ловушки использовались древними охотниками уже без загонов, и пассивная охота выделилась в своей чистой форме, хотя отдельные случаи смешения этих двух форм охоты сохраняются до наших дней.

Судя по фаунистическим остаткам из верхнепалеолитических стоянок Сибири, в охоте того времени доминировала добыча животных ради мяса.

Экономические условия, существовавшие в эпоху сартанского оледенения, давали палеолитическим охотникам возможность добывать животных поблизости от своих стоянок [16]. Это повзоляло им относительно долго существовать на одном месте, что подтверждается наличием мощного культурного слоя, фундаментальных жилищ и огромным количеством фаунистических остатков на многих палеолитических стоянках Сибири. Такой образ жизни древних палеолитических охотников можно охарактеризовать как примитивно-оседлый. Сам характер охоты этого времени можно назвать относительно-стационарным.

В голоцене на территории Сибири ландшафты перигляциального типа сменяются на лесные и лесостепные формации [17]. В связи с этим исчезают и свойственные открытым ландшафтам стадные животные и появляются лесные виды.

Климатические изменения глобального характера застали древних охотников на стадии прогрессивного развития орудий охоты, благодаря чему человек сравнительно легко перешел к эксплуатации изменившихся ландшафтных зон [18].

---

[15] См.: Белявский Фридрих. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833, с. 205.

[16] См.: Ефименко П. П. Указ. раб., с. 576.

[17] См.: Гитерман Р. Е., Голубева Л. Е. История развития растительности Восточной Сибири в антропогене. – В кн.: Основные проблемы изучения четвертичного периода к VII конгрессу. М., 1965 с. 265—275.

[18] См.: Массон В. М. Указ. раб., с. 32.

В результате происшедших перемен в климате, растительности и видовом составе фауны главными объектами охоты обитателей неолитических стоянок Сибири становятся различные представители таежных биоценозов, такие как лось, бурый медведь, благородный олень и др.[19] Эти животные, как правило, держатся либо поодиночке, либо небольшими группами, каждая из которых имеет свой определенный ареал обитания. Следует отметить, что способы охоты на тех или иных животных сопряжены, в первую очередь, с экологией и их поведением в условиях данного биоценоза. В этой связи в эпоху неолита возникают новые орудия и способы охоты на лесных животных, что является не чем иным, как одним из проявлений адаптации неолитического населения Сибири к новым экологическим условиям.

Основными дошедшими до нас сведениями об орудиях и способах охоты неолитического населения Сибири являются орудия охоты, найденные на стоянках и поселениях, а также петроглифы того времени.

С момента появления в неолитическую эпоху лука, вероятно, возникают и такие орудия пассивной охоты, как самострелы[20], которые могли устанавливаться на тропах, у водопоев, в проходах изгородей и других местах[21]. В это же время могли появиться и другие, более сложные конструкции самоловных аппаратов, предназначенные для добычи как крупных, так и более мелких животных и птицы. Появившиеся в дополнение к ямам и петлям новые самоловные орудия намного увеличили возможности пассивной охоты в неолитическое время. Однако можно думать, что эта форма охоты еще не приобрела в неолитическую эпоху доминирующего значения, и, по всей вероятности, имела лишь временно-прикладной, или сезонный характер. Интересно отметить, что в эпоху неолита, продолжает сохраняться смешение активной и пассивной форм охоты. Так, на некоторых писаницах неолитического времени встречаются сюжеты охоты на животных с помощью загородей[22], в проходах которых

---

[19] См.: Ермолова Н. М. Указ. раб., с. 172—173.

[20] См.: Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.—Л., 1950, с. 234.

[21] См.: Третьяков П. Н. Указ. раб., с. 235.

[22] См.: Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М.—Л., 1966, с. 125; Мазин А. И. Петроглифы IV—III тыс. до н. э. таежной зоны Восточной Сибири и Дальнего Востока.— Изв. лаборатории археолог. исследований. Кемерово, 1976, вып. 7, с. 127—128, и др.

устраивались ямы или устанавливались петли и самострелы. Этот способ охоты изображается на рисунках как в чистой, пассивной его форме, так и в форме смешения активного способа охоты загоном с пассивным способом добычи животных с помощью загородей. Необходимо заметить, что сохранение в эпоху неолита смешения активной и пассивной форм охоты свидетельствует в первую очередь о недостаточной степени развития последней для того, чтобы выделиться в самостоятельную, характеризующуюся типичными чертами форму и приобрести доминирующее значение. Только при условии длительных стоянок на одном месте, в определенное время года пассивная охота лишь временно могла обеспечить необходимый минимум добычи животных для пищи, так как при «примитивно-кочевом» образе жизни неолитических охотников и подвижном характере охоты они, не имея еще средств транспорта, не могли опромышлять самоловными орудиями достаточно большой территории.

По мнению Д. М. Карова[23], распространение самоловных аппаратов во многом было связано с внедрением железных орудий. Нет никакого сомнения в том, что внедрение железных орудий сыграло большую роль в развитии пассивной охоты. Действительно, начиная с эпохи металла, степень технического оснащения древних охотников Сибири позволяла им вполне эффективно развивать охотничье хозяйство практически во всех экологических зонах. Тем не менее можно думать, что коренные причины процесса развития пассивной охоты, видимо, лежат значительно глубже и связаны не только с появлением металла, но и с развитием новых социально-экономических отношений, возникших в результате колонизации Сибири.

Существуют различные точки зрения на проблему появления и развития пассивной охоты в Сибири. Так, по мнению Ю. Липса, орудия пассивной охоты появляются на территории Сибири в послеледниковый период[24]. Существует также и другое мнение, согласно которому коренное население Сибири не знало самоловных орудий до прихода русских[25]. Была также высказана и точка зрения, согласно ко-

---

[23] См.: Каров Д. М. О развитии примитивных орудий.— ТИЭ, 1960, т. 4, с. 53.

[24] Lips J. Trap systems among the montagnais — Naskapi Indians of Labrador. Stockholm, 1936, с. 23.

[25] См.: Павлов П. Н. Пушной промысел Сибири XVII века. Красноярск, 1972, с. 161.

торой русские люди, столкнувшись в Сибири с другой экологической средой, вынуждены были заимствовать способы и орудия пассивной охоты, свойственные этой среде, у таежных народов [26].

Совершенно очевидно, что коренное население Сибири знало орудия пассивной охоты с глубокой древности. Одни из первых исследователей Сибири отмечали наличие таких средств пассивной охоты, как загороди с самоловными аппаратами, еще в XVIII в. [27]. На многих петроглифах неолитического времени имеются сюжеты пассивной охоты. Способы пассивной охоты на крупных животных таежной зоны Сибири, возникшие с распространением лесной растительности и свойственной ей фауны в послеледниковый период, по всей видимости, не подвергались радикальным изменениям вплоть до появления металла и начала колонизации Сибири.

Русские, столкнувшись в Сибири с другой экологической средой, могли заимствовать некоторые способы и орудия пассивной охоты у аборигенного населения, в охоте на пушного зверя таежные народы Сибири частично заимствовали развитую технику лова у русских.

Рассматривая орудия пассивной охоты, А. А. Силантьев разделяет их по функциональному значению на 4 основных категории: давящие, ущемляющие, ранящие и убивающие [28]. Можно думать, что подобная функциональная классификация не имеет большого значения при описании охотничьего хозяйства сибирских народов, так как она в полной мере не отражает хозяйственных или этнических особенностей.

С. А. Семенов всем орудиям пассивной охоты дает название «стационарные механические средства охоты» [29]. Следует заметить, что такое название средств пассивной охоты не всегда дает правильное представление об их основных чертах.

---

[26] См.: Увачан В. Н. Переход к социализму малых народов Севера: По материалам Эвенкийского и Таймырского национальных округов. М., 1958, с. 13.

[27] См.: Любарских Платон. Краткое описание о пермских чердынских вогукичах.— Российский магазин. 1762, ч. 1, с. 62; Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб, 1786, т. 2, ч. 1, с. 327; Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и в 1769 г. Спб., 1771, т. 3, с. 115.

[28] См.: Силантьев А. А. Обзор промысловых охот в России. Спб., 1898, с. 168—206.

[29] Семенов С. А. Указ. раб., с. 324.

Можно думать, что правильнее было бы разделить все орудия пассивной охоты на две группы: стационарные и переносные. К стационарным следует отнести такие ловушки, которые остаются на одном месте с момента их изготовления и не могут быть перенесены без разрушения их целостности. Подобными ловушками являются ямы, различные пасти, кулемы, кряжи и т. п. К переносным орудиям пассивной охоты можно отнести такие, которые могут быть полностью перенесены на другое место их действия или частично и затем быстро воспроизведены на новом месте охоты. Переносными орудиями являются самострелы, черканы, различные петли и силки и т. п.

Постепенно возрастающий спрос на пушнину, возникший в результате развития новых социально-экономических отношений вследствие колонизации Сибири, вызывает направленное истребление наиболее ценных видов. В результате появляются относительно обедненные дичью угодья, которые уже не могут быстро восстановить биологическое равновесие и обеспечить прежний процент добычи. Если раньше охотничья территория сокращалась по мере роста населения[30], что, естественно, не могло существенно повлиять на процентную устойчивость промысла, то теперь опустошение охотничьих угодий в полном смысле является сокращением полноценной охотничьей территории.

Процесс оскудения угодий, безусловно, оказывал прогрессивное влияние на развитие охотничьего хозяйства сибирских народов, диктуя необходимость заимствования и выработки форм наиболее эффективной и полной эксплуатации природных ресурсов. Как совершенно справедливо заметил А. Ф. Анисимов, «возможность увеличения производительности охотничьего промысла прежде всего связана с увеличением радиуса опромышляемой охотничьей территории»[31]. Так как одним из необходимых условий развития охотничьего хозяйства по такому пути является наличие средств транспорта, то этот путь был в основном воспринят кочевыми оленеводческими и частично, в менее выраженной форме, полукочевыми коневодческими народами, населяющими зону горной тайги. У кочевых оленеводческих народов сохраняется при этом доминирующее значение активной формы охоты как на крупных животных, так и на пушного зверя (с не-

[30] См.: Замятнин С. Н. Указ раб., с. 99.

[31] Анисимов А. Ф. О социально-экономических отношениях в охотничьем хозяйстве эвенков.— Сов. Север, 1933, № 5, с. 40.

значительной долей применения главным образом переносных орудий пассивной охоты как наиболее приемлемых для кочевого образа жизни) и кочевой характер охоты. Что же касается остальных, полукочевых или более оседлых народов, населяющих зону равнинной тайги, то у них повышение производительности охотничьего промысла достигалось за счет увеличения количества стационарных ловушек, поставленных в новых районах охоты, либо за счет увеличения количества ловушек, поставленных на единицу площади. В этой связи совершенно закономерно возрастает роль пассивной охоты, позволяющей интенсивно опромышлять угодья с максимальной эффективностью. Требуя большой затраты труда на свое изготовление, стационарные орудия пассивной охоты долговременны и довольно эффективны, но необходимость постоянной их проверки заставляет охотников уделять меньше времени активной охоте на животных ради мяса, требующей много времени на разыскивание, добычу и транспортировку. В связи с этим совершенно особый смысл приобретает пассивная охота на мясных животных, так как теперь в ее задачу входит обеспечение необходимого минимума пищи для охотников, занимающихся промыслом пушного зверя.

Увеличение числа ловушек в районе охоты ведет к увеличению объема опромышляемой территории до определенного предела, позволяющего охотникам своевременно проверять все ловушки.

Таким образом, охотничьи маршруты становятся все более направленными и превращаются в определенную, четко выработанную систему, которая не терпит никаких произвольных отклонений.

Уже само наличие системы в перекочевках предполагает четко ограниченную охотничью территорию, внутри которой все маршруты располагаются по замкнутой кривой, так, чтобы охотники, постоянно проверяя ловушки, возвращались к изначальному месту своего пути. В результате в каком-то наиболее удобном месте для длительной стоянки возникает условный оседлый центр (если его еще нет), который с течением времени, становясь все более стабильным, приобретает четкую локализацию. От этого центра в разные стороны расходятся маршруты с ловушками, которые чаще всего располагаются по замкнутой линии так, чтобы охотник, проверяя ловушки, неизменно возвращался к своему дому. При наличии подобного типа промысла вовсе не требуется, что-

бы все мужское население было занято охотой. Для проверки и настораживания ловушек достаточно относительно небольшого числа охотников. Остальная часть населения занимается другими, подсобными видами хозяйства. Приобретает более стабильный характер рыболовство, которое со временем и при хороших экологических условиях приобретает промысловый характер и становится одним из важнейших источников существования. Под влиянием контактов с другими народами развивается скотоводство. Все это окончательно привязывает этнос к определенному месту, где большая часть населения занимается хозяйством, характерным для оседлых народов. Сам промысел на местах носит стационарный или локально-стационарный характер, в зависимости от отдаленности районов охоты от оседлого центра.

Таким образом, характерной чертой развития охотничьего хозяйства этносов таежной полосы Сибири является прямая зависимость доминирующей формы и направления хозяйства от конкретных экологических условий. Образ жизни таежных народов тесным образом связан с доминирующей формой их охотничьего хозяйства. Смена активной формы охоты пассивной неизбежно влечет за собой переход от кочевого образа жизни к более оседлому. Степень развития пассивной формы охоты несомненно является индикатором оседлости этноса.

Можно полагать, что само развитие охотничьего хозяйства у конкретных народов Сибири во многом зависит от соотношения традиционных экономических и локально-экологических факторов и тенденций.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологическое обозрение
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГААО — Государственный архив Архангельской области
ГАКК — Государственный архив Красноярского края
ГАНИИЯЛИ — Горно-Алтайский научно-исследовательский Институт языка, литературы, истории
ГАОО — Государственный архив Омской области
ГАТО — Государственный архив Томской области
ГАТОТ — Государственный архив Тюменской области (Тобольск)
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ИАН — Известия Академии наук СССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИС — Из истории Сибири
ИЭ — Институт этнографии
КП — Книга поступлений
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МАЭ ОмГУ — Музей археологии и этнографии Омского государственного университета
МГУ — Московский государственный университет
МЗСЭЭ ОмГУ — Материалы Западно-Сибирской этнографической экспедиции Омского государственного университета
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МСЭЭ — Материалы Сибирской этнографической экспедиции Омского государственного университета
МЭП ОмГУ — Материалы этнографической практики Омского государственного университета
МЭП ТГУ—Материалы этнографической практики Томского государственного университета
МЭЭТГУ — Материалы этнографической экспедиции Томского государственного университета
ОМК — Омский музей краеведения
ПАДИУ — Проблемы археологии и древней истории Угров
ПАС — Происхождение аборигенов Сибири
ПГУ — Пермский Государственный университет
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ

ПМЗСЭЭ — Полевые материалы Западно-Сибирской этнографической экспедиции Московского университета
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РИБ — Русская историческая библиотека
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения государственной Академии истории материальной культуры
СМАЭ — Сборник музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
СЭ — Советская этнография
ТГПИ — Томский государственный педагогический институт
ТГУ — Томский государственный университет
ТКАЭЭ — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТФ ГАТО — Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив, Ленинград
а — аул
б/д — без даты
т — тетрадь

СОДЕРЖАНИЕ

И. Г. Глушков (Омск). Теоретическая мысль в археологии во второй половине 20 — начале 30-х годов 3
А. И. Петров (Омск). Стоянка Крапивка I 21
В. И Матющенко (Омск). Окуневские комплексы на поселении Самусь IV 33
Е. А. Васильев (Томск). Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы 40
А. Я. Труфанов (Омск). Жертвенное место Хутор Бор-I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) 63
В. А. Могильников (Москва). Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа 77
Ю. С. Худяков (Новосибирск). Кыргызские наконечники стрел из Омского краеведческого музея 90
Б. А. Коников, Ю. С. Худяков (Омск, Новосибирск). Железные наконечники стрел из лесостепного и таежного Прииртышья 94
Ф. Х. Арсланова (Калинин). К вопросу о связях племен Павлодарского Прииртышья с населением Западной Сибири (VII—XI вв.) 105
В. И. Васильев (Москва). К вопросу об определении численности коренного населения Европейского Севера и Северной Сибири в XVII в. 118
В. М. Кулемзин (Томск) Некоторые способы цветообозначения у хантов 124
Н. В. Лукина, О. М. Рындина (Томск). О семантике орнамента восточных хантов 129
К. И. Козлова (Москва). Современные этнокультурные контакты сосьвинских манси 143
А. И. Пика (Москва). Соседская община в процессе формирования северомансийской этнической общности 151
Р. К. Сатлыкова (Москва). Культурно-бытовые взаимодействия населения среднего Прииртышья 163
Н. А. Томилов (Омск). Поволжские татары Западной Сибири в XVI—первой четверти XIX вв. 175
Л. Б. Ермолов (Ленинград). Средства пассивной охоты как индикатор оседлости этноса 191
Список принятых сокращений 201

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Редактор **Т. В. Зелёва**
Технический редактор **Г. Н. Гридина**
Корректор **Г. П. Орлова**

ИБ 1038. Сдано в набор 25.06.82. Подписано к печати 4.05.83. КЗ 03066. Формат 60×84$^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 3. Литературная гарнитура. Высокая печать. П. л. 12,75; уч.-изд. л. 10,7; усл. п. л. 11,8. Тираж 500 экз. Заказ 5719. Цена 1 р. 60 к.

Издательство ТГУ, 634010, Томск, пр. Ленина, 36.
Типография изд-ва «Омская правда», 644056, Омск, пр. Маркса, 39.

1 р. 60 к.